

В первой части трилогии Елена Макарова, известный писатель, педагог, историк, рассказывает, как научить детей выражать себя через работу с пластилином и глиной. Ее книги помогают родителям и педагогам увидеть в детских творениях не произведения искусства, а процесс познания мира. Именно через творчество ребенок обретает себя в мире и мир в себе.

«В этой книге говорится, как на самом деле разбудить в ребенке фантазию, как научить его видеть в куске пластилина... все что угодно. Здесь аккумулировано невероятное количество вдохновения, которое неизменно передается читателю».

Портал «Orangefrog»

Продолжение уникальной арт-терапевтической методики Елены Макаровой читайте в книгах «В начале было детство» и «Вещность и вечность».

www.samokatbook.ru

ISBN 978-5-91759-067-7

9 785917 590677 >

Освободите слона

Елена Макарова

Елена Макарова

Освободите слона

самокат для родителей

самокат для родителей

Елена Макарова

Как вылепить
отфыркивание

том 1

Освободите слона

Москва
Самокат

УДК 373.2/.5.016:730
ББК 74.100.5+74.268.5
М15

Серия «Самокат для родителей»
Трилогия «Как вылепить отфыркивание»
Оформление трилогии Дениса Драгилёва

- Макарова, Елена Григорьевна.
- М 15 Как вылепить отфыркивание. В 3 т. Т. 1. Освободите слона / Елена Макарова. — М. : Самокат, 2011. — 192 с. : ил. — (Самокат для родителей). — ISBN 978-5-91759-067-7.

Елена Макарова, известный писатель, педагог, историк, рассказывает, как научить детей выражать себя через работу с пластилином и глиной. Ее книги помогают родителям и педагогам увидеть в детских творениях не произведения искусства, а процесс познания мира. Именно через творчество ребенок обретает себя в мире и мир в себе.

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного согласия издательства.

© Е. Макарова, текст, 2011

© Д. Драгилёв, оформление, 2011

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательский дом «Самокат», 2011

© ООО «Издательский дом «Самокат», 2011

(с) Защита прав и интересов ИД «Самокат»:

ООО «Юридическое агентство "Копирайт"»

www.juragent.ru

ISBN 978-5-91759-067-7

Содержание

Предисловие.....	7
От автора.....	11

Освободите слона

Игра всерьез.....	20
Макет.....	21
Как придумываются уроки.....	25
Человек-Туча.....	31
Безбытный крокодил в Стране Оживленных Слов.....	35
Подводный камень.....	37
Самое-самое.....	39
Пластилиновые сады.....	42
Гнездо «увеселительных птиц».....	43
Человек из дома.....	45
Замурованный лев.....	47
Чуфы, чуфы, муфы, муфы.....	49
Мальчик с флейтой.....	51
Детская логика.....	56
Каляки-маляки.....	60
Лучше бы мешала.....	62
Человек видит весь мир.....	63
Дядя, снимите очки!.....	65
Трудные дети или трудные взрослые?.....	71
Магнитофонная запись.....	74
Вельветовые братья.....	79
Импринтинг.....	82
Бердоклыч.....	84

Лето на крыше

Гараж с мезонином.....	88
Цветной дождь.....	91
Образованная мама.....	93
Умей передать ритм.....	95
Море плачет, небо плачет, мама плачет.....	97
Умная Эльза.....	99

Заколючка пуговичная	100
Душа в шапке-невидимке.....	105
Замурованный танк.....	106
Рыбалка в дождь.....	107
Свободный паровоз.....	111
Зачем люди растут?	114
Мажор или минор?	118
Головастики	121
Хвали нас, мама!.....	123
Тишупе.....	126
Змеюшник	130
Глубокие корни.....	132
Надувной и раздувной.....	134
Душеспасительные беседы.....	137
Стыд превосходства	138
Добытки	140
Главная мысль	144
Грустно существовать человеком	144
Концерт	147
Под сурдинку	149
Волшебная гора	151
Дом любителей Гоголя	156
Ваша кошка все время меняет позу	157
Почему я такой!	160
Птицы в валенках	162
Дурное настроение	163
Идиллия	166
Мама, зачем мы тебе?	171
Лучший друг.....	174
 Послесловие	 176

Предисловие

Елена Макарова — писатель, скульптор, художник (свои литературные произведения она иллюстрирует сама), замечательный педагог. Все это вы почувствуете по первым же страницам этой книжки. Разностороннее дарование — не так ли? По-моему, нет. Мне кажется, что это лишь разные проявления одного — главного дара. Елена Макарова — человек, удивительно ярко помнящий свое детство. Когда читаешь ее автобиографические произведения, понимаешь, что каждое событие, относящееся к четырех-пятилетнему возрасту, она переживает, как случившееся вчера.

Как нам порой не хватает этой живой памяти о собственном детстве! Как трудно бывает понять своего ребенка, прочитав, что скрывается за его молчанием или капризами. Главная цель этой книжки — достучаться до взрослых, спрятавшихся за своими взрослыми делами, представлениями и предрассудками. Ребенок не в состоянии пробиться через этот заслон. По счастью, находят взрослые, которые по праву становятся полномочными представителями детей. Такими людьми были Корчак, Сухомлинский.

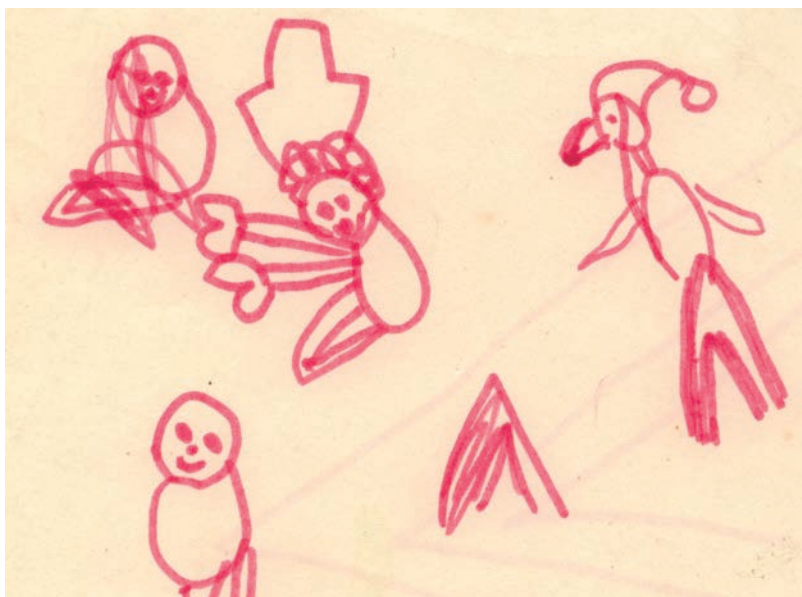
Они учили нас — родителей — любить детей. Эту эстафету в числе лучших педагогов приняла Елена Макарова.

Эта книжка не только о том, «как любить детей» (цитирую название одной из книг Януша Корчака). Она еще об обучении лепке. Но как ни странно, в ней нет почти никаких практических советов. Ни изложения конкретной методики обучения, ни системы последовательно усложняющихся заданий. Наверное, многие родители будут разочарованы. Где же рекомендации по эстетическому развитию ребенка? Где рецепты формирования художественных способностей?

Дорогие родители, не спешите. Прочтите книжку еще раз — может быть, вы заметите то, что пропустили при первом чтении, спеша добраться до «главного»: точных и четких указаний по организации занятий с ребенком. Главное не это, главное — позиция педагога, способ общения с ребенком, общий подход к предмету (в данном случае — лепке). Без этого любая методика мертва, бездушна. В лучшем случае она поможет обучить ребенка техническим навыкам, но способствовать художественному развитию, формированию способностей, безусловно, не будет.

Так постарайтесь почерпнуть из книжки то, что в ней есть, а не искать то, чего нет. Кстати, некоторые методические приемы — и чрезвычайно интересные — Елена Макарова описала. Но вот беда: среди них нет и не может быть приемов универсальных, пригодных для каждого ребенка. Поэтому и приводятся они только в качестве примеров: смотрите, как изобретается методика для Тани, для Вовы, для Маши. Если вы поняли — нет, правильнее сказать, почувствовали — педагогическую (и просто человеческую) позицию, изложенную в книжке, вы сами сможете изобрести методику для своей дочери или своего сына. Наверняка она окажется для вашего ребенка полезнее, чем самая совершенная методика, рассчитанная на «ребенка вообще».

В этой книге много психологических наблюдений и обобщений. Я не рискнул бы назвать их научными в строгом смысле слова. Скорее, это те «донаучные» обобщения, которые служат необходимым трамплином для собственно научного исследования. Их основа — пристальный интерес к людям, «вчувствование», интуитивное понимание ребенка, присущие всем хорошим педагогам.

Для самой Елены Макаровой психологические наблюдения служат материалом, из которого рождаются педагогические выводы. Но не будут ли ложными выводы, основанные на «донаучном» материале? В принципе такая опасность существует, но, на мой взгляд, Макаровой она не грозит. Ее педагогика по самой своей сути экспериментальна. Любое предположение, не подтверждающееся на практике, отвергается. А если оно «работает», то разве так уж важна теоретическая обоснованность исходных посылок?

К сожалению, такой подход встречается нечасто. Я уж не говорю о профессиональных педагогах, но даже родители порой годами пытаются воплотить в жизнь свои воспитательные идеи, не замечая того, что развитие ребенка не укладывается в эти идеи, уродуется в их прокрустовом ложе.

И последнее, что мне хочется отметить в этой книге, — подход автора к проблеме профессиональной подготовки художника (в самом широком смысле слова). Макарова точно отметила самое острое противоречие, характерное для современного обучения в этой сфере: мы хотим воспитать творца, а учим его воспроизводить шаблоны — пусть даже великие. Хотим, чтобы он выражал свое неповторимое отношение к миру, а учим повторять чужое.

Но ведь обучение невозможно без образцов, без передачи человеку того, что накоплено человеческой культурой за многие столетия. Как же быть? Автор отвечает: давать ребенку только те выразительные средства, потребность в которых уже созрела в ходе предшествующего развития, отвечать на запрос, исходящий от самого ребенка. Не утопия ли это? Не знаю. Но если и утопия, она указывает верное направление поиска.

В этом маленьком предисловии я не пытался дать путеводитель по книге, которую вы сейчас прочтете. Я хотел лишь обратить ваше внимание на серьезность поставленных в ней проблем. Надеюсь, что за неприятными историями об отдельных детях и родителях вы разглядите глубокие и эмоционально насыщенные размышления Елены Макаровой о детях, об искусстве, о Человеке.

Уверен, что эту книгу с интересом и пользой для себя прочтут родители, дошкольные работники, специалисты по эстетическому воспитанию.

*Л. А. Венгер,
доктор психологических наук,
1985*

От автора

Этому предисловию столько же лет, сколько и первому изданию книжки «Освободите слона». Но оно — как, полагаю, и книга (иначе зачем переиздавать ее в третий раз!), — не потеряло своей актуальности. По-прежнему трудно сформулировать, что именно я делаю с детьми, а теперь уже и со взрослыми, на занятиях, консультациях или просто при случайных встречах.

Как-то в начале перестроечной эры ко мне обратился некто Лебедев — попросил поддержать его программу «Спасение детей через искусство и художественные навыки». Программа была написана скучно, но в глазах ее автора горел огонь платоновских героев — изобретателей вечного эфира.

— Ориентировался на вас, — произнес он и выложил на стол мою книгу с пометками на полях. Все оглавление было в кружочках и крестиках.

— Это я прорабатывал. Крестики — теоретические выкладки, кружочки — наглядные примеры.

Кружочков было значительно больше.

Недавно, просматривая видеозапись наших бесед с папой, я услышала из его уст рассказ о моем детстве. Наш разговор состоялся десять лет тому назад, и покуда папа был жив, у меня не было необходимости возвращаться к тем съемкам.

В детстве я несколько лет провела в больнице. В нескольких километрах от станции Турист за высоким забором стояли, раскиданные полесной территории, корпуса. Ходячие жили в одном корпусе, а лежащие — в другом. «Школа» находилась в «лежащем» корпусе. Там же была и палата для маленьких калек.

После уроков я отправлялась к ним устраивать «театр». Мы разыгрывали спектакли «на руках», роли исполняли пальцы. Указательный: «Здрастье-здрастье», Большой: «Ура!» Два указательных (беседа): «Как дела? Хорошо. Сейчас придет комиссия, прячьтесь!» Пальцы сжимаются в кулак. Средний (вылезая из кулака): «А где же дети?» Все пальцы встают: «А вот они мы!» Средний: «Какие хорошие дети, а что вы здесь делаете?» Все пальцы двигаются: «Мы играем!» И т.д. и т.п.

Я лепила для них макеты. Лес. Море. Город. Всё как настоящее, только маленькое. Рассказывала сказки о жизни — про прозрачные сосульки над входом в корпус, про пегую лошадь, которая привозит им в телеге молоко в больших бидонах.

Руки у калек непослушные. И я лепила их руками. Это доставляло им неимоверное наслаждение. Вместо пальцев мы стали играть с «шариками», «колбасками» и «лепешками», и, надо сказать, наши спектакли стали куда разнообразней. Ведь шарик — это и голова, и мяч, и солнце, и полная луна, колбаска — это ствол и змея, лепешка — это шапка, и поле, и облако.

Как-то я вымолила у воспитательницы разрешение привести папу в этот корпус.

«Я был потрясен, — говорит папа, — тем, как ты, десятилетняя, понимала их. Когда тебе был годик, мы гуляли с тобой на бульваре, в коляске, и ты увидела группу немых и стала повторять их жесты, ты с ними разговаривала на их языке, но женщина, которая их сопровождала, сочла, что ты их передразниваешь, и велела тебя увести. И вот чудо: ты появляешься в палате, и понурые, бледные, прикованные к кровати дети улыбаются, тянут к тебе ручонки, и ты по-деловому раздаешь пластилин, но только тем, кто может удержать его в руках; тем, кто не может, ты быстренько что-то лепишь: уточку, или ослика, которые «здороваются» с ними за пальчик... И я подумал тогда: вот предназначение! И ведь правда, ты совсем не изменилась...»

Когда-то папа написал обо мне:

Возле окошка топчется.
Взгляд — на прохожих.
Без общества
она не может.
Всегда выищет
смешной нос
или уши,
а из пластилина вылепит
трагические души.

По-моему, похоже. Разве что с рождением детей я перестала лепить «трагические души». А уж когда стала заниматься с маленькими детьми, вообще забыла, как эти души выглядят.

В 70-х годах стараниями Б.И. Будницкого, директора музыкальной школы в Химках, возникла «Студия эстетического воспитания» для детей от 3 до 7 лет. Нас было пятеро педагогов — по логике, иностранному языку, живописи, ритмике и лепке. 250 малышей, 15 групп. Каждое занятие длилось полчаса, занимались мы дважды в неделю, группы переходили из класса в класс. Мы изобретали велосипед, хотя представляли себе, что в магической стране под названием ЗАГРАНИЦА есть все, и на нашем «велосипеде» там уже повсюду ездят. Но мы себя недооценивали. Мы-таки создали за пять лет свою школу, просто нам не дали в ней работать.

Например, Рамзия Камалова, педагог по логике, переплюнула саму Монтессори. На секретном заводе, где работал ее муж, специально для нашей студии были изготовлены большущие разноцветные пластиковые кубы, шары, пирамиды и конусы. Малыши играли с ними и внутри них, то есть физически обживали и изучали пространство геометрических форм. Этот сенсорный опыт закреплялся в работе с конструктором, составленным из тех же самых элементарных форм.

Мы играли. Всматривались и вслушивались в детей. Обсуждали после занятий каждого ребенка. Это было невероятно живым процессом. И он приносил «побочные» результаты. Дети вдруг избавлялись от заикания, невротических тиков, у гиперактивных детей налаживалась концентрация внимания, неуверенные становились более уверенными и т.д.

Детей все прибывало, и это насторожило чиновников из Минпроса (где утвержденные методики?) и горкома (где идеология?). Машина заработала. Сначала уволили директора, затем нас.

Мы с Рамзией нашли убежище в клубе «Современник». Через три года история повторилась. Студия была закрыта, скульптуры переломаны, рисунки разорваны.

При советской системе детей надо было с малолетства приучать к неволе, вводить в рамки. А мы их из рамок выводили. Система этого допустить не могла.

Как-то мне в руки попал каталог детских рисунков из концлагеря Терезин. Рисунки из концлагеря — и поразительное ощущение свободы. Что за парадокс? «С детьми работала Фридл Дикер-Брандейс, она спасала их души уроками рисования». Кто такая эта Фридл? У кого узнать? Может, кто-то из ее учеников выжил?

В 1988 году, заполняя анкету на выезд за границу, в графе «Цель поездки» я написала имя Фридл. И меня выпустили, впервые за 20 лет! Так я оказалась в Праге, в Еврейском музее, где хранились детские рисунки и картины Фридл.

Раскрыв первую папку с рисунками, я поняла — моя жизнь изменилась. Куда меня несет и что будет дальше?

С той поры прошло много лет. В списке профессий появилась еще одна графа «историк». В этом качестве меня, в основном, и знают нынче. «Елена Макарова, историк из Иерусалима». История занята

прошлым, она собирает разрозненные документы в цельную картину, связывает прошлое с настоящим.

Через терезинские рисунки я «попала» в школу «Баухауз», где прежде училась Фридл. Там она прослушала курс лекций Пауля Клее о детском творчестве. Клее говорил, что маленькие дети, подобно первым художникам, оставившим нам на память наскальные изображения, заняты созданием символической (знаковой) картины мира, а не копированием реальности.

Я думала и писала об этом, не зная ни про существование Фридл, ни про педагогические идеи Клее. Позже я прочла у Фридл: «Книга всегда пишется сообща, даже если авторы незнакомы друг с другом и их разделяет пятьдесят лет». Все правильно, столько времени и прошло.

«Клее — неустанный творец, — писала Фридл. — Он обладает безудержной силой, от которой захватывает дыхание, внутренним зрением, позволяющим видеть насквозь и со всех сторон...»

Чтобы рассмотреть «внутренним зрением, позволяющим видеть насквозь и со всех сторон» все, что было нарисовано и прочесть все, что было написано в Терезине и о Терезине, нужно было сменить образ жизни, превратиться в архивного червя, читать документы на языках оригинала. Зачем?

Чтобы исследовать тему Свободы. Свобода в неволе. Свобода и неволя. Внутренняя свобода. Избавление от страхов. Возможно, обо всем этом можно думать и без всякой связи с Терезином. Возможно. Но меня на это вывели детские работы.

Прежде, занимаясь с малышами, я сердилась на родителей — ну что они вытворяют с детьми! Теперь, после долгого перерыва, я вернулась к искусствоведению, но провожу ее с родителями, педагогами и воспитателями.

На семинарах, которые иногда длятся день, иногда неделю, иногда — по Интернету — несколько месяцев — мы погружаемся в детство, в мир, где можно все, где все может быть всем. Где мы свободны и не боимся быть глупыми или смешными.

«По-моему, я сошла с ума, — прошептала мне на ухо журналистка, пришедшая описать процесс со стороны, но тут же об этом забывшая — вам не кажется, что я леплю лучше всех?» Другого корреспондента я заметила танцующим вокруг собственного рисунка — мы рисовали под музыку.

В одном из долгих перелетов из Иерусалима в Лос-Анжелес я стала «лепить» из бумажных салфеток. Просто чтобы руки занять. Стюардесса заметила это и принесла мне целую упаковку. Потом ко мне подошла малышка, за ней мальчик, — и вскоре пассажиры, сидящих рядом и даже не совсем рядом, охватила эпидемия салфеточной лепки. Лишь седой господин, около меня, поначалу оставался безучастен. Но и он втихую начал мять салфетку. «Намял» целую лошадь со всадником. «Если бы мама это увидела! — воскликнул он. — Она никогда бы не поверила». И, продолжая лепить, он рассказал мне, что хотел стать хирургом, а стал банковским клерком, поскольку мама вдолбила ему в голову, что у него руки-крюки.

Стало быть, можно разбудить ребенка во взрослом! Правда, у некоторых взрослых он упрятан вглубь, куда бывает не так просто добраться. Если все же размотать этот клубок, «взрослый ребенок» радостно протянет к тебе руки. Как те дети, в больнице. И выяснится — одного занудили на уроках рисования, другого обругали за плохой рисунок, который был на самом деле хорошим, над третьим посмеялись, и т.д. Однако, при всех полученных в возрасте 5-11 лет травмах, есть одна общая, не сказать, ошибка, но крупная неприятность. С пяти лет нынешних взрослых учили не тому. Их учили сюжетному рисованию, пересказу увиденного в картинках, а рисование куда ближе к музыке, чем к литературе. И ценно в нем именно то, что словами не исчерпывается. Почитайте педагогические труды Иттена, Клее, Кандинского — и увидите, что я не брежу.

Со взрослыми я впервые начала заниматься в Израильском музее, это были, правда, весьма специфические взрослые, умственно и душевно больные, которых на мои занятия привозили воспитатели из разных домов-интернатов. Им нравилось рисовать и лепить вместе, нравилось повторять то, что у них получается наверняка, нравилось, когда их за это хвалят, нравилось пить на перемене чай с печеньем, нравилось устраивать спектакли по праздникам. Разумеется, они часто вели себя как маленькие — обижались, если у них не оказывалось под рукой то, что им в этот момент было нужно, плакали, если у них не получалось слепить или нарисовать так же хорошо, как у соседа, но все эти недоразумения и обиды легко снимались — иногда просто одним

движением руки, которая ложилась на плечо обиженному, или на произведение, которое чудом начинало получаться — еще лучше, чем у соседа.

Что я хочу сказать? Все мы, и нормальные и ненормальные, плачем, когда нам больно, смеемся, когда смешно, грустим, когда грустно. Однако, бывает, мы вдруг мрачнеем, когда все веселятся, слезы не пророним, если больно и т.д. Значит ли, что такое поведение нуждается в коррекции? Возможно. Но я стараюсь как можно меньше теоретизировать. Есть похожие ситуации, но нет похожих людей, сколько бы ни раскладывала нас наука на типы и подтипы. В своей ненаучной практике я опираюсь на интуицию и опыт, накопленный годами и имеющий некое качество цельности. Такой подход делает творческий процесс затяжным, а иногда, к большой моей радости, просто бесконечным.

*Елена Макарова,
2011*

Освободите
СЛОНА

Не передавайте человеку знание, но старайтесь, чтобы он получил способность сам доходить до него, — вот крайний предел педагогики во всех степенях учения.

В. Ф. Одоевский

Самое глубокое наше и самое заветное — это наше детство, в нас живущее, но от нас плотно занавешенное. Мы забыли о нем, об этой изначальной близости со всем бытием, когда мы приникали еще к жизни природы, забыли, но оно продолжает жить в нас и в известные времена неожиданно объявляется.

П. Флоренский

У меня есть одна штука, почему я до ста лет доживу:
я очень играть люблю.

Федя М., 4 года

Игра всерьез

— Что у меня в руках? Пластилин? Согласна. Это действительно пластилин. Но необычный, с секретом. В нем спрятан слон. Вот, кажется, его уши. А вот я нашла хобот. И ноги появляются. Какой ленивый слон! Еле освободил свои задние ноги. Ну, наконец-то! Поздоровайся-ка с ребятами. (Слон склоняет пластилиновое ухо.) Что-то он грустный. Хорошо бы ему заиметь друга. Иди-ка, слон, проверь у ребят в коробках, не спрятался ли там кто-нибудь.

Дети прикладывают пластилин к уху и слышат стон замурованного слона. Вслед за мной они неверными, слабыми пальчиками вытягивают хобот. Он отрывается, и я предупреждаю, что желательно все-таки обращаться со слоном осторожно, не причинять ему боли.

В четыре года ребенок способен вовлечься в любую игру и переживать ее подчас глубже и серьезней, чем реальную жизнь. Для детей, которые еще и шарика толком не умеют скатать, вылепить слона — дело нелегкое. Из-под пальцев выползают дикий звери, имеющие со слоном далековатое сходство.

Но дети уверены, что это слон. Они показывают друг другу свое сокровище и радуются: «Слон появился!»

Но что скажут папы и мамы?

— Может, это кошка? — робко интересуется мама восторженного мальчика.

— Да нет же, это слон. Я его нашел.

— А... — тянет мама и, оборачиваясь ко мне, шепчет: — У него одни фантазии. Нарисует загогулину, а наплетет с вагон, — говорит она, превращая на глазах сына «слона» в лепешку.

— Что ты сделала! — кричит мальчик. — Зачем ты смяла?!

— Он лег спать, — утешаю я мальчика. — Придешь домой, откроешь коробку и поможешь слону проснуться.

— Слоны сплющиваются, когда спят? — с надеждой спрашивает мальчик.

СЛОНЫ
СПЛЮЩИ-
ВАЮТСЯ,
КОГДА СПЯТ

Макет

Полутемная комната. Над огромным столом — оранжевый китайский абажур с шелковыми кистями. За окном бушует ветер. А здесь тепло, от белой кафельной печи струятся волны теплого воздуха. Но что самое интересное — на столе лежат комки коричневого шоколада. Я украдкой облизываю тот, что ближе ко мне. Безвкусный.

— Это пластилин, — объясняет воспитательница. — Сегодня мы будем лепить.

— Лепить? Я не умею лепить.

— А ты посмотри, что другие делают.

Смотрю. Другие отщипывают от больших кусков малюсенькие, берут ладонями по столу, и из-под них выползают тонкие змеи. Я отщипнула от большого кусочка маленький и принялась его раскатывать.

— Получилось!!!

На мой крик прибежала воспитательница и похвалила меня.

— Ну и что, — говорит девочка, сидящая со мной по соседству.

Я ногтем разрезаю змее рот, нажимаю внутри пальцами.

— Язык.

— Это жало, а не язык, — поправляет девочка.

Мне все равно. У меня настоящая змея. Вот так.

И началось: я слепливала все со всем: камень с ватой — получалась голова с волосами или с бородой, как посмотреть; палки с шариками — получались цветы, бутоны; флаконы из-под духов с пластилиновыми кругами — получался человек без рук, без ног.

— Ее кто-нибудь учил? — интересовались гости, разглядывая мои изделия.

— Нет, это она сама, — отвечали гордые родители.

Наверное, в тот момент я светилась, как фосфорные бусы во тьме.

И еще одна история.

В Баку на соседней с нами улице располагался исторический музей. Впервые мы пошли туда с тетей Марой, попросту Маркой. Мне было пять лет, а тете — десять.

В больших просторных залах стояли стенды с фотографиями раскопок в Старом Городе. Холодно, скучно и неинтересно.

— Нечего было увязываться, — цыкнула на меня Марка.

Я обиделась и пошла в другой зал. Там-то и ждало меня чудо.

За стеклом, в нише, сидели два маленьких сапожника (в Баку они назывались «башмачники») и пытались вбить маленькими молоточками микроскопические гвозди в подошвы.

Я стояла, как вкопанная, и ждала, когда же старички-сапожники в каракулевых папахах, с настоящими усами и в настоящей одежде, вобьют, наконец, гвозди в подошвы, но они не шевелились.

— Как это сделано? — спросила я Марку.

— Почему я знаю, — отозвалась она, и эхо повторило: «почему я знаю?»

А вот и наш вечерний бульвар с фонарями у центрального входа. Настоящий бульвар, с фонтанами, фуникулером и светящимися огоньками.

— Это макет, — объяснила Марка, — ничего особенного. Все настоящее, только маленькое.

С тех пор меня не оставляла мысль о макете.

В это время в Баку открылось первое кафе-автомат для матери и ребенка. Мы пошли туда всей семьей.

Прямо при входе на стене были выпуклые стеклянные ниши, в них ярусами стояли тарелки с едой. Опустить монету в щелку, нажать на кнопку, и один ярус опускается вниз. Перед тобой — тарелка с кашей. Меня это потрясло.

Дома я принялась сооружать кафе. Дня три я лепила столы, стулья и посетителей в разных позах. Но как же сделать автоматы? Люди были в размер мизинца, значит, автоматы должны быть величиной с ноготь. Это была скрупулезная работа!

У меня вышел макет. И дело не в том, что все было маленьким, — мне удалось передать остановленность движения: кто-то поднес ложку ко рту и замер, кто-то отодвинул стул, чтобы сесть, и застыл на месте...

Период освоения мира через лепку был, наверное, самым счастливым в жизни. Он кончился в восьмом классе Суриковской школы. Мы лепили череп, он стоял на станке в центре класса. Нужно было не перелепливать, а «прочувствовать форму и передать ее конструктивно». Делать нечего — я набрала глину и стала

ковырять в ней пальцем. Мысль о том, что в каждом из нас, под кожей, находится эта костлявая штуковина, отравляла всякое желание лепить.

— Не так лепишь, отойди, — чья-то рука отпихивает меня от станка. Чужие руки быстро лепили череп. Чужие уста произнесли тираду о том, что к скульптуре надо подходить конструктивно.

Я попробовала следовать этому совету, тоже не годится.

— Ближе к натуре, не выдумывай. На композиции сочини что хочешь, а здесь надо изучать пропорции.

Но и на композиции посочинять не удалось. Оказывается, в скульптуре главное цельность, в ней нет места неоправданным пустотам. Компоновать фигуры нужно так, чтобы они не смотрелись разобщенно. Цельней, цельней, цельней, обобщенней, обобщенней, обобщенней! А мне нравились макеты, где все было необобщенное, а настоящее, только маленькое.

Годы учебы принесли свои плоды. Вылепленная с натуры обнаженная девушка крепко стоит на ногах, копия «Дискобола» — один к одному, многофигурная композиция на свободную тему к шестидесятипятилетию советской власти не имеет в себе «неоправданных пустот».

А на душе пустота. Вполне оправданная. Словно бы руки мои оглохли. На помощь пришли дети. Стоило мне войти в класс и притронуться к пластилину, и он заговорил. Мы слушаем его — и лепим.

Как придумываются уроки

До школы семь минут ходу. Семь минут на размышления. Семь минут на погружение в иное пространство. Попалась по дороге гайка, как не поднять? Это не просто гайка, а для чего-то нужный предмет. Можно сделать корону царю железа, браслет — красавице, пустой живот... Красивый кленовый лист, с охристыми прожилками. А вот еще и еще. Я спешно собираю листья. В детстве я лепила на них картины, украшала всякими загогулинами. Увы, ни одна из работ не дожила до сегодняшнего дня —

листья потрескались, пластилин с них попадал...

Листьев хватает на две группы. Дети лепят — я наблюдаю. Одни скатывают тонкие цветные колбаски, делают из них круг и наклепывают его на лист, и только после этого начинают думать, а что же внутри этого круга слепить. Другие, наоборот,

начинают лепить от центра, движутся по разветвлениям листа, иные лепят, не принимая во внимание форму листа, как на картонке.

Сами лепят, сами восхищаются.

Маша Н. ставит на лист столбики-стволы и облепляет их листочками. Я показываю ей, как можно уложить дерево, вклеить его в лист. Объясняю ей, что мы просто рисуем пластилином на листьях, потом ей проще будет понять, что такое рельеф. Но это не проходит.

— Деревья растут, их не спилили, — заявляет Маша.

— Разве то, что ты рисуешь на бумаге, спиленное, сваленное?

— Это урок лепки, а не рисования, — говорит Маша.

Листья кончились. И тут, как по заказу, подоспела Наташина бабушка с букетом засушенных эдельвейсов. Если раздать детям лепестки... Вспомнила про набор открыток с жостовскими подносами. На черном пластине красиво смотрятся светло-зеленые листья, желтые сердцевинки, белые лепестки.

Сашенька Т. приуныл. Ему это дело не нравится. Подсовываю ему гайку.

— Отличная штука, — рекламирую я находку, — давай, ты мне из нее что-нибудь слепишь, а я тебе слеплю поднос.

С Сашей дома все сюсюкают, а здесь мы беседуем по-взрослому. Дома он наверняка ходит на голове и, если что не так, топает ножкой. А тут он поглядывает с опаской на пластилин: что сейчас зададут? Гайка ему сейчас в самый раз. «Помедитирует», успокоится, начнет лепить. Кажется, что-то при-

думал, положил брикет на гайку — качели!

— А кто на качелях?

— Сейчас увидите!

Дело пошло. Пора и мне брать-ся за поднос.

К следующему уроку от пышного букета остается голый остов. Он сгодится для чудо-дерева. И группа как раз подходящая, четырехлетки. Руки у большинства еще слабые, и простые элементы — шары, мячики, лепешки, блины — предел их «ваятельных» достижений. Вместе мы вспоминаем стихотворение Чуковского, перечисляем, что растет на чудо-дереве и договариваемся, что именно этого лепить не будем. Слепим свои собственные чудеса.

— Идеальное дерево!

— Что это значит? — спрашиваю.

— Дерево идеалов.

— А что такое «идеал»?

— Да не идеал, а одеял, дерево из одеял!

Дерево быстро обрастает чудесами. Но не все сдают их в общую казну, некоторые лепят свое дерево и обвешивают его своими чудесами. Чаще всего это дети, которым родители не разрешают расходовать пластилин на «общее дело». Так что все их «поделки» после урока сминаются, превращаются в брикеты и укладываются в коробку. Искусство эфемерно.

Если ребенок по этой причине не участвует в общем деле, я отдаю ему свой пластилин, и — порядок. Но есть и другие — дети-индивидуалисты. Они не умеют «творить сообща». Не из вредности, не из эгоизма, не из-за плохого воспитания. Кстати, «детей-общественники» ничего не имеют против индивидуалистов. Но в школе они узнают, что коллектив — это «все за одного — один за всех», и будут травить «индивидуалистов» со страшной силой.

Вот и готово наше чудо-дерево. Оно останется в классе. А что, если слепить со следующей группой страну фонтанов? Аллею фонтанов?

Пришла следующая группа, все разглядывают нашего монстра, спрашивают, что это такое.

— Несчастное дерево, — говорю, — погибает от жажды, нужна вода. Дерево, как видите, не простое, и вода тут нужна из чудо-фонтанов, чудофонтанная.

— Внутри пусто должно быть, чем мы пустоту проковыряем? — спрашивает Петя, доставая из ведра глину.

— Проволокой.

— Это ж сколько проволоки уйдет, — сокрушается Петя. — А времени?! Пока слепим, пока воду пустим... Тут бы простой шланг подошел...

— А ты слепи фонтан-змею! — советует большеротая Дина.

— А я — фонтан-дельфин!

— У меня вообще-то будет фонтан-осьминог. Из восьми ног.

— А у меня фонтан — дракон стоголовый — вот из него воды будет!

— Из него пожар будет, а не вода!

— А у меня фонтан-лилия!

Чудо-дерево возвышается в центре стола, ждет «поливки», дети об этом не забывают. Лепят фонтаны, проковыривают отверстия проволокой.

Мы расставили фонтаны вокруг дерева.

— Ну и что? А вода-то где?

— Так подать ее надо, из шланга, я же сразу сказал. — Петя несет на доске длинный глиняный шланг. Соединил фонтаны друг с другом, а конец шланга укрепил в подножье ствола. — Все, идет поливка!

Входят родители. Петя подводит маму к чудо-дереву. — Идет поливка, — объясняет он ей. — Дерево чуть не усохло, на кой ему фонтаны, ему шланг простой — воду подать. Я это и сделал.

— Молодец. Бери свой шланг и пошли.

— Да зачем он нам дома? Он дереву нужен! — говорит Петя.

Следующая группа — неудачная: восемь горластых девочек из одного детсада и тихий нежный мальчик. Он держится особняком. Девочки заняты внутриусобными распрями. Чтобы вразумить их, я рассказываю сказку про сестричек-забияк: одну из них ведьма превратила в подушку, а другую — в булавку.

Неудачные группы неизбежны. Чтобы правильно скомплектовать группы, мало анкетных данных и одного общения на просмотре. Проблема психологической совместимости решается у нас пока лишь в области космонавтики.

К следующей группе у меня вот такой вопрос: перед нами какое-то существо о стволе и ветвях, по всей видимости, дерево. Вокруг него весьма причудливые сооружения. Что это?

— Руки Бабы-Яги и Страшные Пылесосы! — выкрикивает Митя.

— Чудо-дерево и Волшебные Горы!

— Сад Удовольствий!

Вот вам и фонтаны!

— Людей не хватает, — замечает толстая Вика и кокетливо пожимает плечиком. На ней платье в оборочках, в ушах золотые сережки. Спрашивается, зачем мама, педагог по профессии, навязывает дочери роль «девушки на выданье»?

РЫБ НЕ
ХВАТАЕТ,
ЗОЛОТЫХ,
В ЧЕШУЕ

— А люди тебе на что?

— Без них скучно.

— Рыб не хватает, золотых, в чешуе... — мечтательно произносит Митя.

Пока дети спорят, я откусываю плоскогубцами десять одинаковых медных провололочек.

— Сделаем золотую рыбу из этой проволоки, — говорю я Мите.

У Мити глаза лучатся от любви ко всему и вся, он лепит и поет.

— Мягкие, золотистые проволоочки, — напевает он, — неужели из них получаются рыбы?!

Я обматываю проволоку вокруг пальца — на этом кольце рыба будет «стоять», изгибаю ее по форме, присоединяю конец проволоки к основанию. Готово.

Дети повторяют за мной. Это же так просто! Да руки не слушаются. Я помогаю всем по очереди, беру в руки маленькие ладошки, направляю пальцы, учу одной рукой придерживать проволоочную скульптуру у основания, другой — вить по форме.

Митя в моей помощи не нуждается. Он прилаживается к проволоке, как музыкант к инструменту, поет: «Золотая рыбка, получись у Мити, сделай одолжение, золотая рыбка, приплыви скорее...»

— Рыба-шар! — демонстрирует Митя свое изделие. — Если ее сплющить... Только мне жаль плющить, — признается он.

Урок кончился. Дети несут на ладонях проволочные скульптуры. Я убираю со стола. Впереди еще шесть групп.

Человек-Туча

Дети атакуют меня бесчисленными вопросами: как вылепить шерстку, как сделать так, чтобы бежал и не падал, как сделать круглое и колючее? На некоторые вопросы с ходу ответить невозможно. Приходится брать задание на дом.

— Твой Человек-Туча — это находка для лепки, — говорю я мужу, незримому участнику наших занятий с детьми. Он придумывает для нас сказки.

Человек-Туча — человек, как все, но с одной странностью: когда он огорчается, он превращается в тучу. В первый раз это случилось с ним в школе. Не зная за ним такой особенности, учительница поставила ему двойку. И тут на глазах у всего класса он стал расплываться, увеличиваться, «тучнеть», и из него хлынул такой дождь, что все, включая учительницу, промокли до нитки. Пришлось повесить ему на грудь предупредительную табличку: «Если сильно огорчаюсь, сразу в тучу превращаюсь».

— Понимаешь, в нем есть признаки и «тучности», и «человечности». Как лепить тучу, дети сразу догадались, лепить человека все могут, а вот поди найди пластическое решение для совокупного образа! Олег сказал: «“Тучность” я изобразить могу, но как вылепить “летучность”? Туча летуча, а пластилин не летает». Подумал-подумал и сделал высокий пьедестал. Получился памятник «Человеку-Туче». «Пусть будет памятник, от слова “память”. Пусть помнят в народе о человеке, умеющем по-настоящему огорчаться». Да, но самое главное — дальше. Сидит, смотрит изучающим взглядом на свою работу, громко говорит сам с собой: «Все готово, осталось вылепить отфыркивание. Ему во влажной туче тяжело по-человечески дышать, и вместо дыхания выходит отфыркивание. Как его слепишь? Если бы нарисовать, я бы нарисовал пузыри, как в аквариуме. Они образуются от дыхания рыб под водой при помощи жабр. Отфыркивание — это баранки из пластилина, куда их приделать?» Заметь, какой язык, от неологизмов до канцеляризм — и все в одной фразе.

— Ну и что он придумал?

— Ничего. Не представляю, как вылепить «отфыркивание». Сейчас попробую.

Дети спят. Тишина. Единственное время, когда можно подумать о своем. А свое — это опять-таки дети. Замкнутый круг. Да нет, разомкнутый. Дети, за исключением особых случаев, — системы разомкнутые, через них я проникаю в светлые глубины.

Как вылепить отфыркивание? Мой Человек-Туча выходит похожим на причудливый мешок, из которого высовывается голова: щеки надуты, губы вытянуты в трубочку. Получается литературная интерпретация, человек фыркает, а надо — от-фыркивание, чтобы что-то от-летало, от-почковывалось от цельной формы.

— Жаль, нет специального издательства, публикующего произведения детей, — говорит муж. — Это бы обогатило нашу словесность и отвернуло бы бездарей от сочинения детских книг.

Я сломала «причудливый мешок» и решила сделать объемную тучу из пластилиновых лепешек, а в ней проделать дыру. Теперь тучность уже не такая мешковатая. Леплю кольца разных размеров, складываю их пирамидой, внутрь, вместо штыря, всовываю фигурку человека с оттопыренными щеками и надутыми губами. И всю эту конструкцию пытаюсь поместить в дыру в туче. Вот так накрутила! А «отфыркивание» не получается. А сама убеждаю детей: нет ничего такого, что нельзя было бы передать в форме.

— Кстати, папа Олега подарил мне собрание высказываний: «Олег от четырех до шести». Вот такое, например: «Олег поздно вечером просит помидорку. Ему отвечают, что уже поздно и помидоры спят. Олег отвечает: «Я могу съесть и сонные помидоры».

— Слушай, Расскажи мне наконец про этого Олега!

— Ему шесть лет. Он вундеркинд. Знает названия всех стран мира, всех низменностей и возвышенностей, знает наизусть сотни стихотворений, при этом он их запоминает не механически.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он умеет их пересказать своими словами. Еще он знает названия и свойства разных камней, откуда берутся краски, как добывается жидкий водород. Безусловно, при таком интеллекте страдает «деятельность». Потому-то мудрый папаша и привел его к нам в студию.

— Что это у тебя за агрегат получился, генератор отфыркивания, — смеется муж, глядя на мою работу.

Одним движением я превращаю «агрегат» в лепешку.

— Вот и зря, — говорит муж, — надо было сохранить это и показать Олегу. Пусть бы он увидел, как ты старалась и что из этого вышло. Интересно, как это твои дети за полчаса справляются с заданием, а ты битый час сидишь.

— Они талантливей меня. — Я отложила в сторону пластилин и взялась за медную проволоку.

— А почитай-ка ты мне Олеговы высказывания.

«Бабушка решает кроссворд и спрашивает у мамы Олега, не знает ли она, кто архитектор Казанского собора в Ленинграде, мама советует спросить у внука (Олега). Олег сейчас же отвечает: «Воронихин». Тогда бабушка спрашивает, не назовет ли Олег инструмент для наблюдения за звездами, который бы оканчивался на букву «р», следует ответ: «Телескопер»».

Олег гуляет с папой на улице, останавливается, топает ногой и спрашивает: «Что там внизу находится?» Папа отвечает, что там под асфальтом земля и в ней всякие червячки и букашки. Олег не соглашается и говорит, что там находится Подмосковье (находится под впечатлением набора открыток «Памятники Подмосковья»).

Олег пришел с прогулки, гулял с хорошим настроением, идти домой не хотел и, придя домой, заявил: «Это не дом, а концентрационный лагерь, резервация — колючей проволоки нет, а настроение портят: звонят по телефону (мама Олега в это время разговаривала по телефону), тапочки не надеваются (никак не мог натянуть задник на пятку)».

Олег решил проверить познания мамы в географии и спросил, где находится река Миссисипи. Мама, не задумываясь, ответила, что в Южной Америке. Олег: «Мама, ты такая многолетняя женщина и не знаешь, что Миссисипи находится в США».

Олег летом жил на даче и умывался над тазиком, воду из которого после умывания выливал собственноручно. Олег был не в настроении, умылся и нес тазик с мыльной водой, чтобы вылить воду в ведро. По дороге ворчит себе под нос: «Сейчас брошу таз и скажу, что споткнулся».

Олег с папой жгли костер на дачном участке и вдруг начался дождь, но Олегу не хочется идти домой и он говорит: «А мы разведем костер до неба, оно и высохнет».

Папа смотрит телевизор, а Олег зовет его в другую комнату поиграть с ним. Папа не идет, так как показывают интересный фильм. Олег тогда говорит: «Телевизор надо разбить, размолоть, растереть и раздать порошок людям, этот телевизор будет у всех, а вместе с тем ни у кого».

— И давно у тебя появился этот умник?

— В начале года.

Муж удивлен, как это я до сих пор не рассказала ему об Олеге?

— Первое впечатление было такое: бледнолицый человек-монолог шести лет от роду в круглых очках, по-стариковски сдвинутых на нос. Держит речь о чешуйчатокрылых, обитающих в странах с резко континентальным климатом. Жутковато. Теперь-то я понимаю, что он так самоутверждался. Он впервые попал в общество, где слова трансформируются в материальные образы, в скульптуру. А делать руками он ничего не умел. Комкая в руках пластилин, он произносил тирады. Дети под его тирады лепили все, что он рассказывал. У них получалось. У него — нет. И вот пару уроков назад у него вышло. Что вышло? Змея! Как у меня в детстве. Потом он свернул змею в клубок, вытянул рожки — улитка. И пошло, в темпе! Теперь ему и Человек-Туча нипочем.

Тучность возрастает, а человечность тает на глазах. От проволочного рта отходят проволочные кольца. Из проволоки «отфыркивание» получилось. А из пластилина — нет.

— Изящный выход из положения, — говорит муж и отводит в сторону мою руку, занесенную над проволочной скульптурой. — Представь на детский худсовет.

— Нечего надо мной смеяться. Попробуй, слепи «отфыркивание»!
— Для этого мне надо пройти курс в студии эстетического воспитания. Лучше я сказку сочиню, про сонные помидоры.

Безбытный крокодил в Стране Оживленных Слов

В перерыве между занятиями мама Алеши отлавливает меня в коридоре и всей своей массой прижимает к стене.

— В обществе Алешеньки мне некомфортно, я не умею играть с ребенком, от меня исходит флюид растерянности, мрачности, пытаюсь в себе это подавить, но вы сами говорите, что ребенок все чувствует. Я — человек безбытный, до рождения сына я занималась наукой, теперь мне приходится раздвигаться. Кубков — вы не знаете Кубкова?! — сказал на семинаре, что эмансипированная женщина подобна крокодилу. Это — про меня. Я и есть безбытный крокодил. Вне правильного круга общения мы с Алешей не сможем социализироваться. С наукой стало сложно — не могу отдаваться ей целиком, а с сыном — вообще полный дискомфорт. Поэтому и вожу его издалека, пусть мальчик хоть дважды в неделю побудет в нормальной среде. У него уже появились синдромы невротизации. Вы этого не находите?

Мама Алеши работает над собой. Принимает контрастный душ, «заземляется и сотрясается» под руководством какого-то гуру, ходит в походы молчальников, да еще и с закрытыми глазами.

Все сходят с ума по-своему. Я, например, только что играла в железную дорогу. Алеша-машинист вел вылепленный поезд по вылепленным рельсам в Страну Оживленных Слов. Это вот какая была страна. Стоило произнести «заяц», и тут же перед тобой «очутивался» заяц, можешь его за уши потрогать.

Или скажешь «свинорыбка», и тотчас перед тобой появляется свинья, только вместо ног у нее рыбы плавники.

— А эта страна — навсегда? — спрашивает он, подымая шлагбаум.

Алеша худой, почти прозрачный, и напоминает остов переживавшего под снегом листа. Он немногословен (в отличие от мамы), вдумчив не по годам (а кто определил возрастной ценз вдумчивости?), у него слабые руки и лепить ему нелегко, поэтому

пока он в основном играет с тем, что вылепили другие. Чудо, что у такой мамы вырос спокойный улыбчивый мальчик.

— Помогите мне войти в оптимальный контакт с ребенком. Я ничего не умею делать руками. А он все вечера лепит, рисует. Он научился себя занимать, и теперь я ему не нужна. А мне бы хотелось установить с ним контакт через совместную деятельность.

— А вы попросите его научить вас катать шарики или вырезать что-нибудь... И он себя в роли учителя попробует. Вдруг вы окажетесь талантливой ученицей?

— Но как мне войти с ним в контакт в то время, когда он чем-то увлеченно занят?

— Но зачем вам именно в эту секунду входить с ним в контакт?

— Потому что мы должны общаться на равных. Когда он что-то хочет от меня, я ведь отрываюсь от своих дел!

Алеша подбегает к маме, прижимается к ее юбке.

— У меня сильно завышенный уровень самоконтроля, — продолжает она свое. — Кубков считает, что если не принять должных мер, у меня разовьется невроз.

— Алеш, научи маму играть в Страну Оживленных Слов! Скажи: «Вместо кандидата математических наук — веселая девочка!» — и она тут же превратится.

— Мам, скажи: миллион ошибок! — произносит Алеша слова колдуна из сказки.

— Миллион ошибок, — повторяет она, виновато глядя на сына. Да, она совершила в своей жизни миллион ошибок.

— Мам скажи: миллион улыбок!

— Миллион раз улыбнуться?

— Да! В стране Оживленных Слов плохие оживляют ошибки, а хорошие — улыбки. Улыбайся.

И Алешина мама улыбнулась. Первая улыбка с непривычки вышла кривой, вторая уже получше, а третья — совершенно нормальная прекрасная человеческая улыбка. На этом мы и расстались.

Подводный камень

Непонимание — это подводный камень, невидимый глазу, но мешающий течению. Я пытаюсь узреть этот «камень» и, если не убрать его (бывают и неподъемные камни), то хотя бы сместить с главного русла. Или на худой конец обозначить: «Внимание! Здесь такой-то и такой-то камень!»

— Девочка, как тебя зовут?

— Вадим.

Я посмотрела по журнальному списку. Верно, есть такой Вадим Н. Мальчик с косой ниже лопаток. Он не сказал — «я не девочка», назвал имя и уперся в меня полными ненависти глазами.

— Принесу бомбу и всех вас взорву!

Мальчик смотрел на стол с пластилином так, словно бы это минное поле, на котором рвутся снаряды и вот-вот разнесут школу на мелкие кусочки...

Послышался тихий плач. Заплакала девочка, которой Вадим попал в глаз пластилиновым шариком.

Я рассердилась и выставила Вадима за дверь. Первое занятие, дети и без того напряжены. Это было моей ошибкой. Мать Вадима высекла его в фойе на глазах у родителей и волоком притащила в класс.

— Извиняйся, бессовестный, извиняйся! — кричала она и смотрела на меня молящими глазами: мол, что делать, трудный

ребенок, но надо же нам вместе как-то его перевоспитать...

Монолог мамы Вадима:

— Муж вообще не хотел детей, а когда я залетела, потребовал дочку. Да что вас волнует эта коса! Ребенок-то какой! Не справляюсь я с ним. Ушла с работы. Беру заказы на дом. Куда ж такого ребенка? За ним глаз да глаз. И все наперекор, упрямство одно. Муж говорит: «Сдай на пятидневку, станет как шелковый». Он с Вадимом не разговаривает. Иногда Вадим десять раз повторит вопрос, а этот закроется газетой, как не слышит. Вроде и живем хорошо, «Жигули» есть. Правда, сюда муж возить нас отказался. А пока с «Динамо» с ним доедешь, нервы ни к черту...

За три года, что Вадим посещал студию, лишь однажды его привез папа. Рослый, представительный, с поджатыми губами, он скептически поглядывал вокруг. В фойе, вдоль отопительных батарей, стоят банкетки, а на них сидят дураки-родители и часами поджидают детей.

Отец хотел забрать Вадима с последнего урока — ждать надоело. Мальчик расплакался.

— Кричи, кричи, после ужина получишь, — процедил отец.

«После ужина». Наказание с отсрочкой.

Дать ребенку понять, что ты не одобряешь его поступка, можно и иначе. Но даже если мы сорвались и накричали, великодушные дети простят нам это. Более того, они нас еще оправдают и пожалеют. Но вот угрозы — вещь очень опасная. Они ожесточают. Они порождают в детях страх перед взрослой силой и в то же время ненависть к ней.

Мама Вадима собирает гербарий, клеит картинки в альбом, покупает колонковые кисти. Вадим — ее крест. А «крест» растет. У него выпали передние зубы, и он смешно шепелявит. Иногда он улыбается, в противовес угрюмой маме.

А мама как не понимала смысла наших занятий, так и не понимает. Входя в класс, немедленно требует предъявить работу:

— Что это у тебя? — спрашивает.

Вадим отвечает. А она смотрит на меня многозначительно: мол, ладно, не получается у него, зато не балуется, не убегает из класса. А у Вадима как раз получается. Только все звери, которых мы лепим, похожи у него на волка. За кого бы ни взялся, хоть за козу рогатую, а получается злой волк. Маму же тревожит отсутствие сходства между реальной козой и вылепленной.

Самое-самое

Пока дети занимаются, взрослые ждут в фойе. Кто дремлет, кто вяжет, кто читает, кто пишет. «Вы не представляете, как я вам благодарен, — сказал мне отец гиперактивного ребенка, который «высиживал всю лепку», — это единственные полчаса в день, когда я могу расслабиться».

Другая родительница тоже была нам безмерно благодарна: «Те два часа, что мы тратим с Леночкой на дорогу в студию и обратно, стали временем нашего полноценного общения. Шесть часов в неделю мы с ней болтаем, играем, и она стала спокойней, ночью спит лучше».

Во время занятий Валины родители то и дело подходят к двери нашего класса, подглядывают, не балуется ли Валя, работает или сидит сложа руки.

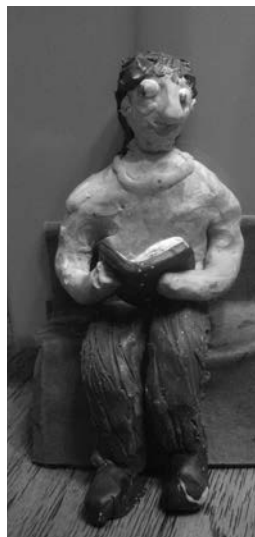
А он сидит. Толстый, краснощекий бутуз. Любо глядеть на его вишневый рот, пухлые пальцы с младенческими перевязочками. Ему нравится наблюдать за процессом и давать «технические» советы соседям по столу.

Родителям Вали за сорок. Высокие, грузные и очень ответственные.

— Опять ничего не сделал! — восклицает мама, закрывая непочатую коробку пластилина. — Валя, почему ты ленишься работать? Посмотри на других! Почему все лепят, а ты не лепишь?

— Не леплю, — разводит Валя руками.

— Он лепит, в уме, — утешаю я родителей. — И скоро он возьмет-ся за пластилин, вот увидите!

— Да если бы это он только у вас так! — сокрушаются родители. — Он на всех предметах так!

Валю перестали водить в студию. К счастью, не навсегда.

Вернувшись после долгого перерыва, он бросился ко мне, обнял за колени и, задрвав голову, проговорил: «Я вас так люблю... Я вас так люблю...» И припустился по коридору с победным криком: «Я ее обнял! Я ее обнял!»

После пылкого признания Валя, к величайшей радости родителей, начал лепить. После урока мама Вали складывала в коробку грибочки и мячики.

— Он так сюда рвался! И дело пошло...

Но вскоре родители опять огорчились.

— Начал-то хорошо, а теперь вон что делает! Разве это дерево? — спросили Валю родители.

— Дерево, — подтвердил Валя.

— А это листики?

— Нет, это лепешки, — возразил Валя.

— Мудришь ты что-то, — пробурчал папа и оглядел класс. Сущее безобразие — газетное дерево, улиточное дерево, а у одного мальчика даже дерево инквизиции — с черными крестами. Он посмотрел на меня с некоторой опаской и увел Валю из класса.

На следующем уроке Валя нарисовал фломастерами «самое-пресамое красивое». Каждую секунду он спрашивал меня: «Самое? А теперь? Еще самей?»

— Это что за белиберда? — спросил его отец.

— Самое-самое. То есть корона, — исправился Валя. Он понял — отцу нужна ясность.

— Корона! — хмыкнул отец, глядя на разноцветные пятна, соединенные волнистыми линиями. — Из сказки?

— Из сказки, — подтвердил Валя.

— Тогда ладно, — согласился папа, — поди, побегай с ребятами, а мы тут с учительницей поговорим.

«Самое-самое», — шепнул мне Валя на ухо и побежал в коридор.

Суровый папа (мама куда милей) отчитал меня по первое число. Зря он пошел на поводу у ребенка. Чему я учу? Фантазии у него и без вас хватает. Ваша задача — приучить его к труду. Делать вещи. Стол, стул, кровать. К примеру.

Я не возражала. Надо лепить мебель — слепим.

— Валя, — сказала я ему, — слепи-ка стол, за которым вы дома обедаете.

— Зачем? — удивился он.

— Да вот интересно мне посмотреть, какая у вас дома обстановка. Валя подпер кулачком щеку, задумался.

— Не буду, — сказал он. — Стол обыкновенный.

— А что у вас дома необыкновенное?

Валя подумал-подумал и говорит:

— Горшок. Я как усядусь на него, так и сажу. Слеплю горшок.

Пыхтел-пыхтел, слепил.

— А теперь самое-самое?

Валя поналепил разноцветных колбасок, соединил их друг с другом, наплющил лепешек, позакрывал ими дыры, но не все, кое-где оставил воздух, сидит, приговаривает: «Самое-самое».

— Это что? — спросил папа.

— Плафон. На лампу. А это... гора. Строители дырки проделали, чтобы поезд проходил.

Плафон отец одобрил, а гору велел сломать и положить в коробку.

КАМЕНЬ,
ТЫ МЕНЯ
ВИДИШЬ?
ДА, ВИЖУ

— Гору я учительнице подарю, ладно? — ласково спросил папу Валя. — А зато плафон у меня вышел хороший, правда, пап?

В юмористическом рассказе Эфраима Кишона собака говорит своему хозяину: «Стоит мне встать на задние лапы и завилать хвостом, как ты тут же вскакиваешь и начинаешь бросать мне всякие вкусности, приговаривая: “Хоп, хоп, хоп!..” Я выдрессировал тебя. Стоит мне в 18.30 подойти к тебе, положить голову на колени и посмотреть в глаза, как ты надеваешь мне на шею поводок и идешь со мной на прогулку...»

Если бы малыши проводили семинары на тему управления собственными родителями, Валя преподнес бы им ценный урок.

Пластилиновые сады

— Мам, давай рассматривать камни! — Дети волокут по полу холщовый мешок.

— Рассматривайте сами, мне некогда.

— Нет, мы хотим с тобой!

Все повторяется. Я тоже любила рассматривать с родителями камни. Мы собирали их в Крыму, когда мне было семь лет. Черно-белая галька с рисунками, нарисованными самой природой.

«А вот профиль Пушкина, он именно так и изображал себя на полях! А это — чёртик, а если перевернуть — клоун! Пейзаж ночного моря, берем?» Мы собрали столько камней, что пришлось переплачивать за багаж.

— А по-моему, здесь никакого рисунка нет, — говорит Федя, протягивая мне камень.

— Должен быть! Мы просто так не собирали.

Ищем и находим птицу — два белых росчерка на черной гладкой поверхности, сверху белое пятнышко. Летящая чайка.

Кроме гальки с рисунками в мешке были камни в форме сердечка, акулы, ключа...

Мои дети любят рассматривать камни, но они ничего с ними не делают. Я же в детстве, подобрав камень, прикидывала, чье лицо он мне напоминает. Помню, как я «извзяла» портрет карикатуриста Эдика, соседа по квартире: налепила на камень завитки из пластилина, нацепила на выступающую часть очки из проволоки — полу-

чился вылитый Эдик. Таких портретов у меня было множество.

Потом мне попалась цветная открытка японского сада. Там камни были обрамлены зеленью, обсажены диковинными цветами. Простой булыжник выглядел, как драгоценность.

Начался новый этап. Я разводила пластилиновые сады на крышках из-под посылочных ящиков. Какие это были сады! Жаль, никому не пришло в голову хотя бы сфотографировать их.

Трепет прикосновения к живым камням (а они живые! Они рождаются и умирают. Умирает же отшлифованная бирюза, превращаясь из небесно-голубой в тускло-зеленую) я передаю детям.

Гнездо «увеселительных птиц»

— Камни все помнят. Они видели землю, когда на ней не было ни одного человека, а летали огромные птицы-археоптериксы. Крылья у них были, как от нашей студии до вашего дома.

— А нас камень видит? Разве у него есть глаза?

— Камень, ты меня видишь? — спрашивает Максим у своего маленького камешка. — Да, вижу, — отвечает за него басом.

— И мой видит, и мой!

Дети рассматривают камни. Я дала им задание увидеть, на что похож камень, и превратить его в эту вещь. Добавить то, чего не хватает. От него ж не отрежешь!

Детским работам свойственна избыточность. Они все залепляют и зарисовывают до тех пор, пока не останется ни одного про света. Так они выражают обилие впечатлений. А это задание — на лаконизм. Посмотрим, как они справятся.

Все чего-то делают. Максим думает.

— Что ж ты, Максим?

— Я додумался до того, что ничего не надо.
— Совсем ничего?
— Совсем, — отвечает твердо, не отрывая глаз от маленького невзрачного камешка.

— Так он и останется лежать на столе?
— Да. Он и так красивый.
— А если ты положишь его в карман, он будет красивым в темном кармане? Ведь он никому не будет виден, даже тебе.
— А я не положу его в карман.
— Что же ты с ним сделаешь?

Не отвечая на последний вопрос, Максим переносит камешек на квадратную картонку, располагает его в центре. Нет. Сдвинул вправо, влево — опять не то.

— Неподходящая картонка, — заявляет он.

Вот это да! Может, передо мной будущий великий архитектор? Отринув неподходящую картонку, он тем самым вот что сказал: я не могу справиться с композицией. Неужто этому ребенку ведома закономерность построения предмета в пространстве, то, что греки называли архитектуроникой: закон композиционного построения любого произведения искусства.

— Нет, сдаюсь до вечера, — говорит он.

— А что будет вечером?

— Вечером сделаю.

— А если я предложу тебе другой камень?

— Нет. Я должен придумать для этого, — не сдается Максим.

Придумал. Конечно же, по-детски многословно, но все равно здорово. На картонке мост из толстой медной проволоки, у моста — дерево. На его кроне — два глаза. Они смотрят на камешек у моста.

— Помните, вы спросили, будет ли красивым камешек, если его положить в карман? Я подумал, что надо сделать так, чтобы его всегда кто-нибудь видел. А деревья-то живут долго. Иногда его заметит тот, кто подыдется на мост, — я специально его в сторону сдвинул. Сначала я поместил камешек под мост, а потом сообразил, что там ему будет скучно. Но пока я это лепил, мне пришло в голову кое-что другое.

— Что же это? — спрашиваю я, надеясь услышать про «архитектонику».

— Я придумал гнездо «увеселительных» птиц. Но вам это, кажется, не нужно.

— Почему?

— Потому что вы и так веселая. И у вас не уроки лепения, а уроки увеселения. Отсюда мне и пришло в голову сделать гнездо «увеселительных» птиц. Стоит взгрустнуть, как птички выпархивают из гнезда и делают: «Уить, уить». Человек услышит «уитьканье» и развеселится.

— Но как сделать, чтобы вылепленные птицы издавали «уить-уить»?

— Потому я и рассказал... Чтобы вы придумали. Придумаете?

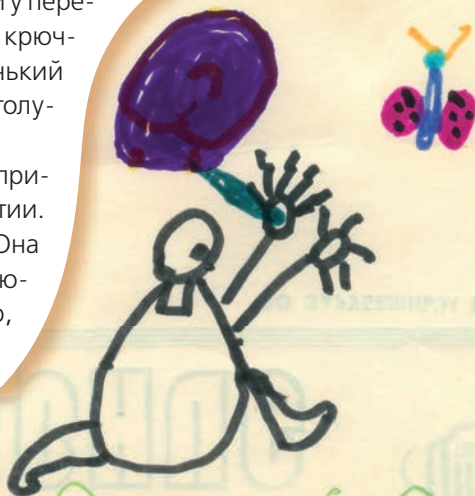
Человек из дома

На вопрос, откуда человек, маленькая Катя отвечает с ходу: «Из дома». У Кати нет папы. Зато есть «дедуля», мама и множество родственников.

— У меня ешть шештренька Шветочка. Мы ш ней играем в Бабу Ягу. Сообщит и умолкает.

Хорошо помню, какой я ее увидела впервые: крошка с черными точками-глазами, глубоко сидящими у переносицы, носик маленьким крючком и ярко-красный маленький рот. На Кате было вязаное голубое платье с оборочками.

Я разрешаю родителям присутствовать на первом занятии. Катя маму выпроводила. Она с большим интересом наблюдала за происходящим, тихо, как бы сама себе, отвечала

на все вопросы куклы-Финтифлюшки. Все шло хорошо.

Только с лепкой не получалось. Колобки да грибочки. Зализанные, круглые-прекруглые...

— Мы же не слепые, — утешал меня Катин дедушка. — Не все сразу. Главное, чтоб ей нравилось. Продвигаемся, — подбадривал он внучку, разглядывая слепленный грибок или цветок.

Неожиданно Катю «прорвало». Мы говорили о пустоте. Можно ли слепить пустоту? А дырку? Как сделать дырявую скульптуру, можно ли слепить

воздух, можно ли поместить воздух в какой-нибудь сосуд и т. д. От рассуждений такого рода мы перешли к следующим: что такое пустое место, пустая история, пустой человек? Как это вылепить?

Катя буквально рванулась к ведру с глиной и за несколько минут вылепила человека в кресле. Туловище вмято в сидение, вместо головы — вогнутый полукруг.

— Шовшем пуштой человек, — сказала Катя.

На моих глазах произошел невероятный скачок. Ребенок, который с трудом соединял слоги в слова, вдруг заговорил свободно.

Помню, как не давалась мне в седьмом классе геометрия, а учительница по геометрии нравилась мне больше всех. Ради нее я вызубривала наизусть теоремы и доказательства. И все равно не могла решить ни одной задачи. И вот однажды я вошла в класс и, без всяких на то оснований, ринулась к учительнице: «Дайте мне любую задачу и я ее решу!» Та посмотрела на меня снисходительно-ласково, но я настаивала на своем: решу, и все. Учительница наугад ткнула пальцем в задачник. Я молниеносно решила задачу. Тогда она дала мне задачу повышенной трудности, со звездочкой. Я и ее решила.

Учительница была поражена. Про меня и говорить нечего. Я не могла понять, чего я не понимала, если все так понятно и просто. Но откуда я знала, что знаю, что могу все решить?

Прозрение? Озарение? Переход количества в качество? Называйте как хотите. Главное, что такое может произойти, и, значит,

есть выход и из тупика. Потому не стоит переживать, что не выходит сразу. Занятый лепкой колобков и грибов, ребенок о чем-то думает, мечтает или, как теперь говорят, «медитирует».

У маленьких детей прорывы происходят часто, с их помощью они и осваивают мир. У одних эти «переходы» происходят плавно, у других, как в случае с Катей, скачками. Форсируя эти процессы, мы нарушаем их, мешаем состояться «скачкам».

Замурованный лев

Шестилетняя Настя — молчунья. Круглые глаза на продолговатом лице. Редкие светлые волосы висят вдоль худой шеи.

Стесняется, — думаю, — пообвыкнется и заговорит. А она молчит. Смотрит на меня широко раскрытыми глазами и молчит.

Спросила у папы, как себя ведет Настя дома. Ответил сухо: «Как все дети».

Смотрит и смотрит на меня девочка, кусает губы, что-то хочет сказать, да рот зажат. Что с ней? И лепить боится. Ткнет пальцем в пластилин, подымет голову от коробки и снова смотрит.

Как-то мы лепили льва. Неожиданно и Настя его вылепила. Я похвалила ее, попросила льва на выставку. Настя покачала головой в стороны, вынула из коробки все бrikеты, разрежала каждый стекой, сложила из них ящик (или колодец?), опустила в него льва.

— Теперь можно взять на выставку? — спросила я Настю.

Нет. Она сделала крышку, закрыла ею коробку.

Замурованный лев. Так Настя рассказала мне о себе.

Я предложила ей прорезать окошки в «доме». Нет.

— Может, слепишь петуха, чтобы лев по кукареканью узнавал, утро сейчас или вечер.

— Ладно, — произнесла она. Это было не только первым словом, которое я от нее услышала, но и знаком согласия. Она готова принять мою помощь.

После этого урока Настю перестали водить в студию. Я позвонила родителям. «Мы не заинтересованы», — сказал отец Насти и положил трубку. И я вдруг представила, как этот папа порет Настю ремнем. Ведь она такая запуганная!

На память остался ящик с ярким петухом на крыше. В нем замурован лев. А что если «петух» своим кукареканьем «достанет» льва, тот взбунтуется, вырвется на свободу и набросится на папашу. Но это так, сказки. На самом деле история эта очень-очень грустная.

Чуфы, чуфы,
муфы, муфы

Прислушаемся к беседе двух пятилеток, девочки и мальчика. Они лепят и разговаривают.

Девочка:

— Возьми лук зеленый, вымой его, раздели на четыре части. Потом говори: «Баран, баран, завей рога». Он и завьет.

Мальчик:

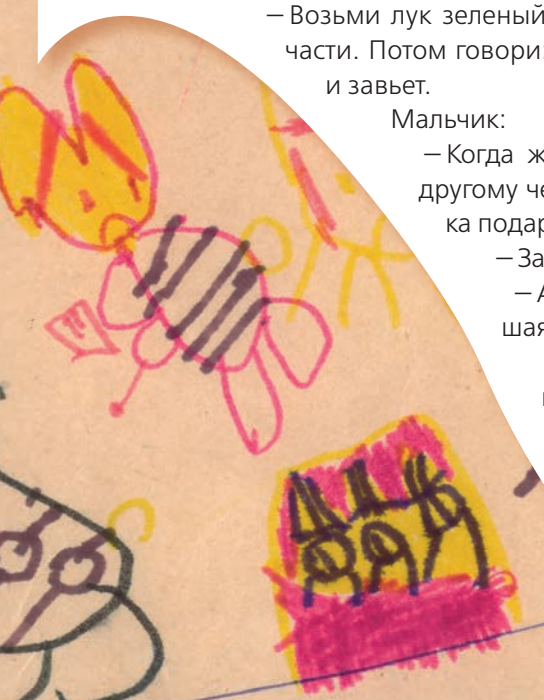
— Когда же мне голову снимут и подарят другому человеку, а голову другого человека подарят мне?

— Зачем тебе это?

— А может, у другого человека хорошая голова, а у меня плохая.

— Ты просто не умеешь колдовать. Надо выставить руки вперед и сказать: «Чуфы, чуфы, муфы, муфы». Голова ни при чем.

— Как ты думаешь, в жизни одного человека сколько дождей?

— Я ночью хожу в волшебный подвал. И там беру уроки колдовства! Еще хожу в лес, дремучий-преддремучий. И ухаю, и всех пугаю.

Подумаешь!

— А я ловлю облака сачком, превращаю людей в птиц.

— И все-таки жизнь грустна: взгляни на лампочку или на солнце — хочется закрыть глаза.

— Ну и что? А я возьму листок, проведу по горке, и она перестанет течь водой. И мне станет видно все, что делается на свете.

— А зато когда я вырасту, то стану всем человеком: мушкетером, и солдатом, и принцем.

Что это, пустая болтовня? Нет, это выражение жизненных позиций — беспечной фантазерки и меланхолического философа. Фантазерка радостным отношением к жизни помогает мальчику найти выход из меланхолии: сделаться мушкетером, солдатом или принцем.

Детский язык — не иностранный. Мы говорили на нем, понимали его, да забыли. Попробуем изучить его заново. Послушайте, как изучал язык деревьев мальчик из сказки французского писателя Леклезю:

«Деревья только с виду неприступны и молчаливы. На самом деле они просто слишком застенчивы и пугливы. Поэтому они при посторонних всегда молчат, и никто не знает, что у них есть свой язык, но, если вести себя осторожно и умно, их можно приручить. Этим-то увлекательным делом и занялся мальчик, про которого речь в нашей сказке. Тихо-тихо пробирался он по лесу, бесшумно выходил на поляну, садился на траву и молча наблюдал за деревьями. Скоро мальчик заметил, что деревья совершенно не боятся птиц. Напротив, они очень любят нежные птичьи посвисты. Тогда он и сам попробовал тихонько насвистывать. Долго у него ничего не получалось, но когда получилось, вокруг стали твориться чудеса: деревья начали оживать! Сперва осторожно распрямились ветви, открываясь, словно большие зонтики, потом бледные корни вылезли из земли, чтобы погреться на солнышке, которое редко проникает к ним сквозь густую листву. И когда деревья перестали бояться, по всему лесу разнесся глубокий вздох облегчения».

Следуя за Леклезю, будем вести себя с детьми «осторожно и умно». Они перестанут нас бояться, а мы станем понимать их язык. И разнесется по всему лесу глубокий вздох облегчения.

Мальчик с флейтой

— А жнаете, фто я вам сейчас шкажу? — Большой пунцовый рот с шипением и свистом выталкивает слова. Мыслей у Гоши — полная голова. Она у него большая — еле держится на тонкой шее, клонится то к одному плечу, то к другому. — У нас в павке штаит Баба Яга и вовк. Девевянные. А ешли б они были нафтоящие, то все бы люди сбежали. Вот.

— Но ты-то их не боишься?

— Не-ет, они же не вывье! А вы мовете шлепить Бабу Ягу? — Зрачки расширяются, карие глаза чернеют. — Шлепите мне, повавуста, Бабу Ягу, нафтоящую!

Детей в Гошиной группе много, только успевай поворачиваться, а Гоша меня постоянно отвлекает. Рассказываю детям сказку про двух друзей-великанов, а сама леплю Бабу Ягу, по Гошиному заказу. Ставлю ее перед Гошей, отхожу к другому столу, помогаю детям размять пластилин.

— На этих великанов гору пластилина надо, — ропщут.

Пусть, пусть попробуют сначала истратить гору. Потом я объясню им, что дело не в количестве пластилина, а в пропорциях: если к большому туловищу приставить маленькую голову, получится великан.

Кто-то плачет. Оборачиваюсь — Гоша.

— Жалепите ее, жалепите!

Превращаю Бабу Ягу в лепешку.

— Гоша ты мой. Гоша, зачем же ты попросил...

— А она шнова не вылежет? — показывает на смятую Бабу Ягу.

— Никаких Баб Яг на свете не бывает, — смеются дети, а Гоше страшно. Он даже вылепленного крокодила боится.

Показываю, как лепится крокодил.

Гоша повторяет за мной все движения, приговаривает: «Вот он рашкрыл пашть...» и как отбросит от себя крокодила. «Жакройте, жакройте ему рот!» Он уже боится произнести «пасть». Заменяет на «рот».

Играем в кошки-мышки. Гоша вжался в стену, глазами, полными ужаса, смотрит он на нашу веселую беготню.

— Гоша, мы же играем! — Я затеяла эти кошки-мышки для того, чтобы обратить внимание детей на характер движения, а то они лепят все застывшее.

У МЕНЯ ЭТА
ФЕЯ СИНЯЯ,
ПОТОМУ
ЧТО ОНА
ПЬЁТ НЕ
ВОДУ, А
ЧЕРНИЛА

— Шейчас, поймают, шейчас, — шепчет. — Не хочу, не хочу, не хочу, — закрывает руками глаза.

Приходится прекратить игру.

Когда Гоше ниоткуда не грозит опасность, на него нисходит блаженный покой. Верхние веки наплывают на зрачки, покрывают их до середины, улыбка застывает в витых углах рта, обнажаются крупные передние зубы с расщелинной посредине. Гоша о чем-то грезит, он где-то там, где нам не бывать.

— А вы жнаете фто? — говорит мне Гоша доверительно. — Когда я вырофту, мне купят флейту, нафтоящую. Я ужже умею швиштеть. Фше флейтифты должны уметь швиштеть. Хотите пошвищу?

Закрыв глаза и запрокинув голову, Гоша высвистывает знакомую мелодию из пластинки «Играет Франциско Гойя», у нас она есть, и мы ее часто слушаем. Большой рот собран в трубочку, Гоша перебирает пальцами, играет на воображаемой флейте, настоящую-то ему подарят, когда он вырастет!

— Шбився, — вздыхает Гоша, хотя никто не заметил сбива. — Жубы уштали. Шкорей бы вырашти! — мечтает он.

— Я — Гошина мама, — говорит мне женщина в годах. Видно, ее многие принимают за бабушку, и потому она, представляясь, делает акцент на слове «мама». Желтая кожа обтягивает резкие скулы, тусклые глаза в темных запавших глазницах, но рот живой, полнокровный, Гошин. — Хотела спросить, как он у вас себя ведет. А то на него все педагоги жалуются.

— Ваш Гоша уникам! Он нам сегодня такой концерт устроил.

— Это он может, — улыбается мама. — А можно, я вас до дому провожу? Очень нужно поговорить... Гошу оставлю на гардеробе, у Ольги Павловны.

Видно, обжились они в школе. Успели подружиться с вахтершей. А к ней подход нужен. Одной рукой гладит, другой — бьет. Значит, подстроились под ту руку, что гладит.

Ольга Павловна сухая, неразговорчивая. Недавно она похоронила мужа, тяжело ей одной, вот и устроилась вахтершей в Школу искусств.

Школа большая, шумная, — сотня педагогов и тысяча детей. Отовсюду музыка, трубы трубят, барабаны гремят. На художественном отделении хоть и тихо, зато от красок и глины в туалетах то и дело случаются засоры. За всем надо уследить, у всех смену проверить, а тут малышня под ногами вертится. Выбежал ребенок с занятия, а мамы нет. Кто его успокоит? Ольга Павловна. Для это припасены конфеты: «Угощайся! А явится мамаша, мы ей всыпем!» Идеальная утешительница! Только что ребенок рыдал от страха, что мама никогда не придет, а теперь думает, что будет, когда она придет, ей же всыпят!

— Я вам такое рашшкажу, — говорит Гоша Ольге Павловне.

— Ты-то, говорун, — треплет Гошу за кудрявый вихор, а сама жестом показывает: идите, идите, присмотрю.

Гошина мама застегнула на все пуговицы жиденькое пальтецо с облезшим каракулевым воротником, повязала платок на голову и все равно ежится, бедняга, холодно ей.

— Может, не надо меня провожать?

— Да нет, сейчас угреюсь. Мы ж к вам из Мытищ ездим.

Из Мытищ! Полтора часа на двух электричках. Ненормальная мать!

— Это меня с недосыпу колотит. Поколотит, поколотит — и отпустит. Ночами таксопарк мою, через сутки, днем убираю в квартирах и еще в горькоме с семи до девяти. Гошу с собой беру, он полы помогает натирать. Встаем в полседьмого, Гоша просыпается первым, торопит, нервничает, что опоздаем. Если вам рассказать, как он рос...

— А ночью он с кем?

— Мы живем в коммуналке, если что, соседи подойдут. А так-то он спит хорошо. Только условия у нас плохие. Гоша до трех лет в кроватке сидел, ползать негде было. И говорить начал поздно...

— А в садик он ходит?

— Нет, мы с ним не расстанемся. Жизнь моя прошла в пустоте, Гоша — единственное, что у меня есть. Мне страшно за него. — Тревожный свет вспыхивает в глубоких глазах. — Он слишком впечатлительный! Я все детские книги сначала сама просматриваю, чтоб в них ничего страшного не было, музыку тоже перебираю — он ведь чуть что — и в плач. Так мне за него тревожно. Вы уж его особо не балуйте, а то как прилипнет. Ой, я вас задерживаю...

Мы пришли. Что сказать Гошиной маме. Не тревожьтесь, тогда и он успокоится. От этого ей только страшней станет. Как не тревожиться, если тревожно? Ей самой нужна помощь. Позвать ее к нам? Накормить, отогреть... «Вы меня приручили, так несите ответственность за прирученных», — написала мне в письме одна девочка. Но ответственность не делится пополам — 50% на 50%. Ответственность у каждого стопроцентная.

— Может, зайдете на полчаса?

— Да что вы! С пустыми руками! Спасибо большое, в другой раз. В нашу дыру и не приглашишь! А Гоша так любит общество, с трудом домой его увожу. В электричке засыпает, с Ленинградского на Ярославский переносу его на руках. Благо, платформы рядом.

— Как же вы тащите такого здорового парня?

— Ничего, он голову на мое плечо положит, шею руками обовьет и спит.

Ради Гоши гнет она спину в таксопарке и горкоме, подрабатывает уборкой в квартирах. Она не жертва любви, она — сама любовь.

На новогодний праздник Гоша явился в коричневом комбинезоне, на голове шапка в виде шлема, на ней серебряные звездочки из фольги.

— Все мама шдевава, — сияет он, демонстрируя мне флейту, обклеенную разноцветными блестками, и сапоги с красными картонными ботфортами.

Гоша-принц наигрывал на флейте, будил снежинок и зайцев от зимнего сна. Казалось, так и потечет Гошина жизнь в блеске серебряных звезд, жизнь сказочного принца, музыканта, мальчика не от мира сего.

Прошло два года. Гоша поступил на духовое отделение. Из карапуза, который боялся Бабы Яги и крокодила, он превратился в художавого мальчика. Большие карие глаза обросли длинными ресницами, пунцовый рот заполнился белыми, чуть кривоватыми зубами.

А мама сдала. Привезет Гошу на урок, прижмет-ся боком к батарее в фойе и дремлет. У них теперь большая комната, умерла старушка-соседка, и гор-совет разрешил «неполной семье» занять старушки-ны хоромы. Гошина мама сделала ремонт и купила пианино в рассрочку.

— Шли бы в раздевалку да и прикорнули, — приглашает Ольга Павловна Гошину маму. — Это ж какая ломотня из Мытищ возить. Чайку согреем, — жалеет ее Ольга Павловна. — Вы б не разрешали Гоше после урока болтаться, позанимался — и домой, а то бродит по лепкам-рисованиям.

— Пусть! Это для него отдушина.

Отдушина... Ею должна была стать для Гоши музыка.

Забегит в наш класс и уставится на малышей. Слово бы пытается найти среди них того себя, маленького. И все глядит и глядит на них большими растерянными глазами. Нету. Ну, я пошел. Иногда спросит:

— Можно полепить?

Я рассказываю детям, что Гоша умеет играть на настоящей флейте.

— Сыграй нам, Гоша!

— Да нет, я лучше полеплю. — А сам мнет глину, мнет, мнет, до тех пор, пока она не начнет крошиться.

— Гоша, а как ты в школе учишься?

— Да так, иногда колы, иногда колы в кавычках.

— А с ребятами дерешься?

— Иногда дерусь... А что?

Карие глаза вопросительно глядят из-под длинных ресниц.

Я беру его за руки. Они холодные и потные.

— Гош, чего бы сейчас хотел, больше-пребольше всего?

— Стать маленьким, — выпаливает на одном дыхании, — чтобы было, как тогда.

— А помнишь, ты мечтал скорее вырасти, чтобы тебе подарили настоящую флейту.

Гоша вертит флейту в руках, смотрит на нее, как бы оценивая, — тот ли это предмет, ради которого стоило запродать детство? Почему он хочет снова стать маленьким? «Маленьким» ему жилось нелегко: всего боялся, чуть что — в слезы. А теперь и флейта есть, и драться научился.

Я ставлю нашу любимую пластинку. Гоша прижался спиной к батарее, как мама, перебирает тонкими пальцами по столу, наигрывает. Глаза полузакрыты, рот вытянут в трубочку. Тихое насвистывание сопровождает гитарную игру Франциско Гойи. Я выключаю проигрыватель, а мелодия длится, ее выдувает из себя Гоша. Замолк, встряхнул головой, улыбнулся, словно бы пробуждаясь от блаженного сна, сунул флейту под мышку.

— Ну я пойду тогда, хорошо?

— Гош, а ты знаешь, на кого ты похож?

— На маму.

— На клоуна! С градусником-флейтой под мышкой. Давай мерить температуру флейтой! Ну-ка дудни!

— Это я сейчас, — сказал Гоша и дуднул. — Высокая! А сейчас будет нормальная. — Дуднул потише. — А теперь вообще ноль температуры. — Поднес флейту ко рту, подумал, повернул другой стороной. — Больному конец!

Малыши налепили «флейт» и тоже стали «мерить температуру».

— Можно, я позову маму и мы покажем музыкальную больницу, можно? — спросил он меня.

Номер с музыкальной больницей прошел на ура.

— Я клоуном буду, — заявляет Гоша маме.

— Буиш-буиш, — поддакивает трехлетняя Сонечка, — буиш-буиш.

Детская логика

Говорим о том, что такое дом. Поначалу ответы простые: дом — это где живут, спят, работают. А дальше:

— Дом для мыслей — это голова, дом для столов — столовая, дом для еды — холодильник.

Быстрый переход от реальных признаков к метафоре.

Дети не боятся сослагательного наклонения. «Если бы да кабы», которых не переносит взрослое ухо, — это их реальное смысловое пространство. Они не испытывают страха перед будущим, им весело смотреть вперед, меняя в воображении положения предметов:

Если бы медведь был машиной,
Если бы волк был антенной,
Гуляла бы антенна в лесу,
А волк бы на нашей медвежьей машине
Ловил бы лису.

Катя М. 7 лет

У детей метафорическое мышление, они свободно сочетают далекие по смыслу предметы и идеи, награждают предметы несвойственными им функциями.

«Воробьи едят-едят и становятся голубями, как толстый человек».

«У козлика ведь есть рога. Я слеплю ему рога. Как же без рогов? Без рогов он как обычный человек без хвоста».

Мальчик вылепил фею синей. И тотчас нашел этому объяснение:

— У меня эта фея синяя, потому что она пьет не воду, а чернила.

Другой мальчик нарисовал корпус телефона, а трубку вылепил и положил на нарисованный корпус. Почему он так сделал? Предположение: трубка подвижная, с ней он постоянно контактирует: берет в руку, подносит к уху, говорит в нее, а корпус телефона стоит на месте. Вот он и нарисовал его, для простоты дела.

Еще один мальчик в детском саду оцарапал вилкой переносицу. Воспитательница заклеила ранку пластырем. Мальчик нарисовал на пластыре третий глаз. Теперь у него три глаза. И всеми он видит. Воспитательница повела мальчика смывать «грязь». Мальчик рыдал. Воспитательница уговаривала: «Больно не будет». Но мальчик рыдал не от боли, а оттого, что смывают третий глаз. От утраты волшебного зрения.

Тот же мальчик любил рисовать на стенах. Дома ему разрешали. И учитель в студии разрешал. На урок пришел директор и отругал мальчика вместе с учителем. Когда директор покинул класс, мальчик нарисовал директора на полу мелом. Учитель поинтересовался, почему мальчик не сделал это на той же стене, ведь он,

учитель, ему все равно не запрещает. А потому, оказывается, что директор им в классе не нужен. Пусть уходит. Значит, стена — это для него символ присутствия, а пол — ухода, удаления.

Девочка рисует слона. Приговаривает: «Вот он идет, идет, идет. Дайте еще лист». На втором листе снова рисует слона: «А он все идет и идет». Так было нарисовано подряд шесть слонов, представляющих из себя одного и того же, который все идет и идет.

Со старшей группой лепим носорога. Как придать форму слову, состоящему из двух слов? Ясно, что за словом закреплен вполне определенный образ, но дети, в первую очередь, реагируют на слово. Лепят нос, лепят рог и пытаются приделать их к пластилиновому комку. На эту тему семилетняя Люся вот что сочинила:

Я спросил у носорога
Очень вежливо, но строго:
— Ты, любезный носорог,
Нос имеешь или рог?
Улыбнулся носорог
И немножко мне помог:
— Если я имел бы нос,
Я бы звался НОСОНОС.
Ну а если только рог,
Я бы звался РОГОРОГ.
Ну а коль я НОСОРОГ,
Дальше думай сам, дружок!

Слепить носорога Люся не смогла, но зато преуспела в словотворчестве.

Вова, бритоголовый четырехлетний концептуалист с чубчиком на макушке, на все вопросы отвечает быстро и четко.

Лепим птицу. Вова прихлопнул кусочек пластилина ладошкой и сидит.

— Что это? — спрашиваю.

— Гнездо. Птица пока еще не вылупилась.

— Это немецкий птенец. — Показывает он всем бесформенную лепешку. — А узнайте эту птицу!

— Таких птиц не бывает, — отвечают дети резонно.

— Это американская птица, — парирует Вова. — У нас такие не водятся. И еще одна американская птица, — бормочет он, разглядывая кусок пластилина.

Я предлагаю Вове поставить «лепешку-птицу» на подставку. Может, думаю, он таким образом поймет, как выйти из «лепешечного» пространства в трехмерное.

— Нет, — отказывается наотрез. — Мои птицы летают. — С этими словами он одним ударом припечатывает к доске немецких птенцов и американских птиц.

— Ты с мотором? — спрашивает он у доски с расплюснутыми на ней птенцами. — Да, — отвечает доска, — я с мотором.

— Ну и я с мотором. Полетели!

Психологи исследуют возникновение образа в сознании ребенка.

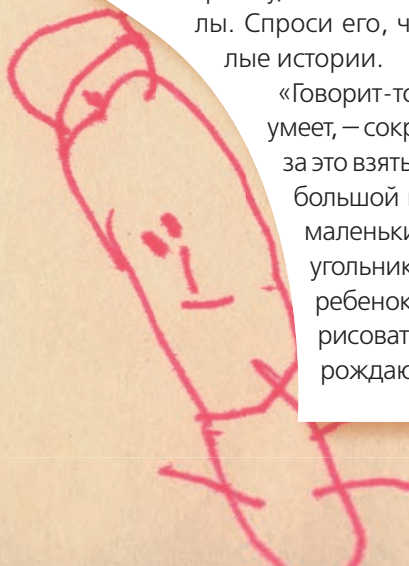
А вот бы узнать, куда все исчезает, когда на смену метафорическому мышлению приходит детерминированное. Как нами утрачивается «детскость»?

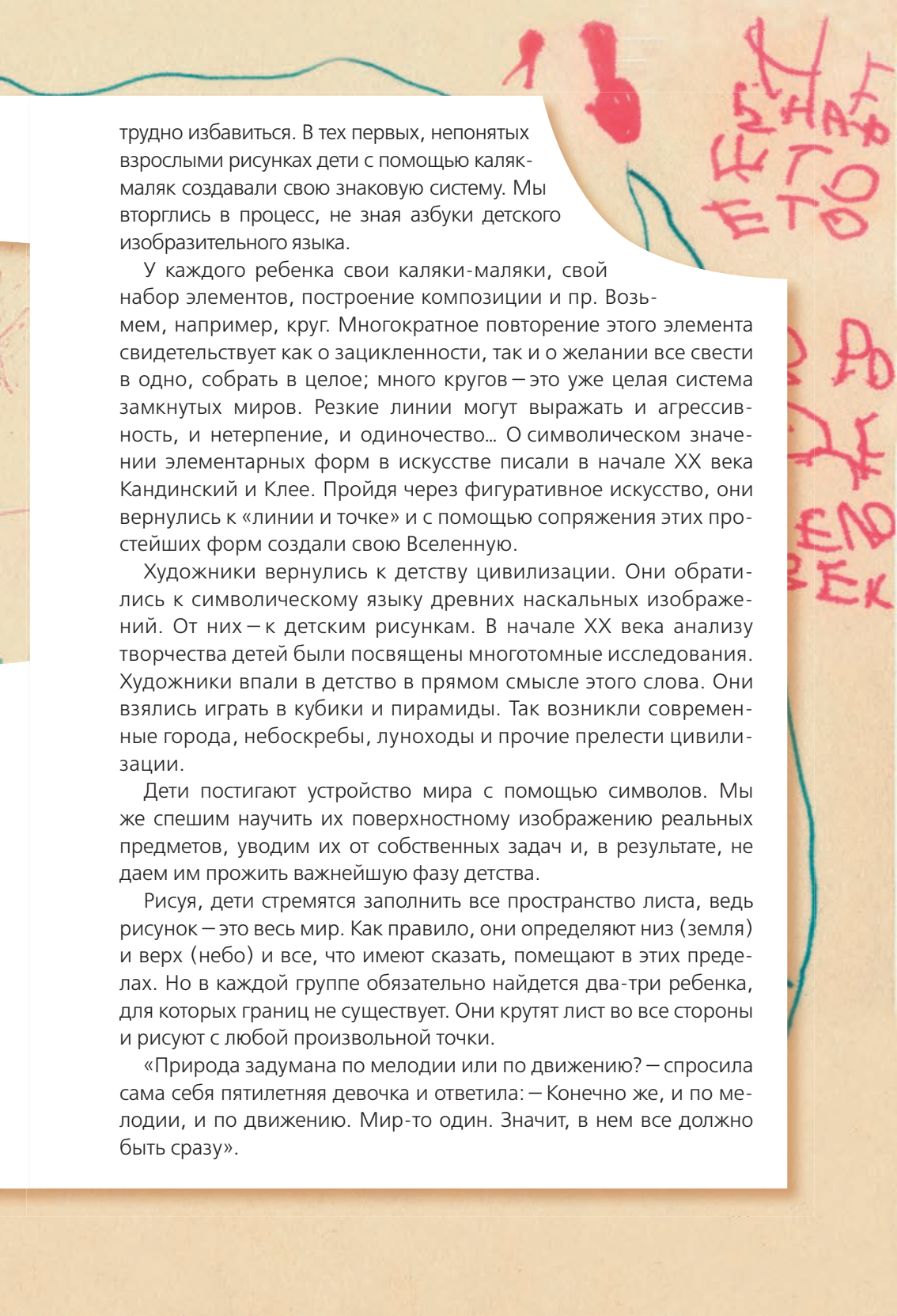

Каляки-маляки

Ребенок тычет грифелем в белый лист, ставит точку, закорючку, замыкает линии в кружки или овалы. Спроси его, что это, и он расскажет целые истории.

«Говорит-то он хорошо, а рисовать не умеет, — сокрушаются родители, — пора за это взяться. Это домик с трубой — вот большой квадрат, в нем окошки, два маленьких квадратика, а сверху треугольник». Современный городской ребенок не видит таких домов, но рисовать их легко и приятно. Так за рождаются стереотипы, от которых

трудно избавиться. В тех первых, непонятых взрослыми рисунках дети с помощью каляк-маляк создавали свою знаковую систему. Мы вторглись в процесс, не зная азбуки детского изобразительного языка.

У каждого ребенка свои каляки-маляки, свой набор элементов, построение композиции и пр. Возьмем, например, круг. Многократное повторение этого элемента свидетельствует как о заикленности, так и о желании все свести в одно, собрать в целое; много кругов — это уже целая система замкнутых миров. Резкие линии могут выражать и агрессивность, и нетерпение, и одиночество... О символическом значении элементарных форм в искусстве писали в начале XX века Кандинский и Клее. Пройдя через фигуративное искусство, они вернулись к «линии и точке» и с помощью сопряжения этих простейших форм создали свою Вселенную.

Художники вернулись к детству цивилизации. Они обратились к символическому языку древних наскальных изображений. От них — к детским рисункам. В начале XX века анализу творчества детей были посвящены многотомные исследования. Художники впали в детство в прямом смысле этого слова. Они взялись играть в кубики и пирамиды. Так возникли современные города, небоскребы, луноходы и прочие прелести цивилизации.

Дети постигают устройство мира с помощью символов. Мы же спешим научить их поверхностному изображению реальных предметов, уводим их от собственных задач и, в результате, не даем им прожить важнейшую фазу детства.

Рисуя, дети стремятся заполнить все пространство листа, ведь рисунок — это весь мир. Как правило, они определяют низ (земля) и верх (небо) и все, что имеют сказать, помещают в этих пределах. Но в каждой группе обязательно найдется два-три ребенка, для которых границ не существует. Они крутят лист во все стороны и рисуют с любой произвольной точки.

«Природа задумана по мелодии или по движению? — спросила сама себя пятилетняя девочка и ответила: — Конечно же, и по мелодии, и по движению. Мир-то один. Значит, в нем все должно быть сразу».

Лучше бы мешала

Из всех мест на земле Маше больше всего нравится место, где лежат ее вещи. Она нарисовала «хранилище» в виде арбузной дольки с семечками. А мама подписала под Машину диктовку: «Место, где лежат мои вещи, мне нравится больше всего на свете».

Детсадовская Маша ходит в студию второй год. Девочка с вытянутым, резко очерченным носом и размытым обкусанным ртом.

Почти всегда на ней одни и те же вязанные рейтузы и комбинезон.

Водит Машу мама — высокая женщина с такими же, как у Маши, крупными чертами лица. Пока дочь занимается, мама что-то пишет, сидя за столом в фойе школы. В класс она не заходит. После занятий Маша аккуратно складывает вещи в потрепанную сумку и отправляется на следующий урок. Иногда она встает посередине занятий и идет к двери. Я ее не удерживаю, и мама не интересуется, почему Маша ушла посреди занятий.

Маша лепит быстро. Все ее люди похожи на ёлки с головами-наконечниками. Если к ёлке прибавить уши и хвост, получится животное. На все мои попытки развить ее же собственные идеи она отвечает односложно:

— Пусть так.

А то небрежно потыкает пальцем глину и собирается уходить — надоело. Или сидит, наморщив нос, ждет, когда все кончится. Она не разговаривает с детьми, не играет с ними на переменах. Маша самая младшая и самая рослая в группе. В прошлом году она занималась в одной и той же группе, а теперь мама

приводит ее, когда вздумается. Девочка входит в класс, садится на свободное место и, не обращая внимания на детей, лепит свои ёлки. А ведь дети, кроме всего прочего, приходят сюда общаться и учиться друг у друга.

Речь у Маши — резкая, отрывистая, так и слышится: отвяжитесь!

Спрашиваю у Машиной мамы, какой предмет Маше нравится в школе.

— Лепка, — отвечает.

Не ослышалась ли я? Нет, подтверждает: лепка.

Преподаватели говорят, что ты от нее хочешь, она никому не мешает.

Лучше бы мешала!

Человек видит весь мир

Илюша М. учится во втором классе английской спецшколы. Лепкой он больше не занимается — негде.

Художественное отделение при Химкинской школе искусства набирает детей начиная с одиннадцати лет, так что после окончания нашей студии желающие учиться рисовать и лепить должны ждать четыре года.

Изредка, когда уж очень соскучится, он приезжает в школу с Левобережной, боюсь, тайком от мамы, которая не обращает особого внимания на Илюшину страсть к лепке.

— Знали бы вы, как трудно себя вести! — жалуется он простодушно. — Хочу на перемене тихо ходить, а что-то внутри толкает: подставь, подставь подножку...

Пятилетний мальчик, от которого никому не было спасу, стал моей первой педагогической победой. Маленький хулиган в клетчатой рубашке с закатанными рукавами, байковые штаны протерты на коленях, передний зуб наполовину обломан, рука в лангетке («доставал муку с антресолей и упал»). Второй, здоровой, рукой он скатывал шарики и пулял ими по стенам. И это продолжалось не день, не два — несколько месяцев.

— Он всегда балуется, не обращайтесь на него внимания, — утешали меня дети, — а вы вызовите его маму на урок, тогда он перестанет. Сестру он не боится. Позовите маму!

Но маму я решила не звать, а детей попросила не кляузничать.

ЖИЛА-БЫЛА ПТИЦА БОЛЬШАЯ ПЕВИЦА

Как-то после занятий я позвала Илюшину группу лепить снежный дворец. Тут-то Илюша и показал себя. Целых два месяца бедняга крепился. Оказывается, он не лепил на моих уроках потому, что ему нравилась прежняя учительница. Она ушла, а меня он признавать не желал.

Дворец возникал на глазах. Илюша лепил быстро, останавливался, обходил стены дворца, расчищал к нему подходы, вырубал ступеньки — на ветру подрагивали обмахрившиеся завязки ушанки, он шмыгал носом и смачно проводил под ним рукой.

Больше он не кидался пластилином. Он сосредоточенно сообщал, сколько понадобится ему глины для задуманной скульптуры: положит на доску большой ком, посмотрит на него, покрутит носом, добавит еще. Начиная с пьедестала, что весьма необычно, дети, как правило, не обращают внимания на форму основания, для них это подкладка, то, на чем стоит скульптура, а для Илюши — значимая деталь. Особенно интересовала его передача движения: он пытался разобраться не только в самом устройстве человека, но и в том, как изменяются пропорции при разных положениях тела, он научился передавать в рельефе разные планы, что под силу разве что профессиональным скульпторам, и т. д.

Последнюю работу, которую он вылепил, уже будучи второклассником, Илюша назвал «Человек видит весь мир». Мальчик сидит на пригорке, опершись на прямые руки и согнув одну ногу в колене, у мальчика лицо с четырех сторон — уши одного являются носом другого. Когда смотришь на скульптуру анфас, то видишь только одно лицо, разве что уши чересчур оттопырены, почти как у автора.

— Во все стороны смотрит, так-то вот, — гордился Илюша своей работой, — У вас бы тут я бы целый день сидел. А в школе, да на английском! Скорей бы меня исключили за неуспеваемость, — мечтал он, — тогда вместо проклятого английского я хоть каждый день буду лепить. А вы уговорите мою маму, она вас послушает.

Но маму уговорить не удалось. Мало того, она строго-настрого запретила Илюше ездить на лепку.

Парадокс: многие родители пытаются меня, талантлив их ребенок или нет. Отвечаю автоматом: «Все дети талантливы». И я действительно так думаю и потому советую родителям не спешить с прогнозами и не отдавать детей в спецшколы с раннего возраста.

С Ильей — случай особый. Его талант требует работы не в некоем будущем, а сейчас, сегодня. Мама активно этому противится и запикивает его в английскую школу.

Остается надеяться, что то упорство, с которым Илюша два первых месяца бойкотировал мои уроки, он употребит на то, чтобы отстоять свой дар.

Дядя,
снимите очки!

— Слушайте, вы тут учительница? — распахивая всех на своем пути, в класс вваливается толстая седая старуха. — Скажите ей, если она их не наденет, я ее водить не буду! — Старуха подталкивает ко мне рыжую девочку лет пяти. Та молча, склонив набок голову, стоит передо мной; зрачок левого глаза уплыл вглубь за ширму-переносицу.

— Ей без очков нельзя, залепила глаз, так она пластырь содрала!

— Идите, я разберусь, — успокаиваю я бабушку, но та не успокаивается.

— С ней разберешься! Не ребенок, а изверг! Хочешь как лучше, стараешься для нее...

Рыжая девочка в черном рабочем халатике и в рыжих рейтузах, соборенных на коленях, молча кусает губы, трет крошечными

пальчиками дужки торчащих из кармана очков. Переживает, когда все это кончится: бабушкина речь, чужие дети, чужие взрослые.

Наконец, взрослые покидают класс, уводят с собой шумную бабушку.

— Как тебя зовут? — спрашиваю рыженькую, усаживая ее на лавку рядом с детьми.

— Надя, — выдыхает.

— А где твой пластилин?

— Нету.

— А что ты умеешь лепить?

— Ничего.

Я выбегаю из класса, отыскиваю в родительской толпе мужчину-очкарика и привожу его к детям.

— Посмотрите, правда, красивый дядя!

— Красивый, — соглашаются.

— А теперь снимите очки.

Дядя послушно снимает очки, смотрит на нас близоруким беспомощным взглядом.

— Плохо без очков, наденьте их, пожалуйста.

Дядя, скорее всего, чей-то родитель, послушно выполняет мою просьбу. Правильный мне попался дядя.

— А теперь дядя снова красивый, правда?

Надя достает очки из кармана.

— Большое спасибо, — благодарю я дядю, — вы знаете, я мечтаю об очках. Попросила доктора, а он сказал, что очки надо заслужить, они выдаются только заслуженным.

Надя насаживает на нос-кнопку очки с толстыми стеклами, победоносно оглядывает детей — она заслужила это право.

Бабушка Нади тяжело дышит, она похожа на бегемота, лишенного естественной среды обитания.

— Скажу по секрету, чтобы между нами, раз уж вы нашли к ней подход... Надя растет без отца и матери, все на моих руках. — Бабушка показывает мне свои вздутые водянистые пальцы. — Отца мы не знаем, мать из тюрьмы не выходит.

Надя трется подбородком о мой бок, видно, не первый раз выслушивает эту историю.

— А теперь вот с очками! Один глаз совсем слабый, другой лучше. Прописали хороший пластырем заклеивать, так с этим

пластырем, мама родная! Я вам принесу, может, вы ей заклеите. Я ее в интернат сдам, маленько вот глаза подправим... Сейчас-то куда ее, на английский?

Бабушка хватает Надю за руку, тащит ее за собой, а та упирается, смотрит на меня. Мне становится стыдно. Но отчего? В чем я провинилась?

— Урок, между прочим, начался, а вы не идете, — укоряет меня родительница. — Все дети одинаковые, а если это ваша знакомая, занимайтесь с ней в нерабочее время.

Интересно, чья это мама? Разглядываю детей, все такие милые...

За окном ураган, ветер сшибает с деревьев последние листья, гонит темные облака.

В дверном стекле — рыжая голова. Надя сбежала с английского. Раскрываю перед ней дверь, иди, лепи.

Надя садится за стол. Подперев подбородок ладонями, смотрит на меня. Она выбрала меня в мамы, так почему же я не беру ее в дочки?

— Сюда нельзя, — слышу я тот же суровый голос, — это студия эстетического воспитания, а не проходной двор!

— Да нужна нам эта студия! — огрызается Надина бабушка.

— Вот и не водите! Английский сорвали, теперь нашей группе лепку срываете. На каком таком основании ваша девочка вперлась в нашу группу? Везде блат.

Не слышать бы их!

Низко склонив голову над столом, Надя мнет пластилин. Мнет и приговаривает: «Кошка, нет, не кошка. Это же Дюймовочка...»

Кажется, она не слышит, о чем мы говорим, все силы уходят у нее на то, чтобы разглядеть мелкие формы. Знать бы, что Надя сбежит с английского, я бы придумала «великанскую» тему.

— Кто же тебя научил так хорошо лепить? — спрашиваю.

— Вы, — выдыхает. У нее вся речь на выдохе. А так посмотришь, девочка как девочка, не хуже других — плотненькая, румяная, разве что косенькая да губы грызет.

— И музыкальные пропустила, и английский, а это ведь важные предметы для развития, — увещевала бабушка Надю, но та ни в какую не соглашалась со мной расставаться.

— А где вы живете? — спрашивает Надя, видя, как спешно я убираю класс после уроков, значит, ухожу, а куда, далеко от нее или нет?

— Тут рядом.

— А это все ваши ученики слепили, дети? — рассматривает скульптуры на полках.

— Да.

— И я так смогу?

— Да.

— А завтра будет?

Засыпает меня вопросами, я отвечаю односложно, пытаюсь навести порядок, чтобы поскорее уйти домой, к своим собственным детям. А она смотрит на меня не отрываясь.

— Ну все, пошли! — Закрываю класс на ключ и бегу. — До субботы!

В субботу Надя не пришла. И на следующей неделе не пришла. Вот ведь наказание! Подняла заявления, нашла бабушкино: «Я такая-то, такая-то, обязуюсь ежемесячно вносить плату за обучение в размере 12 рублей». Телефон дан соседский.

Соседка подозвала бабушку к телефону.

— Болеет мы, болеет, — говорит, да не верится.

— Приводите Надю, пожалуйста, лепка ей необходима, для глаз. Приводите только ко мне, бесплатно.

— Ой, спасибо, я вас отблагодарю, колбаски подкину хорошенькой.

— Ничего мне не надо! — кричу на старуху. — Приводите сегодня же!

Ровно через час бежит ко мне рыженькая, у самых ног роняет коробку с пластилином.

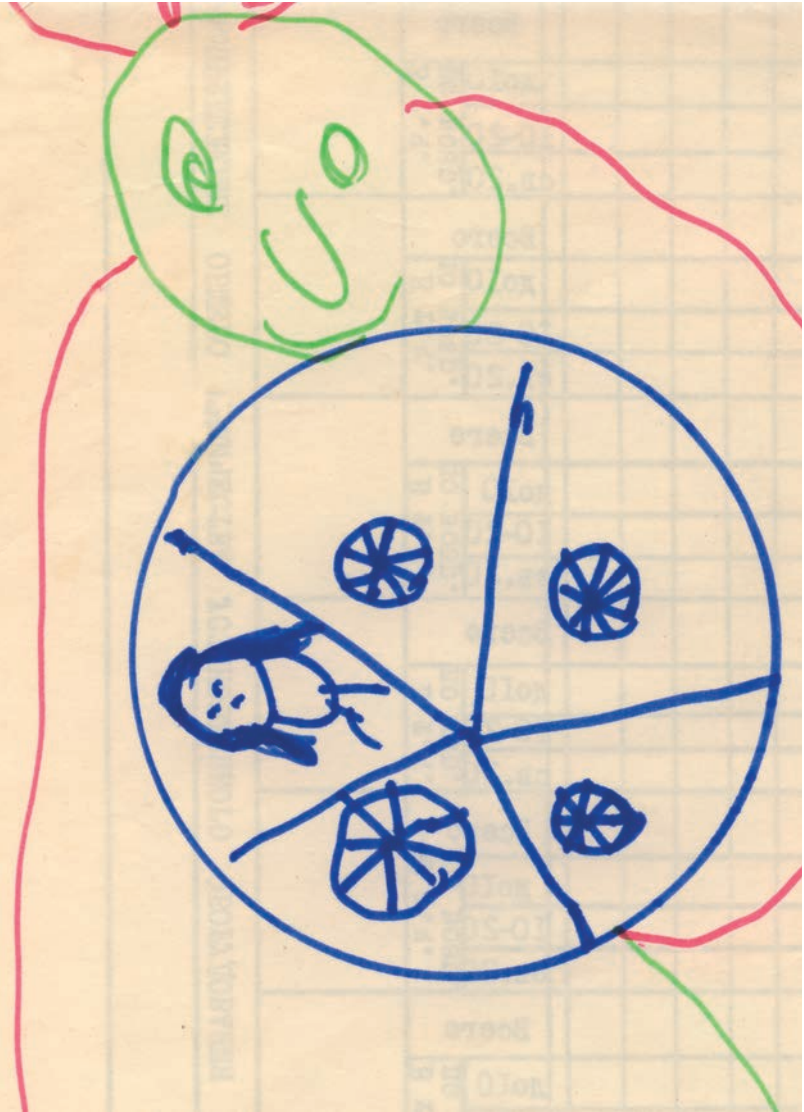
Ползаем с ней по полу, собираем брикеты в коробку. Надино личико близко-близко к моему, сквозь нежную розовую кожу проглядывают побледневшие веснушки, карие глаза блестят сквозь толстые стекла очков, такая жалость заклеивать ей глаз, но надо.

— А вы сами мне будете заклеивать? — угадала мои мысли. — Сейчас?

Послушно подставляет личико, следит косым глазом за тем, как я обрезаю пластырь.

— А вы далеко живете? — Она теперь так боится меня потерять. — А кто вас учил лепить? — спрашивает, помогая мне прилаживать к глазу оправу с пластырем.

— У меня тоже была учительница, и мы с ней до сих пор дружим. Часто встречаемся.

Улыбается счастливой улыбкой (а глаз-то залеплен, и видно, как мешает ей эта блямба), какую радужную перспективу я перед ней открыла — дружить всю жизнь!

— А когда будет можно, вы сами это отлепите, да?

— Конечно. Ну, пошли заниматься.

В те дни, когда я работала, бабушка приводила Надю в десять, а уводила в два часа дня. Группы сменяли одна другую, менялись занятия, дети, а Надя лепила, низко склонившись над дощечкой с пластилином. Временами она подымала на меня глаза, желая убедиться: я здесь, с ней, я о ней не забыла, и снова утыкалась в лепку. Ей все равно было что делать, лишь бы при мне.

Надя слепила из глины лебедя. Лебедей лепить легко. Вытянул шею из комка, загнул крючком — готово. Но она на этом не остановилась. Сделала пирамиду, водрузила на ее острие лебедя, расправила ему крылья, выгнула стрелой шею — лети лебедь, лети!

Лебедь воспарил и замер. До сих пор он пытается взлететь с подвесной полки в моей комнате.

Нас с Надей разлучили. Кому-то из родителей не понравилось, что Надя ходит только на лепку и занимается в разных группах. Разнюхали, что бабушка не платит, настроили жалобу. И Нади в студии не стало.

Я позвонила бабушкиной соседке. Та отказалась позвать ее к телефону. Я спросила адрес. Соседка повесила трубку.

И вот жизнь дарит последний шанс. Я вижу Надину бабушку в магазине, стоит в очереди за творогом. Я подошла к ней, она от меня отвернулась.

— Лучше б вас не было! Сколько слез пролито, сколько подушек заревано, а ей надо нервы беречь. Нервы с глазами связаны.

— Приходите с Надей ко мне домой. Просто так приходите. Я запишу вам адрес и телефон. Пожалуйста!

Бабушка кивнула. Но этот кивок ничего не означал. А я снова спешила. Забирать сына из школы. Первые дни, он может растеряться, что меня нет, расплачется. А сын-то мой! Мне его жалко.

— А вы далеко отсюда живете? — спрашиваю и, как иглой пронзаю: «Вопрос-то — тот, Надин!»

Ничего не ответила, махнула рукой, мол, какая вам разница.

— Хотите, я буду сама к вам ходить, заниматься с Надей...

— Нечего ребенка бередить. Поиграли и бросили, а для нее травма!

Что на это ответишь?!

Прошло много лет. Если бы мы встретились сейчас на улице, то наверняка не узнали бы друг друга. А я все ищу глазами ту маленькую, рыженькую девочку с залепленным пластырем глазом, девочку, которой двигала одна любовь, ничего больше. Стоит, бывало, выкатив пузо вперед, стоптанные ботинки носками внутрь, смотрит, задрав рыжую голову, а в косящем глазе мольба — только пусть мы не потеряемся и будем как вы со своей учительницей (которую я выдумала) всегда-всегда вместе.

Трудные дети или трудные взрослые?

В анкете, которую мы раздали родителям, был такой вопрос: «Считаете ли вы своего ребенка трудным? Если да, то почему?»

Лишь несколько родителей сочли своего ребенка трудным, и лишь один смог объяснить, почему. Анкета была анонимной, так что я не знаю, о ком шла речь. К примеру, одни родители ссылались на тяжелую наследственность по линии бабушки — крутой нрав, своеволие, желание все делать назло, — и считали, что это навсегда. Так и зафиксировалось в сознании: тяжелая наследственность, помочь нельзя. Бабушку не переделаешь, сын — в нее — подписан приговор свободным отношениям с ребенком. Отныне, раздражаясь на него, родители будут приговаривать: «Это все от бабки». При этом поведение ребенка будет день ото дня ухудшаться, доктор пропишет димедрольчику на ночь и валерьянку три раза в день. Так и пойдет.

Жил - был кот

Красивей нет

И обожрался он конфет

А был ведь кот красивей нет

С тех пор как обожрался

Он всё худел как нестараясь

Он захворал совсем - бедняга

И исхудал он как коряга

И вот пошёл он в туалет

С тех пор кот красивей

НЕТ

Жила была птица -
Большая певича,
Больше всего она любила
пшеницу,
Один раз покчалась пшеница
и перестало петь певича
во дворе её дома то ученица
что славилась Большою озорницей
Но всё же дала она пшеницы
и птица стала вновь певичей

Дочь моей школьной подруги не хотела по утрам чистить зубы, не хотела одеваться. Как вести ее в школу? Из-за постоянных опозданий мою подругу уволили с работы. Ситуация обострилась до нельзя, мать винила дочь в том, что осталась безработной, дочь платила ей агрессивным поведением. Все кончилось психдиспансером. Я поехала в больницу. Увидев хорошенькую девочку с отсутствующим выражением лица, я вдруг подумала: а что, если девочка возненавидела мир взрослых и про себя решила стать животным. Животные не чистят зубы и не одеваются. Я попросила подругу показать мне рисунки дочери. Каково же было мое удивление, когда я увидела одних лошадей, здорово нарисованных, и ни одного человека. Я расспросила подругу про роды, поведение девочки, — выяснилось, что она всегда была такая, не улыбкавая, злая, больше всего любила рассматривать книжки со всякими зверюшками, в зоопарке с ней однажды случилась истерика. Я не сказала подруге о своих предположениях. Вернувшись домой, я позвонила приятелю, тренеру по конному спорту, и попросила у него разрешения привезти к нему аутичного ребенка. Попробовать, что получится. Мы забрали девочку под расписку и поехали в лошадиный мир. Все произошло как в сказке про спящую красавицу. Только поцеловал ее не принц, а жеребенок. Он подошел к ней и лизнул в ухо.

Прошло много лет. Девочка выучилась на ветеринара. Людей она сторонится. Животных любит. А кто сказал, что все должны любить людей? Но то, что без любви не прожить, знают все.

Магнитофонная запись

Дети лепят и обмениваются «сообщениями». К сожалению, я вовремя не расшифровала кассету и не подписала имена. Те, что помню, привожу в скобках.

Шум, скрип лавок, шорох. В наступившей тишине звучит первый голос:

— На лепешках не ходят (Вовочка слепил очередные лепешки и сказал, что это ноги).

Дети уже не ждут, когда я дам задание, оркестр играет без дирижера.

— А у меня галоши-лепешки!

- Я их кушаю, галоши-лепешки!
- А мы когда ша Шветочкой, то играем в Бабу Ягу (Катя Белецкая, вступление в беседу).
- Я видел свою бабушку во сне, как она приехала, а я встал (Саша Петров).
- Мне приснилась во сне страшная змея.
- ...Как я с бабушкой гуляю, как я сам летаю, а у меня крылья (Саша Петров).
- А я знаю, как трактор лепится: палочка, потом надо согнуть, это гусеница, ставить кабину... (Вовочка)
- А я знаю, как памятник Ленину.
- Памятник Ленину? Это еще возиться сколько с этим памятником!

Сама собой возникает тема — памятники.

- А я сделаю памятник высокой девушке.
- А я сделаю памятник собаке.
- Собаку все-таки неинтересно. Я ее совсем не видел.
- А знаешь, кому вечный огонь поставлен?
- Неизвестному солдату.
- Вечный огонь как ты слепишь? С ним возни много. Попробуй вот это слепи, что я слепила. Сейчас я тебе покажу, как шлем лепить. Слепи мисочку, вот тебе и шлем. Смотря на меня, слепи.

У одного человека
в городе корова, до-
ма. Оно от галбда
стевоих итоскы.
Он с чревыишви
смотрит наф нел,
у него сди шлоз а нел
ноо пале зам.

- У меня памятник солдату. Его закопали, а шлем остался.
- Тогда надо могилу лепить, ограду, с этой оградой до вечера возня.
- А я леплю памятник человеку.
- Я солдата не умею, только фуражку могу.

Дети «влепились» в памятники и перестали о них говорить. Беседа принимает другой характер. Все уже лепится само, и мысли свободно переходят с предмета на предмет.

- А я хочу лететь на птице.
- Ты летала, летала, только пятна сверкали.
- А я леплю самого-самого слона.
- А я все комнаты, прихожую, кухню, всё-всё вымою.
- А я, бабушки не было, а папа был, уснул, я все сделала, чтобы блестеть стало, даже папу вымыла.
- Машина, как экскаватор (Вова).
- Я крышек столько намыл, муравьи в молоках лазали.
- Муравьи не любят молоко.
- И кефир.
- Пьяные муравьи. Они все едят.
- Если б они все на свете ели, они были б огромными.
- Пчелка, Валетик и Лизок — три лошадки (Саша).
- Мама говорит: «Ты давно мылся в ванне?», а папа отвечает: «Самолетов не было». Смешно? Смешно (Лена Блинова).
- А я сплю, мне как будто кажется, что мы едем в машине (Вова).
- Ты не задохнулся?
- Я слепила что-то смешное. По-моему, это сломанное ведро. Может, это сломанная кастрюля?
- Две пещерки я сделала.
- Из чего состоит машина?
- Из красного (Вова).
- У собаки шерстка трудная.
- Слонику отбили две ноги (не хватило пластилина).
- Ай, жестокопоая, я тебя сейчас укурю одеялом (Аля Павлова).
- У меня Вася и Вова — папы. Вася — в Ленинграде, а Вова — в Оренбурге.
- А у меня есть хомячок Дрема. Дедушка сточил ему клетку (Саша).

— Я ничего не могу рассказать, потому что я все военное знаю. У меня ремень военный и два дружинских значка — один крестный дал, а другой — дедушка из Орехова.

— Открой рот, — говорю папе. Он открыл, а я ему туда апельсиновых корок напихал.

— Баба Настя деревенские слова говорила, и я за ней повторял.

— А меня все крестили. Меня крестили чужие ореховские. Они меня держали. Я боялся в общем.

— У меня будет лошадь пьющая. Она будет у меня пить.

— Что мы, как моль тряпочная? (Аля Павлова)

— У нас такой неразборчивый дом, что не поймешь, кто где живет. Вот у нас есть Блинов, он пришел на день рождения, съел варенье, и зуб в варенье упал.

— Рыба по форме похожа на одежду и на болото (Митя Савинов).

— Что такое форма?

— Это пиджак.

— В государственном календаре написаны «часла» (вместо «числа»).

— Философы — это такие люди, которые думают, как мир устроен.

— А я не думаю, а я не думаю.

— Вы немцы! Вы думаете о войне, не о мире.

Завершая скульптуру, дети снова сосредотачиваются на теме.

— Могила это то, на чего ходят и хоронят.

— Для чего памятники?

— Чтобы знать, кто помер.

— На памятнике читают, кто помер.

— А может, красивая тетя?

— Никогда не пробовала думать об этом.

— Есть памятники такие, где женщины рожают ребенка, но там ничего не пишут.

— Когда человек умирает, надо позвать музыку, положить его во гроб, закопать и поставить памятник.

— Памятник для красоты, чтобы знать, который там человек лежит.

Саша тоскует по деревне, по лошадям с именами Валетик, Пчелка, Лизок. Ему нравятся деревенские слова, он помнит, как его крестили, а здесь, в городе, все не то. Воспоминания о деревне приходят в тот момент, когда он лепит памятник «пьющей лошади». В деревне тихо-спокойно, а главное, не надо темными утрами тащиться в детский сад. Катя Белецкая боится Бабу Ягу. Дважды она робко о ней заговаривает. Но тема не получает развития, никто Бабу Ягу не боится, а раз так, нечего ее и бояться.

Дети говорят о смерти как бы между прочим, все внимание обращено на то, как «сделать» могилу, ограду и вечный огонь.

Вельветовые братья

«Вельветовых братьев» возят в студию на «Волге». Одному шесть, другому пять. Одеты они в вельветовые костюмчики, старший в сером, младший в коричневом.

Братья боятся любых трудностей, теряются, когда им задаешь простой вопрос. Словно с ними никто никогда не говорил по-человечески. Отщипнут кусочек пластилина и смотрят на меня.

Мать, красивая ухоженная женщина, честно объяснила мне, что у нее нет времени заниматься интеллектуальным развитием детей. Муж у нее на первом месте.

— Он человек с высокими требованиями. Дисциплина, порядок, все должно быть на месте, одежда чистая, руки чистые. Пыль протирать. Утром и вечером. Места общего пользования мыть трижды в день. На уборку и готовку уходит все время. Телефонные разговоры... Мой муж — главный хирург четвертого отделения. Дети моего мужа уважают, но боятся.

— Он им не отец?

— Отец. Конечно же! У нас с ним была любовь с первого взгляда. Он у меня на первом месте, а дети — на втором. Я узнала о вашей студии от знакомых. Живем мы на «Динамо», и муж согласился

раз в неделю, два у нас никак не получится, возить нас в Химки. Не знаю, конечно, на сколько его хватит. Так что, пожалуйста, обратите на моих мальчиков особое внимание. Они в этом очень нуждаются.

И верно. Мальчики замирали от восторга, когда я усаживалась между ними и лепила их неумелыми ручками все, что они ни попросят. Потные от волнения ладони скатывали цветные шарики для пластилинового жонглера.

Через несколько месяцев братьям удалось без моей помощи вылепить козликов.

— Неужели это они сами? Просто не верится! Как живые! — восхищалась мама. — А можно их здесь оставить? Мы не можем брать домой пластилин. Он оставляет на всем жирные пятна.

«Вельветовые братья» расплакались.

Мама вышла и вскоре вернулась под ручку с папой-хирургом.

— Посмотри, какие чудные козлики! Папа посмотрел, потрепал сыновей за губчики. Одобрил.

— Ну все, поехали. Козлы пусть пока здесь травку пощиплют.

— Тогда им надо слепить травку! — ухватились братья за идею. — Пять минут, ну пожалуйста!

Но папа постучал указательным пальцем по циферблату и сказал, обращаясь ко мне:

— Увы, я себе не принадлежу. Меня ждут больные! Если занятия будут затягиваться, я не смогу возить. И придется расстаться со студией.

Услышав угрозу, мальчики вскочили из-за стола. Все-таки они успели вылепить несколько травинок.

— Этого им хватит до следующей недели, — успокоила я их.

Пластилиновые козлики так и не дождались прикорма. Скорее всего, папе вельветовых братьев у нас не понравилось.

Но я довольна: в краткий срок мальчики получили то, что им нужно, они пережили настоящую метаморфозу, и этот момент навсегда врежется им в память. Они получили «импринтинг».

«При всей необычной сложности психики человека некоторые впечатления, восприятия, чрезвычайно избирательные, подействовав в особо чувствительный период, оказываются очень стойкими, подсознательно действующими в последующей жизни, — писал знаменитый генетик В.П. Эфроимсон в статье “Биосоциальные факторы повышенной умственной активности”. — В психологии это явление называется “импринтингом”».

Импринтинг

Обратимся к «Автобиографии Чарли Чаплина»:

«Часто мимо нашего дома гнали овец. Как-то одна из них вырвалась из стада и побежала по улице к великому восторгу прохожих. Я тоже смеялся, глядя, как мечется в панике овца, — мне это показалось очень забавным. Но когда ее поймали и повели на бойню, я вдруг ощутил всю трагедию происходящего и в ужасе помчался домой к маме.

— Они ее убьют! Они ее убьют! — кричал я, обливаясь слезами.

Этот неумолимый в своей жестокости весенний вечер и смешная погоня еще долго не выходили у меня из памяти. Иногда я думаю: может быть, этот эпизод в какой-то степени предопределил характер моих будущих фильмов, соединявших трагическое с комическим».

Если история про отбившуюся от стада овцу предопределила характер творчества Чарли Чаплина, то следующий эпизод того же периода (видимо, это и был особо чувствительный период) выявляет характер Чарли Чаплина, сформировавшийся в возрасте пяти лет.

Когда Чарли было пять лет, его мама, субретка, потеряла голос. Кончился обеспеченный, спокойный период жизни семьи.

«Я помню, стоял за кулисами, как вдруг голос матери сорвался. Зрители стали смеяться, кто-то запел фальцетом, кто-то замыкал. Все это было странно, и я совсем не понимал, что происходит. Но шум все усиливался, и мать была вынуждена уйти со сцены. Она была очень расстроена, спорила с директором.

Неожиданно он сказал, что можно попробовать выпустить вместо нее меня, — он однажды видел, как я что-то представлял перед друзьями матери».

Так Чарли впервые оказался на сцене. «И вот при ярком свете огней рампы, за которой виднелись в дыму лица зрителей, я начал петь популярную тогда песенку “Джек Джонс”. Не успел я допеть и половины песенки, как на сцену дождем посыпались монетки. Я немедленно остановился и объявил, что сначала соберу деньги, а уж потом буду петь. Моя реплика вызвала хохот. Директор вышел на сцену с платком и помог мне поскорее собрать монетки. Я испугался, что он возьмет их себе. Зрители заметили мой страх, и хохот в зале усилился, особенно когда директор ушел за кулисы и я бросился за ним. Только убедившись, что он вручил их матери, я вернулся и закончил песенку. Я чувствовал себя на сцене как дома, свободно болтал с публикой, танцевал, подражал известным певцам, в том числе и маме, исполнив ее любимый ирландский марш. Повторяя припев, я по наивности изобразил, как у нее срывается голос, и был несказанно удивлен тем, что это вызвало у публики бурю восторга.

Зрители хохотали, аплодировали и начали снова бросать мне деньги. А когда мать вышла на сцену, чтобы увести меня, ее появление вызвало гром аплодисментов. Это было первым моим выступлением на сцене — и последним — моей матери».

Чарли не только заменил мать на сцене, он еще и спародировал срыв ее голоса. Ему, артисту, нужно было покорить публику, и он ее покорила. С той же напористостью и непринужденностью он потом покорила весь мир.

Он прервал свое выступление, чтобы собрать монетки. Позже он откажется снимать фильм, пока не получит аванс в 10 000 долларов. Проведя все детство в бедности, он возненавидит бедность. «Она меня ничему не научила и лишь извратила мои представления о ценностях жизни, внушив неоправданное уважение к добродетелям и талантам представителей так называемых высших классов общества».

Сам же он создаст бессмертный образ бродяжки, жителя ночлежных домов. Комическое и трагическое, смех и боль — в одном лице.

Можем ли мы, родители, угадать этот особо чувствительный период в жизни детей?

Бердоклыч

Мама отдала Таню в студию с единственной целью — приучить к коллективу. Девочка в раннем возрасте перенесла тяжелую полостную операцию, долго болела. Она ходит бочком, косолапит, правое плечо приподнято, передних зубов нет, глаза занавешивает густая челка. Девочка-старушка. И вот такой нескладный ребенок лепит одних принцесс. Мама требует, чтобы я была с Таней поосторожнее: «На всех занятиях Таня выполняет задания, а у вас делает что хочет». А хочет Таня одного: рисовать и лепить принцесс. Все, что я могу сделать, это играть с Таней в ее игру и таким образом выводить ее из состояния заиканности. Ведь принцесса живет не в вакууме, а во дворце, вокруг него дорожки, обсаженные разными цветами, возможно, есть и бассейн с голубой водой, к принцессе приезжают в гости подружки и т. д. и т. п. Мир вокруг принцессы расширяется, а сама она становится все меньше и меньше. Но маму это не устраивает. «Почему Таня не идет в ногу с группой? Почему у нее дворец, а у всех вазы?» Ведь она привела дочь в студию только для того, чтобы из нее сделали «девочку как все»!

На самом деле метод «расцикливания» приносит прекрасный результат. Влюбленный в самолеты мальчик может слепить винты, лопасти и кабину пилота, но не сможет слепить тарелку с чашкой. Но стоит предложить ему слепить поднос с едой, который стюардесса несет в кабину к пилоту, он быстро с этим справится.

Часто ребенок повторяет то, что у него хорошо получается. Это бывает от неуверенности, потребности самоутвердиться, завоевать доверие. Ни в коем случае нельзя его за это порицать. Или заставлять его делать то, что велено.

Четырехлетний Сеня все понимает, а слепить не может. «Черепаха — сейчас я тебя сделаю!» Отщипнет кусочек пластилина и возит по столу. Не выходит из этого никакой черепахи. Отщипнет еще несколько кусочков, размажет по дощечке, посмотрит — опять не черепаха. Рассердился и говорит:

— Ах ты Бердоклыч!

— А кто такой Бердоклыч? — спрашиваю.

— Чудовище! Он мне черепаху не дает слепить!

Понравилась Сене эта игра. Отщипнет кусочек от брикета, посмотрит на него и скажет:

Солнце дьявола
и солнце бога

— Шульдук! Ты что, заодно с Бердоклычем?!

Постепенно он начал лепить предметы, созвучные выдуман-ным именам и понятные ему одному. «Кряхотуп встретил в лесу кряхотупицу», — и правда, два бесформенных комка в нащипан-ных пальчиками лепестках-пелеринках идут навстречу друг другу. Заметил, что от вдавливания получается выгнутость, сделал «оре-ховую скорлупку» и пересадил в нее Кряхотупа с подругой. Сле-пил вторую «ореховую скорлупку» — это гнездо, — прилепил его к стеклу. «Кряхотупчики вылупляются».

Так и пошло. Произнесет Сеня имя — и имя становится вещью.

Работа была для Адама трудна:

Явлениям и тварям давал имена, —

так писал об этом другой Сеня, поэт Семен Липкин.

Но и наш Сеня подрос. Когда ему стукнуло шесть лет, он пере-стал «давать имена» кусочкам пластилина и стал лепить вещи, ко-торые были названы до него. Их оказалось так много! Черепаха стала черепахой, слон — слоном. Словотворец превратился в за-думчивого скульптора.

Так уж устроен ребенок: он познает мир играючи. Дети — это не маленькие взрослые, как думали люди средневековья, рисуя их по подобию взрослых, только в меньшем формате, — но совер-шенно особые существа. Мне повезло, я смогла проникнуть в их мир с помощью лепки и своими глазами увидеть происходящие там метаморфозы. В стране непроторенных дорог все скачет, прыгает, несется, там нет плавных переходов. Там происходят из-вержения, и из кусочков пластилина рождается Бердоклыч, а из Хаоса — Человек.

ЛЕТО
НА
КРЫШЕ

Летом не нужно никакого дома,
летом можно спать на травке.
Ведь лето — это утро.

Маня М., 4 года

Гараж с мезонином

Мы снимаем дачу на берегу моря. Сойдешь с автобуса, станешь лицом к морю и увидишь вдали серый прямоугольник с крышей-козырьком. Под мезонин из двух комнатушек отведено полкрыши, другая часть крыши свободная, неогороженная. Доска на козлах служит нам столом, а сидим мы на лавках. Густые кусты сирени пологом нависают над крышей, защищают нас от морских ветров.

Крыша — место нашего обитания в недождливые дни. Здесь мы обедаем, рисуем, принимаем гостей и даже спим днем на раскладушках. Гараж на холме, за холмом — море, оно едва брезжит сквозь густую зелень развесистых лип, кленов и ясеней.

Большой хозяйский дом у подножия холма напротив, второй этаж дома вровень с нашим мезонином. У дома лужайка изумрудного цвета с кустами еще не распустившихся роз. Розы повсюду, всевозможных сортов и расцветок. За розовыми плантациями — фруктовый сад, наряду с яблоневыми, вишневыми и сливовыми деревьями в нем растут декоративные растения с красивыми, но несъедобными плодами.

МАНЯ ФРЕЙ

МАНЯ

НАША СЕМЬЯ
ЛУЧШЕ ВСЕХ.

Дальше пастбище с коровами — мы видим его с крыши, за ним лес. Кроны прямых высоких сосен, как постовые, охраняют море от поселка.

В детстве я мечтала жить на крыше и, засыпая, видеть звезды. И вот сбылось: сижу на крыше, в шезлонге, укутавшись в плед. Еще сыро — не сошла утренняя роса, капли блестят на листьях сирени, на полиэтиленовой пленке, которой покрыт стол. Светит солнце, но со стороны моря уже ползут облака. Так целую неделю — утро ясное, а к одиннадцати часам небо затягивает.

Надо бы готовить завтрак, да лень выбираться из теплого укрытия. Так вольно дышится этим воздухом, напоенным запахом расцветающих лип, к нему примешивается и сосновый дух,

и морской, водорослевый. В утренней тишине, еще не заполненной голосами, слышно, как накатывают волны на берег: накат, пауза, снова накат.

Низко над землей парят стрелчатые ласточки, предвещая дождь. На корявых верхних ветвях старика ясеня рядом сидят сороки. Пострекогут, пострекогут — пауза. Тут выступает море. Оно играет на волнах свои мелодии, а сороки готовятся, прочищают легкие и снова начинают стрекотать.

По крутой деревянной лестнице чинно, не спеша взбирается рыжая Лесси, наша любимица. Подходит ко мне, трется острой мордой о плед. Усаживается на задние лапы, а передние кладет мне на колено. Надо уважить старушку. Я приношу из кухни остатки вчерашнего ужина, Лесси мигом все уминает и просит еще.

— Лесси, Лессия! — раздается строгий голос хозяйки. Она не позволяет Лесси попрошайничать, и та бежит на зов, поджав хвост от смущения.

На смену ей является кошка Лиза. Лизой называли ее дети, и она уже откликается на это имя. Лиза облизывает пустую миску, урчит, мурлычет. Но я на нее сердита: вчера она стащила со стола мясо, за которым я выстояла длинную очередь. Поняв, что ей здесь ничего не светит, Лиза трется боком о входную дверь.

— Мама, пусти Лизу, мы ей молока дадим.

Цветной дождь

Голоса детей поутру — весть о занимающемся дне. У Феде утро начинается с чтения, у Мани — с игры, а у меня — с кухни. Кухня — это, конечно, громко сказано. Двухконфорочная плита в коридорчике, у самой двери.

— Меню на сегодня — намокшая яичница и кофе с дождем? — острит Федя. Стоит сесть завтракать — с неба начинает капать. — Всё равно пойдем в лес! Мы со вечера договаривались: какая бы ни была погода...

Грязную посуду складываем в таз и ставим под водосточную трубу. К обеду будет чистая.

— Хорошо, что эти облака не нарисованные, а то бы из них шел цветной дождь и нас бы окрасило в разные цвета, — говорит Федя.

Мы идем по лугу, мимо коров. Ветер, дождь, а коровы стоят, не шелохнутся, шевелят мягкими влажными губами, уминают траву.

— Пусть бы шли домой, — жалеет их Маня, — им же холодно стоять!

Винтообразный ветер гонит тяжелые тучи, с силой проталкивает их вперед, Федя летит как на крыльях. Его маленькая щуплая фигурка, облепленная курткой, удаляется от нас, уменьшается на глазах и пропадает в лесу.

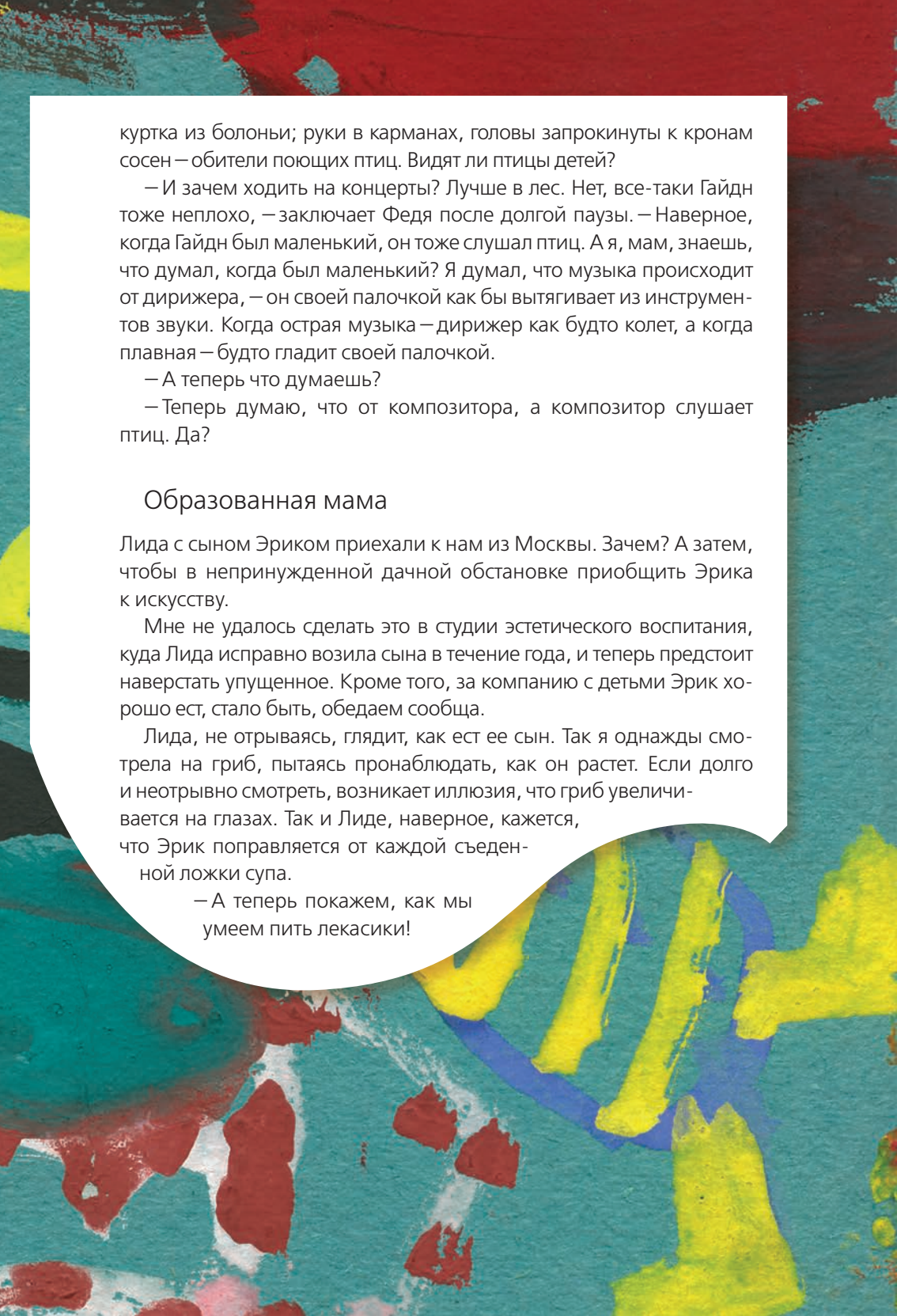
— Мам, скорей, он потеряется, — тянет меня Маня за руку.

Федя поджидает нас за высоким песчаным холмом. В лесу тихо. Лишь дождь шипит в кронах высоких сосен, как масло на раскаленной сковородке.

— Такой дождь, а птицы поют. Это, наверное, пеночки, — говорит Федя.

Дети молча слушают птиц. Они стоят, маленькие, среди высоких сосен: на Мане — серый плащик с капюшоном, на Феде — оранжевая

куртка из болоньи; руки в карманах, головы запрокинуты к кронам сосен — обители поющих птиц. Видят ли птицы детей?

— И зачем ходить на концерты? Лучше в лес. Нет, все-таки Гайдн тоже неплохо, — заключает Федя после долгой паузы. — Наверное, когда Гайдн был маленький, он тоже слушал птиц. А я, мам, знаешь, что думал, когда был маленький? Я думал, что музыка происходит от дирижера, — он своей палочкой как бы вытягивает из инструментов звуки. Когда острая музыка — дирижер как будто колет, а когда плавная — будто гладит своей палочкой.

— А теперь что думаешь?

— Теперь думаю, что от композитора, а композитор слушает птиц. Да?

Образованная мама

Лида с сыном Эриком приехали к нам из Москвы. Зачем? А затем, чтобы в непринужденной дачной обстановке приобщить Эрика к искусству.

Мне не удалось сделать это в студии эстетического воспитания, куда Лида исправно возила сына в течение года, и теперь предстоит наверстать упущенное. Кроме того, за компанию с детьми Эрик хорошо ест, стало быть, обедаем сообща.

Лида, не отрываясь, глядит, как ест ее сын. Так я однажды смотрела на гриб, пытаюсь пронаблюдать, как он растет. Если долго и неотрывно смотреть, возникает иллюзия, что гриб увеличивается на глазах. Так и Лиде, наверное, кажется, что Эрик поправляется от каждой съеденной ложки супа.

— А теперь покажем, как мы умеем пить лекасики!

— Постой, — отвожу я Лидину руку с таблеткой триоксазина, — зачем это ему?

Лида взглядом, весьма выразительным, дает понять, что это не подлежит обсуждению, но я не сдаюсь.

— Нам назначили, — шепчет мне Лида на ухо.

— Эрик, сунь в рот картошку, раз уж ты его раскрыл, — говорю я, — и запей кефиром. Считай, что ты принял дневную дозу.

— Зачем ты это с-делала? — Лида заикается от возмущения. Ей-то и нужно принимать успокоительное. Любой четырехлетний ребенок, которого так грузят, — детсад, кружок эстетического образования, фигурное катание, уроки музыки у педагога с экстравагантной методикой, — взовьется от такой нагрузки.

— И сколько ты ему споила?

— Две упаковки. Без триоксазина он не может заниматься музыкой.

Веский аргумент! О том, чтобы хоть временно оставить занятия музыкой, она и слышать не хочет. Пустить на самотек?! Не выполнить задания по композиции, данное великим педагогом?! Лида помещена на дисциплине и работе. И потому, когда Эрик дорывается до свободы, он делается неуправляемым — носится как угорелый, размахивает мечом, крушит все на своем пути.

— Ты считаешь, что он сам всему научится? — спрашивает роскошная Лида, одетая не во что-нибудь, а в красное сари.

— Положись на природу.

— Ты хочешь, чтобы из Эрика вышел Маугли!

— Я хочу, чтобы ты прекратила кормить его таблетками. Единственным ребенком и так быть нелегко.

— Моя история. Но я была покорной, тихой девочкой.
— А теперь у тебя шумный, активный ребенок. Это же хорошо!
— Да не очень.
— Значит, это не тот ребенок, которого ты хотела? Ты хотела вундеркинда, мальчика с бабочкой и скрипкой, который в три года играет в шахматы, а в пять издает первую книгу стихов. Он не такой. А ты хочешь именно такого! И поэтому ты его лечишь. И залечишь. И никогда не узнаешь, кем он должен был бы стать. Капитаном огромного боинга...

— Все, уговорила.

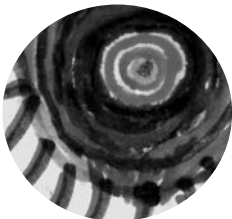
Умей передать ритм

«Дорогой папа! Как ты поживаешь? Как цветы? (Федя выращивает цветы и очень беспокоится, поливает их папа или нет.) Мы очень довольны, скучаем по тебе, ждем, когда приедешь. К великому сожалению, я не делаю зарядки (лень проклятая!!!), хотя недавно утром обливался холодной водой (два раза за два дня, далеких, как числа 5 и 20), на следующий день на море делал гимнастику, нравилось, но сейчас трудно, так как у меня обгорели плечи и грудь, купаемся в море, в основном я, хотя вода не превышает +14°. Пожалуйста, когда приедешь к нам, захвати мой “Дневник наблюдений” и список внеклассного чтения. Я помогаю маме: выношу мусор, набираю воду. Мама ездит на уколы, уже чувствует себя лучше, даже ходит в магазин, конечно, в секрете от нас. Сейчас погода понижается. Утром летают чайки, а проклятые сороки все время, когда мама ложится спать, начинают, как назло, трещать и будить маму. Извини, что мало написал. Посылаю картины».

За окном хлещет дождь, косыми полосами рассекает воду в бассейне, она пузырится, пенится по краям. Бассейн достраивался при мне. Мы с хозяйкой привезли с моря песок в большой тачке, замесили раствор. Айне хотелось, чтобы бассейн «вырастал» из земли. Мы ворочали здоровые камни, приставляли один к другому и скрепляли их раствором.

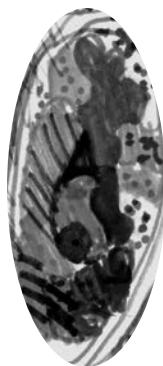

Вокруг бассейна, между камней, Айна высадила маргаритки, анютины глазки и карликовые розы. В обрамлении ярких маленьких цветочков камни кажутся драгоценными.

«Располагай камни и цветы так, чтобы малая композиция походила на картину, в большом же плане умей передать ритм», — сказано Шэнь Фу, китайским писателем XVIII века. Вроде бы так и вышло.

Дома тепло, уютно, горит красная спираль рефлектора, сушатся вещи на стульях, мурлычет Лиза. Маня чешет ей за ухом, разговаривает с ней вкрадчиво, ласково, как взрослые с новорожденными детьми.

Федя рисует. Что же он рисует? Лес? Нет. Грибы? Нет. Он рисует скрипача в черном котелке с занесенным над головой смычком, роскошную даму с букетом цветов, девушку под пестрым зонтом. Рисунки мелкие, ажурные, как полевые цветы, что растут на лужайках и пестрым ковром устилают луг. Четкий контур, верно найденные

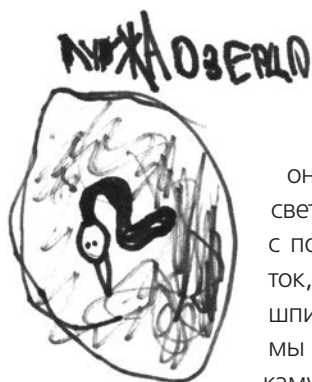

позы. Такое «непрямое отражение» нашло в рисунках лесное путешествие. Скрипач — воплощение Фединых мыслей о музыке; букет цветов в руках у дамы — тот самый букет, который был мне вручен при выходе из леса; роскошная дама похожа больше на Лиду, чем на меня; девушка с зонтом — тоже персонаж не случайный: я сетовала на то, что не взяла с собой зонт и промокла до нитки.

По этим рисункам видно, насколько значима для Феи музыка. И не только потому, что его персонаж — скрипач, а потому, что сами рисунки ритмичны, музыкальны по цвету и движению. Ему впервые удалось передать динамику движения, и это напрямую связано со слушанием птичьего концерта в дождливом лесу.

Море плачет, небо плачет,
мама плачет

Путь к морю недолог и мало чем примечателен. Но для детей это целое путешествие. Первый пункт остановки — муравейник у подножия корявого ствола старого вяза. Сбежав с песчаной горы, дети

принимают к щели в высоком заборе. Диковинный сад — ни одного дерева, только цветы, но какие! Высокие лиловые и фиолетовые колокольчики кажутся детям фонарями — они вровень с ними и каждый колокольчик как светильник; ромашки с головками величиной с подсолнух, нежные ирисы тончайших расцветок, стрелы гладиолусов, похожие на готические шпили... Насмотревшись вдоволь на сад-видение, мы выходим на дорогу. Она посыпана мелкими камушками, по преимуществу «драгоценными», так что здесь мы задерживаемся надолго.

Невероятный, огромный мир! Литература, к счастью, сохранила для нас бесценные поэтические воспоминания о детстве, взять, к примеру, уже упомянутого здесь Шэнь Фу: «Помнится, ребенком я мог подолгу смотреть на солнце не мигая, мог отчетливо различать тончайшие линии и видеть самые мелкие предметы; подмечая их формы и узоры, я ощущал их неизъяснимую прелесть.

...Иной раз, устроившись возле щербатой глинобитной стены или на террасе с цветочными горшками, а то и среди травы, я садился на корточки и замирал, внимательно вглядываясь в травы; тоненькие стебельки становились для меня деревьями, букашки и муравьи — дикими зверями, земляные комья и камешки — горами, а ямки превращались в долины; мой дух вольно странствовал среди них. Этот мир доставлял мне истинное счастье».

К морю ведет песчаная тропинка, по обеим ее сторонам высокие остроконечные листья осоки — наверное, они кажутся детям деревьями.

Берег пустынен, дождь разогнал всех по домам. Цвета поблекли, все стало похоже на пейзаж, выполненный тушью с размывкой: белые чайки раскачиваются на светло-серых волнах, свинцово-серое море на горизонте, над головой сизые тучи, вдоль берега моря — темные ивы с серебристо-серыми листьями.

Но стоит свернуть с моря к магазину, и все насыщается цветом — деревья зеленеют, магазин краснеет, будка телефонного автомата желтеет. В магазине пестро от этикеток и разноцветной оберточной бумаги. А вот и наши знакомые — мальчик Миша с мамой Наташей. Стоят с кислым видом за какими-то сладостями.

Мы выходим из магазина. Миша припускается к качелям.

— Не смей, все мокро! — кричит ему вслед Наташа, но Миша уже взгромоздился на сиденье, раскачивается. — И так решительно во всем, — бросает она на бегу. — Все, никаких гостей! — Она скивает сына с качелей. — Кто ходит в гости в таком виде?!

И тем не менее они идут к нам. Так и тянет сказать Наташе: «Не можешь держать слова — не угрожай!»

— Мам, почему ты не взяла с собой хлеба? Почему? — Миша дергает ее за рукав плаща.

— Порвешь! — отталкивает она сына.

— Говорил же тебе, возьми хлеб. Видишь, чайки голодные!

— А ты сам почему не взял хлеба? — спрашиваю я у Миши.

Миша останавливается и внимательно глядит на меня.

Личико маленькое, с острым удлинённым подбородком. Большие карие глаза горят недобрым блеском.

— Скорей бы муж приехал, — всхлипывает Наташа.

— Море плачет, небо плачет, мама плачет, — декламирует Миша и повторяет: — Море плачет, небо плачет, мама плачет.

— Ты просто безжалостный человек, — говорит она сыну.

— Безжалостный — потому что у меня жала нет?

Стихает дождь, светлеет небо, насыщаясь цветом. Песок из серого становится охристым, море темно-синим, стволы ив коричневыми, а листья желто-зелеными. Чистые цвета, как хорошо промытые акварельные краски, пропитывают влажный воздух.

Умная Эльза

— Здесь очень красиво, но я бы не рискнула... Не огорожено. Один неосторожный шаг и... Я бы с ума сошла на вашем месте, я бы все время тряслась, — говорит Наташа.

— Если ты настроен «трястись», повод всегда найдется. В каждом шаге таится опасность. Мы же не будем вечно водить детей за ручку, они вырастут, а опасностей не будет. Так и рехнуться недолго.

А У М Е Н Я Н О Г И В Я З А Н О Й Ф О Р М Ы

Я не предлагаю оставлять детей без присмотра, но присмотр должен быть разумным. А со страхами надо бороться. Зачастую они возникают по нашей вине.

«Не трогай собачку, она укусит!» — и ребенок боится собак.

«Не прыгай — упадешь, разобьешь головку, придется доктора вызывать» — и ребенок боится сделать лишнее движение, да заодно и докторов.

Моя ближайшая подруга — блюститель чистоты. Само по себе это прекрасно. Ее дети по двадцать раз в день моют руки. В результате у старшего сына развилась «пылефобия». «Пыль!» — вопит он не своим голосом и мчится мыть руки. С возрастом «пылефобия» утихла, но брезгливость осталась: ни за что не пройдет босой по песку, и в море его не затащишь — надо переступить через гряды водорослей, а водоросли противные!

Есть поучительная сказка про Умную Эльзу. Умной она названа потому, что наперед знала роковые последствия каждого действия. Умудрившись превратить жизнь в муку, она погибла в соответствии с собственным предсказанием. Лучше не уподобляться Умной Эльзе.

Заколючка пуговичная

— Это вы сами сделали? — Миша восхищен нашей стеной, расписанной цветами и бабочками. — А можно мне?

— Только не на стене, — говорит Наташа. — Не разрешайте ему, он такого намалюет!

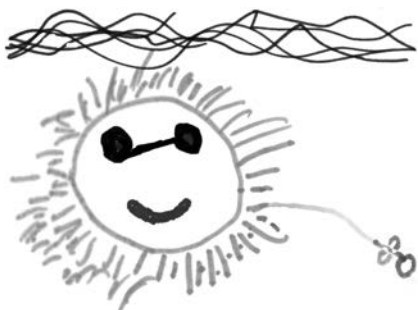
— А нам мама разрешает. — Федя достает краски.

— Иди домой, — говорит Миша маме.

Мне бы не очень понравилось, если бы мои дети вот так бесцеремонно выставляли меня из незнакомого дома. Чтобы как-то сгладить неловкость, я отвожу Наташу в сторону и договариваюсь, что мы приведем Мишу к ужину. Пусть мальчик сменит обстановку, и она отдохнет.

— Только пусть он не подходит к краю крыши.

Я обещаю Наташе, что мы будем рисовать в комнате.

— Дайте тему, — требует Миша, когда мама уходит.

— Рисуй что хочешь, — отмахиваюсь я от него. — Разве ты не видишь, что я занята. (Я чистила грибы.)

— Я не могу рисовать что хочешь. Я могу на тему.

— Хорошо. Нарисуй мне красивое и непонятное.

— А это как?

— Откуда мне знать? Ты просил тему — вот тебе тема.

— Красивое и непонятное! — раздаётся из комнаты Манин голос. — Это я сейчас.

Миша призадумался: Маня младше него на год и не спрашивает, как рисовать.

Я поставила суп и заглянула в комнату.

Миша, выгнув по-рысьи спину, машет фломастером в воздухе. Поколдует — и давай испещрять лист точками.

— Всё, — вытирает лоб рукой, закрывает фломастер, кладет его на место.

Значит, не такой уж он и разболтанный.

Маня изрисовала несколько больших листов — рисунки сыпятся, как из рога изобилия: цветные линии, завитки, фигурки невыдуманных форм.

Федя начинает с верхнего края листа, значит, планирует композицию на весь лист. Иначе начал бы с середины. Рисует неторопливо, выверяя отношения цветов, он часто отстраняется от бумаги. Русые выгоревшие волосы падают ему на глаза.

— Федь, давай чуб стрижем.

— Попозже.

— Тогда и мне. — Миша выпрямляет вьющуюся каштановую прядь — она доходит ему до носа. Он отпускает прядь из рук, она отпружинивает и свивается в кольцо.

Маня с удивлением разглядывает Мишу. Мальчик с кудрями! Она постоянно дергает себя за колечки кудряшек, они ей не нравятся, волосы должны быть ровные, как у Феди. Маня хочет быть

как Федя. Раз он мальчик и у него прямые волосы, значит, у всех мальчиков должны быть прямые волосы. Такая логика.

— Мам, грибы проворонишь! — вскрикивает Федя. — Наша мама очень рассеянная.

— А у вас можно всегда жить? — вдруг спрашивает Миша.

— Это ты со своей мамой договаривайся, — говорит Федя. В моем согласии он не сомневается.

Грибы я проворонила. Сок выкипел, и грибы пристали к днищу. Меж тем дождь-посудомой справился с чашками и тарелками. Я вытираю их полотенцем и подставляю под водосточную трубу пустое ведро. Дождь барабанит по клеенке, крышка стола темнеет сквозь пузырчатую пленку. По дороге с автобусной остановки, укрывшись зонтами, бегут промокшие дачники. Тем, кто приехал на месяц, явно не повезло. А у нас все лето впереди!

— Посмотрите, что я нарисовал! — зовет Миша.

У Миши действительно вышло красивое и непонятное.

Ни один из элементов композиции не похож на реальный предмет. Линии прямые, пунктирные, многоцветные, мелкие цветные формы собираются в мозаику и разлетаются в стороны, как осколки метеорита. Пятна, точки, закорючки, штрихованные и располосованные овалы и круги собраны в единое целое. Каждая деталь красива сама по себе и в то же время работает на композицию.

«Держись следующих правил: в большом умеи видеть малое, в малом — большое, в нереальности — действительность, в действительности — вымысел», — учит Шэнь Фу.

— Мам, а у меня посмотри! Это такая заколочка (зигзаг) пуговичная (рядом с «заколочкой» красный кружок), на ней Баба Яга летает (черный головоног), а в этом домике (прямоугольник с кружочками-окнами) она печь топит и над всем летает (разноцветные росчерки — траектория полета Бабы Яги).

Маня рисует и рассказывает. Пройдет несколько минут, и по этому же рисунку она сочинит совсем другую историю.

— А у меня ноги вязаной формы, — говорит Миша, рисуя закрученные линии. Ему понравилось, как Маня комментирует свой рисунок. — Это волшебный человек (желтый треугольный человек с синими крыльями-лепестками), а это у него шарик (Миша рисовывает к синему крылу шарик и раскрашивает его разными

цветами), он выкатывается из крыла, как шелк из шелкопряда (опутывает тонкими желтыми линиями шарик), это шелковые нитки. У волшебника есть жена — волшебница. — Рисует пугатое существо. Раз волшебник треугольный, то волшебница — круглая. — И тело у нее — воздушный шар.

Великолепная находка — в плотно заполненном пространстве необходима пустота, воздух, и воздух этот — в теле волшебницы.

Все. Закончил. Тянется к следующему листу.

Одним движением обрисовывает туловище, руки-морковки с пальцами-ботвой, голову, посаженную в плечи, оранжевые глаза с коричневыми точками посередине, горизонтальные черточки под глазами — морщины. И вот перед нами недоуменный, растерянный человек.

Эти рисунки нарисованы подряд: один — типично детский, с избытком наделенный фантастическими персонажами, второй — лаконичный. Первый отражает мир детских фантазий, второй выражает настроение. Добавив сюда рисунок «красивое и непонятное», мы увидим, насколько многогранен и переменчив этот ребенок, как трудно ему «себя вести».

Душа в шапке-невидимке

— Душа моя — это вкусность, душа моя — это радуга!

Маню распирает радость — и в лесу-то были, и грибов-то насобирали, и рисунки-то нарисовали, и теперь вот — вкусный обед. И солнце выглянуло.

— Солнышко мое, матушка, как горячо светишь, — обращается она к солнцу.

— Мань, а я кто? — спрашиваю у Мани.

— Ты — мама, а солнце — матушка, — отвечает не задумываясь.

— Душа — это не вкусность, а невидимость, — вносит коррективы Миша.

— А что это значит «душа в пятки ушла»? — спрашивает Федя у Мани.

— Значит, она опускается, а у души на пятках жар-птица.

— Нет, не так, — машет руками Миша, — душа в шапке-невидимке. Надели шапку-невидимку, и стал человек, как будто в человеке нет сердца.

Дети всему находят форму выражения. Они мыслят метафорами и мыслят очень быстро. Подчас речь не поспевает за мыслью, и они «проглатывают» связи, сравнительные ряды. Пока мы сообразим, что к чему, пока восстановим эти ряды... Почему у души на пятках жар-птица? Попробуем разобраться: Жар-птица — символ волшебного полета. Она умещается на пятках души, значит, душа куда больше жар-птицы. Душа летучая — ассоциация с полетом птицы. Почему, когда на душу надели шапку-невидимку, она стала человеком без сердца? Раз человек скрылся под шапкой-невидимкой, значит, его нет. Раз его нет, то и у сердца у него нет.

Замурованный танк

Эрик облепливает пластилином игрушечный танк. Я беру у него танк и несколькими движениями превращаю в слона. Эрик молчит. Но стоило мне отойти, как он оторвал от слона хвост и ноги и продолжил начатое дело.

— Может, он недоразвитый? — спрашивает Лида. — Целый час облепливать танк пластилином!

— Он таким образом успокаивается. Замуровывание танка в пластилин — это как погребение агрессии. Он говорит: я устал злиться, я хочу быть хорошим. Смотри, я ему помешала, и он даже не обиделся.

— По-моему, ты все это сейчас придумала, — говорит Лида.

— Да. Только не придумала, а увидела.

Лида оставила мне Эрика на «тихий час». И Миша подрос. Феде не осталось места, и он ушел читать на крышу.

Маня просит рассказать сказку про Крошечку-Хаврошечку, за это она будет спать.

— Про Крошечку-Хаврошечку я боюсь, — говорит Миша. Он жалеет вещью Корову. Она самая добрая из всех. А Хаврошечка недобрая. Ей бы только замуж за принца выйти!

— А я не боюсь, — заявляет Маня.

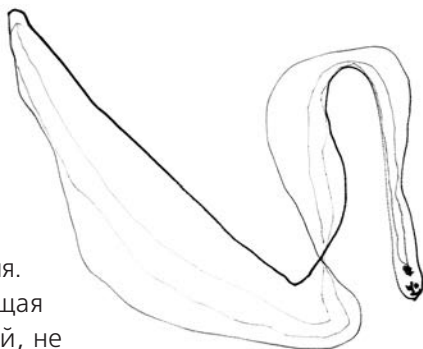
Маня, явно отождествляющая себя с Крошечкой-Хаврошечкой, не особенно удручена смертью Коровы. Смерть Коровы — лишь звено в цепи событий, ведущих к счастливому финалу.

— Я бы свою корову убить не дал, — заявляет Миша. — Увел бы ее из мачехино дома и жил бы с ней вдвоем на свободе.

Подобно избушке на курьих ножках, сказка поворачивается к каждому своей стороной. К Эрику она явно повернулась задом. Он и слышать о ней не хочет. Что это за сказка, ни рыцарей, ни войн! Поворчал — и заснул.

— Давайте «Гуси-лебеди», — предложил Миша, — из плохих там одна Баба Яга, и коров там не убивают.

— Ой, про эту Бабу Ягу я наизусть знаю! Ну ладно, мам, рассказывай.

Миша спит на животе, уткнувшись носом в угол подушки, Эрик — на спине, в позе поверженного воина — одна рука поднята вверх, другая свисает до пола, — а Маня калачиком. Рубец на плече уже почти незаметен. Вчера в лесу Федя вдруг, ни с того ни с сего, стегнул Маню ивовым прутом. Маня вскрикнула от внезапной боли. «Федь, ты что, рехнулся? — говорю я ему, — а если я тебя так стегну?» Маня зарыдала: «Не надо, мне его жалко!» Федя бросился к ней, целует ее, дует на ссадину, а сам чуть не плачет. «Ты добрая! А я дурак! Как я мог такое сделать?!»

Рыбалка в дождь

С Арменом, художником из Еревана, мы условились рыбачить в Дубултах, на дамбе. С утра зарядил дождь. Едва мы втиснулись в автобус, посыпал град.

— Уже зима, да? Мы в Дубултах будем в снежки играть?
Федя объяснил Мане, что такое град и как он получается.
— А почему это лето зимнее? — спрашивает Маня. — Тогда был юг, а теперь зима.
— Потому что в прошлом году все лето стояла жара, а теперь дожди и вода холодная.
— В прошлом году мы были на юге потому что.
— Да нет, Мань, мы здесь же и были.
Но она настаивает на своем:
— В прошлом году было тепло, значит, это был юг.

Федя вертит удочку в руках, привлекает к себе внимание, ему хочется, чтобы кто-то заметил, какая у него удочка — настоящая, как у взрослого.

— На рыбалку собрался? — спрашивает Федю пожилой мужчина. — С погодой-то не повезло. Клевать не будет.

— Это ничего, Армен поймает.

И завязывается беседа. За несколько минут Федя успевает рассказать, что мы живем в Каугури, что я не хотела брать Маньку, но он меня уговорил, что Манька знает французскую песню, а по-латышски, к сожалению, так и не научилась говорить, зато умеет называть первую букву любого слова.

— Ну-ка, Мань, с какой буквы «арбуз»?

— С «а».

— Молодец.

— А «баран»?

— С «б».

Мы выходим из автобуса. Армен уже ждет нас на остановке. Федя бежит ему навстречу. Он — в брезентовом плаще с широкими полами, а его племянник Чик — в высоких рыбацких сапогах и штормовке.

— Э, Федя, удочка никуда не годится, — говорит Армен, — будешь ловить на мой спиннинг. А Маня будет хлеб на крючок насаживать. Да?

Из-под брезентового капюшона, надвинутого на лоб, виднеются зеленые, близко посаженные глаза, орлиный нос и веселый улыбчивый рот. Кажется, кроме нас здесь никто не улыбается. Все бегут к электричке, укрывшись зонтами и всевозможными накидками. Ну какой нормальный человек пойдет на рыбалку в град! Но Армен непоколебим: раз решили — так решили.

— Елена Григорьевна!

Оборачиваюсь, ищу глазами того, кто меня окликнул. Так меня зовут только ученики и их родители. И точно. Андрюша с родителями.

МАМА,
А ДАВАЙ
БОЛЬШЕ
НЕ БУДЕМ
ЕСТЬ, ТОГДА
МЫ НЕ
ВЫРАСТЕМ
И НЕ УМРЁМ

— Андрюш, не узнаёшь Елену Григорьевну?
— Узнаю, по лепке.
— Вы тоже здесь прозябаете? — спрашивает Андрюшина мама.
— Мы не прозябаем, мы рыбу идем удить.
— Тоска от этой погоды берет! Вот ждем не дождемся конца отпуска. Обошли все кафе и рестораны. Вы-то скоро уезжаете?
— Мы на все лето.
— На все лето? — поражается Андрюшин папа. — Это подвиг. Ни позагорать, ни покупаться.
— Приезжайте к нам. — Я даю им адрес и телефон. — А то поидемте с нами рыбу удить...
— Да нет...
— Слушай, что за люди, мрачные такие люди, вах-вах! — говорит Армен.
— Этот мальчик занимался у меня с четырех до шести лет. Он был неистощимым фантазером, изобретал такие смешные слова...
— Что же ты его упустила! Надо было насильно, насильно, э, тащить за собой.
Армен снял с себя брезентовый плащ, посадил Маню на плечи, нагнулся, и мы с Чиком накрыли их плащом.
— Побегали, — скомандовал Армен.
Пока мы добрались до дамбы, дождь утих. Пока готовились к рыбалке, он зарядил снова.
— Смотри, Манечка, какие лилии, а листья, вах-вах! Сейчас выпрыгнет лягушка, сядет на листик и превратится в принцессу дождя и града, — говорит Армен, отдавая Феде спиннинг.
Мужской состав занят делом. Маня катает хлебные катышки.
— Хрюшка! А вот улитка, сейчас выну у ней из головы рожки... — «Свиней» и «улиток» Маня складывает в мой карман. Струйки дождя заливаются за шиворот, Маня подергивает плечами, ежится. — Мам, а сейчас этот страшный ливень кончится и наступит уже тихонький дождик, да?
Клева нет, пора сматывать удочки, но тут Армен говорит:
— Все. Сейчас поймаю. — И верно, вытаскивает маленькую рыбешку. — Чик, и ты давай. — И Чик вытаскивает вторую крохотную рыбку. — Ну, Федя, очередь за тобой. — Но Феде не везет. — Не горюй! — Армен скручивает спиннинг. — Это репетиция. Кончатся

дожди, и ты поймаешь, знаешь, какую рыбку? Золотую рыбку. А этих мы отпустим!

С этими словами он выбрасывает рыбешек в воду, и мы отправляемся в гости к Армену — на просушку.

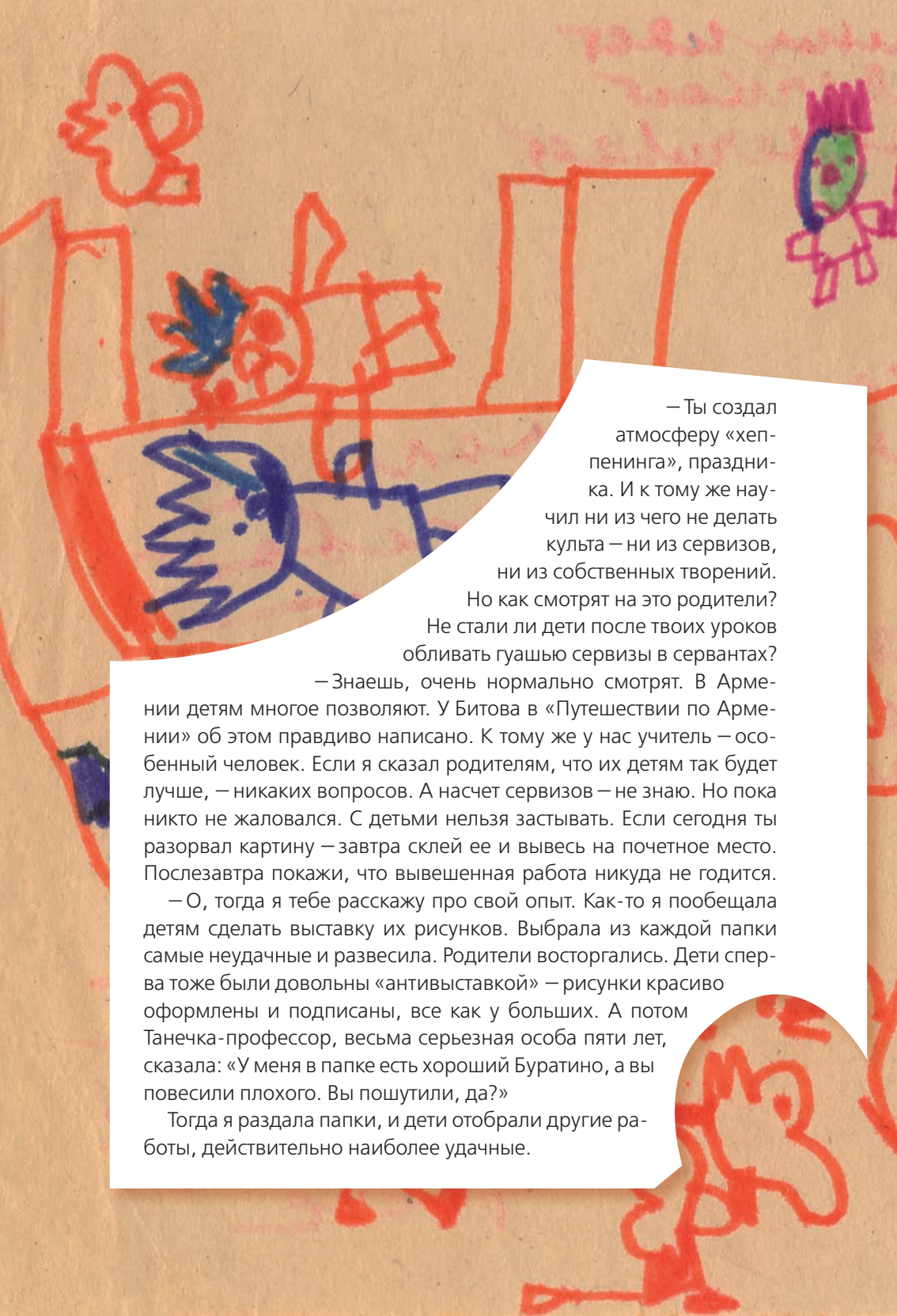
Армен с дочерью Каринэ и племянником Чиком живут в деревянном домике на берегу моря. Десятилетняя красавица Каринэ выдает нам сухую одежду. Пока Армен растапливает печь, мы переодеваемся, выжимаем наши вещи и развешиваем их на спинках стульев.

После чая с бутербродами и вареными яйцами мы укладываем детей под теплые, но сыроватые одеяла. Пусть отдохнут.

Свободный паровоз

— Дело было так, — рассказывает мне Армен. — Я составил натюрморт из «авторитарных» предметов: две чашки с аляповатыми розами из неприкосновенного сервиза, пузатый чайник, обремененный какими-то идиотскими узорами, бездарное блюдо с инкрустацией — все это красиво расположил на столе в центре класса и спрашиваю: «Что это такое?» — «Натюрморт», — отвечают дети. «А зачем?» — «Рисовать». — «Рисовать?» Тогда я беру банку с белилами, выливаю на натюрморт, быстренько вызываю одного мальчика, чистюлю, даю ему банку с красной гуашью. «Выливай!» Есть! Потом велю всем закатать рукава, запустить руки в лужу краски и пальцами, без всяких кисточек, нарисовать на планшете паровоз. А то дают пятилетним детям дорогие колонковые кисти, зачем?

Часа полтора они порисовали, потом мы сняли планшет с паровозом со стены, вышли с ним во двор и устроили шествие по кругу. Шум, гам, все довольны, а тут я говорю: «А теперь разорвите!» Слушай, они рвали рисунок с тем же наслаждением, что и рисовали. «А теперь склейте обрывки, да так, чтобы второй паровоз вышел лучше первого!» Склеили — такой вышел паровоз: пар из ноздрей! После нескольких таких занятий в духе парадокса я вижу, дети стали привыкать к тому, что дядя Армен их развлекает. Тогда я прихожу в класс, сажусь в угол и молчу. А они ждут. Потом надоело ждать, руки зудят — рисовать хочется — и пошли рисовать, не спрашивая, что рисовать.

— Ты создал
атмосферу «хеп-
пенинга», праздни-
ка. И к тому же нау-
чил ни из чего не делать
культа — ни из сервизов,
ни из собственных творений.

Но как смотрят на это родители?

Не стали ли дети после твоих уроков
обливать гуашью сервизы в сервантах?

— Знаешь, очень нормально смотрят. В Арме-
нии детям многое позволяют. У Битова в «Путешествии по Арме-
нии» об этом правдиво написано. К тому же у нас учитель — осо-
бенный человек. Если я сказал родителям, что их детям так будет
лучше, — никаких вопросов. А насчет сервизов — не знаю. Но пока
никто не жаловался. С детьми нельзя застывать. Если сегодня ты
разорвал картину — завтра склей ее и вывесь на почетное место.
Послезавтра покажи, что вывешенная работа никуда не годится.

— О, тогда я тебе расскажу про свой опыт. Как-то я пообещала
детям сделать выставку их рисунков. Выбрала из каждой папки
самые неудачные и развесила. Родители восторгались. Дети спер-
ва тоже были довольны «антивыставкой» — рисунки красиво
оформлены и подписаны, все как у больших. А потом
Танечка-профессор, весьма серьезная особа пяти лет,
сказала: «У меня в папке есть хороший Буратино, а вы
повесили плохого. Вы пошутили, да?»

Тогда я раздала папки, и дети отобрали другие ра-
боты, действительно наиболее удачные.

— Это тоже бой конформизму. Интересно, а если бы не нашлась Танечка-профессор, как бы ты поступила?

— Не знаю.

— Хорошо, что ты говоришь «не знаю». Я тоже не умею абстрактные задачи решать. В работе вещи сами по себе решаются. Главное — не закоснеть. Если ты закоснел, что дашь детям и что получишь от них? Если мне не интересно ловить рыбу, то и детям это быстро наскучит, правильно считаю? Так, переходим к делу. Одежду будем сушить. — Армен включает утюг. — Вот паровоз, он едет по рельсам, — Армен проводит утюгом по брючине, — клубится дым...

— Армен, ты здесь рисуешь?

— Нет, я здесь на практике. Овладеваю с Каринэ и Чиком новым видом искусства — быть самим собой. Похоже, и ты этим занята, а?

Зачем люди растут?

Сухие, отутюженные идем мы по берегу моря. Нам пора на электричку, но дети уговорили меня ждать до заката. Какой он будет после стольких ливневых дней?

Пляж пустынный. Разноцветные облака соединяются в причудливые рисунки: красный слон, оранжевый крокодил, драные края дождевых туч на горизонте образуют кустистые лесные заросли в небе. Облака переходят друг в друга, как цветные пласты «дрожалки» — фруктового желе, которое мы покупаем в кулинарии, а дождевые тучи растекаются подобно чернильным пятнам на мокрой акварельной бумаге.

— Как ты думаешь, это можно нарисовать? — спрашивает Федя. — Как нарисуешь, когда все меняется? Ты можешь нарисовать закат с натуры?

— Нет, что ты! Но есть художники, у которых это получается. И здорово получается.

— Я бы не смог.

— А мы туда попадем, вглубь? — указывает Маня в небо.

— Когда-нибудь попадем, — вздыхает Федя.

— Это хорошо, — говорит Маня.

...В Каугури небо чистое, звездное. Мы едва плетемся: поздно, первый час ночи.

— Мам, мы идем, а звезды от нас все бегут и бегут. Они устали. У них же на небе нет стульев, чтобы отдохнуть. — И тут же, безо всякого перехода: — Федь, а доктора танцуют?

— Конечно, Манюша, когда доктор вылечит, он танцует. Ведь он сделал доброе дело.

Манюшей он называет сестру в минуты особого расположения ко всему на свете.

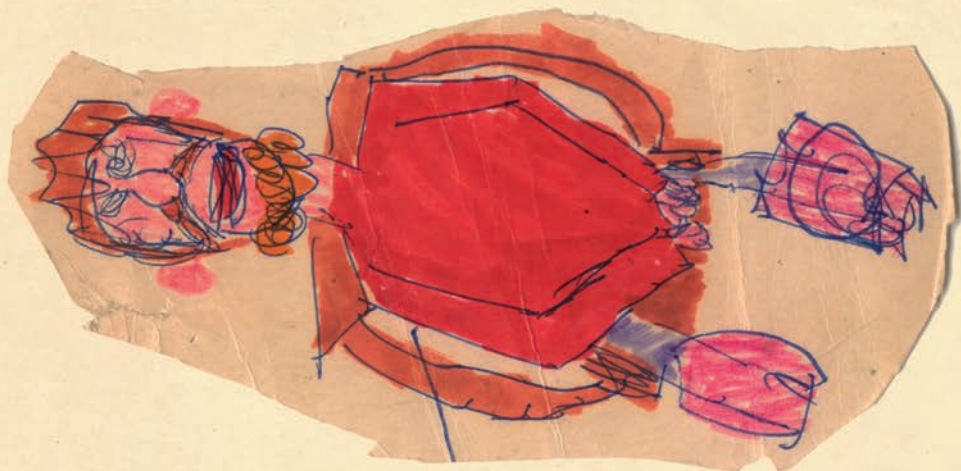
— Зачем люди растут? — не унимается Маня. — Вырастут и умрут.

А вот уже выстраивается очередь на кладбище: мама — первая, папа — второй, Федя — третий.

«Мама, а давай больше не будем есть, тогда мы не вырастем и не умрем», — предложил мне Федя, когда ему было пять лет. Есть и более отчаянное высказывание того же времени: «Не хочу делаться старичком, не хочу умирать, не хочу в землю к червям! Пусть лучше меня током убьет».

Кладбищенская тема иссякает, как только мы приближаемся к канаве.

— Знаешь, — говорит Федя, глядя то на звезды, то в канаву, — когда мы в Химках и все одно и то же, то кажется, что это не жизнь, а какая-то тренировка. Я бы, конечно, хотел жить, как Гекльберри Финн, он бродил по всей Америке, и никто к нему не приставал.

Косылица
Ох прощай в мае,
белый снег кося.

— А кто к тебе пристаёт, интересно?

— Я к тебе не пристаю, правда, Федь? — Маня встает на цыпочки, заглядывает в его глаза, тычется носом в щеку.

— Мам, а как ты считаешь, я красноречиво выражаюсь?

— По-моему, вполне красноречиво, — отвечаю я машинально, а сама думаю о том, как на детей вдруг, ни с того ни с сего, наваливается грусть. Казалось бы, был такой чудесный день, а Федя загрустил, захотел одиночества, чтобы никто к нему не приставал.

— Иногда мне кажется, что я выражаюсь достаточно красноречиво. Но вот прочтешь хоть одно предложение в хорошей книге и видишь, что твои слова ничего не стоят.

— Стоят, Федь, стоят, — утешает Маня брата. Она не понимает, в чем дело, но хочет, чтобы все было хорошо.

Уловив грустные интонации в моей или Фединой речи, она тотчас начинает хныкать: «Не говори тоном, ну пожалуйста, не говори тоном!»

— Мам, а завтра будет завтра? — спрашивает она.

— Уже сегодня — завтра, — говорит Федя, имея в виду то, что время перевалило за полночь.

— Это хорошо, — заключает Маня.

Мажор или минор?

Напротив меня, под тенью ивовых кустов — девочка Наточка лет восьми с мамой. Мама занимается с дочерью сольфеджио. Ната невпопад отвечает на вопросы, а сама во все глаза смотрит на девочек, как те с наслаждением слизывают шоколад с эскимо.

— Ма, а мне можно будет мороженое после обеда?

— Ната, не отвлекайся. Ты не ответила на мой вопрос.

Ната отвечает. Опять невпопад.

— Ладно. — Мама подымается с подстилки.

Ну, думаю, сейчас пойдет купаться с Натой. Нет. Достает из полиэтиленового мешка «Избранное» Лермонтова, открывает на какой-то странице, велит читать вслух.

Ната старательно, с выражением читает «Парус». Прочитала, ищет глазами девочек с мороженым. Интересно, доели они его или нет?

— Какое настроение выразил поэт, минорное или мажорное?

— Мажорное. — Ната заметила девочек. Они уже съели эскимо и обсасывают палочки.

— Не только мажорное.

— И минорное.

— Правильно. А где переход от мажора к минору?

Маня с Федей проголодались. Я даю им печенье и угощаю Нату.

— Можно? — спрашивает Ната, поднося печенье ко рту.

— Я сказала можно, но не сказала когда.

— После обеда?

— Да, после обеда. А теперь опиши мне картину лермонтовского моря. Вспомни пушкинское «К морю». Сравни, чье море мажорней, Пушкина или Лермонтова?

— Простите, а вы как считаете, — обращаюсь к маме Наты, — море, которое сейчас перед нашими глазами, какое?

— Мажорное, — не задумываясь отвечает мама.

— А почему?

— Потому что оно освещено солнцем, оно синее, яркое.

— Да где же оно синее? Оно зеленовато-серое.

— Но вообще-то море синее...

— Мам, можно я пойду к Марине с Таней?

Воспользовавшись тем, что я отвлекла маму беседой, Ната бежит к подружкам. Тугие косички шлепают по острым лопаткам.

— Надо будет заняться с ней спортивным бегом, — говорит мама Наты, — мы с ней перед каждым завтраком бегаем трусцой. Девочка должна быть стройной, а она по шесть часов просиживает за инструментом. Всего, разумеется, не охватишь, но надо стремиться. Хочется, чтобы музыка шла на фоне общего гармонического воспитания. Кстати,

по какой программе вы занимаетесь с детьми? Я спрашиваю об этом не бескорыстно.

Я объясняю Натиной маме, что у меня нет программы, она складывается в процессе занятий.

— В музыке так нельзя. А не смогли бы вы дать Нате несколько уроков? Она развитая девочка. Пишет стихи. Некоторые я нахожу удачными.

Мама Наты читает «из удачных». Совсем не детские стихи. Залитературные, с лермонтовской тоской.

На следующий день мама приносит на пляж альбом с рисунками. Все тематические. К стихам и сказкам. Скучные, как стихи, которые я вчера услышала. Но девочка-то смышленная, живая. Стоит ей отойти от мамы, как она резвится и играет, как обычные дети, которым невдомек, мажорное или минорное стихотворение «Парус».

Среди рисунков попадаете один живой, детский.

— Это просто так, — говорит Натина мама. — Все девочки проходят через «красавиц». Я такое увлечение не поощряю. В каждой работе, на мой взгляд, должен быть смысл.

Вот именно! В этом рисунке как раз-таки есть смысл: красавица в бусах, с кольцами и ресницами до плеч держит собаку на поводке. Поводок натянут, как тетива, голова собаки напряженно вытя-

нута, грустные глаза молят: снимите ошейник, дайте мне волю.

Аллегория отнюдь не туманная.

Является Натаина бабушка. Весь ее облик выражает недовольство. Что ей не нравится?

— Многолюдно. А нам нужна тишина. С завтрашнего дня посажу Нелю на диету. Я хочу, чтобы она вышла замуж, — сообщает мне бабушка доверительно. — По средам буду отпускать ее в центр, там молодежь.

Мать хочет выдать замуж дочь, дочь хочет сделать из Наты гармоническую личность, а Ната мечтает удрать к подружкам. Интересно, как она будет воспитывать своих детей?

— Если вам не трудно, попросите их выйти из моря. Им достаточно. Скажите им, я сказала, что им достаточно.

Тощая угловатая Неля (зачем ей диета!) стоит по колено в воде, держит дочь на вытянутых руках.

— Аллегро, форте, фортиссимо! — так она учит ее плавать.

Я передала им бабушкину просьбу, и они мигом дунули к подстилке, схватили полотенца и — в раздевалку.

— Музыка — это, в первую очередь, дисциплина, — объясняет она мне, устремив взгляд в сторону кабинок. — Неле я спуску не давала и Нате не дам. Искусство требует жертв.

Я И ВОДУ
СЛЕПЛЮ,
И ВОЗДУХ
СЛЕПЛЮ

Головастики

Неподалеку от нашего дома — канава. Канава как канава. Но как бы мы ни спешили, у канавы мы всегда останавливаемся. Маня с Федей садятся на корточки и смотрят в мутную зеленую воду. В ней плавают головастики. К своему стыду, я мало знакома с естественными науками. Федя образовывает нас с Маней с помощью детской энциклопедии.

— Если наловить головастиков и поселить их в нашем тазу, можно будет увидеть, как они превращаются в лягушек?

— Не знаю. Мне еще не доводилось наблюдать сию метаморфозу. И, надо признаться, не очень хочется.

— Ну мам, пожалуйста!

Федя сбежал домой и принес ситечко, через которое мы процеживаем чай, и таз для мойки посуды. Ну вот еще!

— Мам, мы потом всё сами вымоем...

У них наполеоновский план — проникнуть в тайну зарождения жизни, а я тут со своими тазами и ситечками! Куплю новые.

Весь день дети несли караул у красного таза с мутной водой из канавы. Смешно было наблюдать, как рассудительный Федя на глазах превращался в маленького ребенка.

— Кажется, у них уже отрастают задние лапы! Мам, посмотри, отрастают или нет?

Стемнело, дело идет к полночи. Маня не выдержала и заснула, а Федя все еще сидит над тазом с фонариком.

— Скоро там они родятся?!

— Ты иди, я постерегу. И, если что...

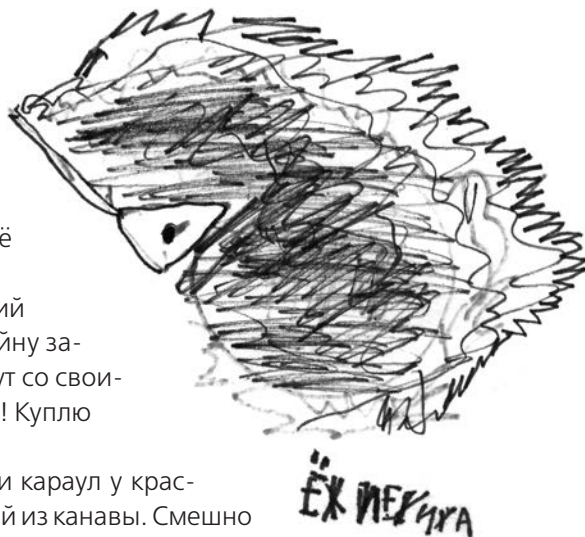
— Сразу позовешь!

Федя ушел, я настроила транзистор на волну классической музыки. На крышу прибежала Лесси и растянулась у меня в ногах. По ночам у нас с ней концерты на открытом воздухе. Светит луна, благоухают розы, звучат прелюдии Шопена. В моменты особо драматические Лесси вскидывает морду, наставляет ухо и взывает, а при лирических ластится.

Прелюдии отвлекли меня от дежурства. Меж тем Лесси подошла к тазу и принялась лакать воду.

— Лесси, фу! Фу, Лесси! — накинулась я на бедную собаку, и та убежала, поджав хвост. Я свечу фонариком в таз. Головастики мирно плавают в густо-зеленой воде, перехода из одной фазы в другую пока не происходит.

Хозяйский дом освещен, все у телевизора. Там, на экране, идет жизнь еще менее понятная, чем жизнь головастиков в тазу.

Что-то шуршит в кустах. Я раздвинула ветви, склонилась над землей и увидела ежа. Как его приманить? Ставлю под куст блюдце с молоком: насколько я помню, ежи молоко любят. И верно! Еж подполз к блюдцу, быстро вылакал молоко и скрылся в кустах. Может, завтра пожалуется?

Мерцает крона цветущей липы. Увитая плющом, она похожа на гигантский светильник о тысяче слабых свеч. Удивительные цвета, недаром так тянет здесь рисовать красками. Все красиво, все, на что ни кинешь взгляд.

По вечерам, как бы я ни устала, меня охватывает немой, невысказанный восторг. Восторг и грусть — когда-то придется расстаться с этим великолепием на веки вечные. Но это еще нескоро, а пока я сижу на крыше, осыпается сирень, оставляя после себя тяжелые зеленые грозди семян. Свет из окна второго этажа большого дома падает на край стола, я перемещаюсь к свету, рука выводит линию ствола, обрисовывает контур кроны...

Хвали нас, мама!

В электричке от Риги до Тишупе с нами по соседству едет черный коккер-спаниель. Дети тотчас становятся друзьями с ним и его хозяйкой, девочкой лет четырнадцати. Пользуясь этим, я достаю из сумки толстый конверт с письмом от Владимира Павловича Эфроимсона.

«Имейте в виду, что Вы, о несчастная, — жертва той старческой бессонницы, из-за которой я не мог заснуть всю ночь и в результате совершенно не способен работать, выискиваю предлоги, чтобы от работы увильнуть, оттого-то это письмо м...ка к Вам.

Этой ночью я N-й раз раздумывал, почему, собственно, мне стескивает горло при десятом или двадцатом перечтении «Легкого дыхания». Ну, прежде всего, мне физиологически-эндокринно понятны оба ее романа. Она не то что глупа, но умственно незрела, ей нравится ее будущий соблазнитель по пустяковым признакам. Но он постепенно возбуждает ее, а перестав быть девушкой, она перестраивается, она женщина, которой нужно удовлетворение, и она находит его с нелепым офицериком, может быть, потому, что у него квартира с отдельным ходом или другими столь же вескими преимуществами. Конечно, она его при этом и ненавидит

и презирает, за что и платится жизнью. Все банально. Так в чем же магия очарования? Почему маленький рассказ нестерпим? И вдруг я понял, понял через “Выпрямила” Г. Успенского. Напомню: задрипанный, полузамученный нищий гувернер вместе со своими учениками едет во Францию, попадает в Лувр, видит Венеру (Медицейскую? Маразм крепчает) и вдруг понимает, что нельзя гнуться, пресмыкаться, ползать, изворачиваться, есть Правда. И та скорбь из-за гибели девушки вызвана тем, что она своей красотой, легким дыханием могла и должна была радовать, чаровать и выпрямлять массу людей, ну, почтальона, который принес ей письмо, приказчика, который ей продавал пуговицы в магазине, гостей, пришедших в театр или на бал и увидевших ее. И все это ушло в никуда. Жалеешь даже не ее, а тех, кто мог бы ее увидеть, и не увидел, не увидит. Это ощущение мне знакомо по собственному профессиональному опыту ассенизатора: строишь, строишь плотины против потоков дерьма, а они все сметают, сбивают тебя с ног, и борьба безнадежна. Но вот увидишь (в метро, в троллейбусе) какое-то хорошее, благородное лицо и как-то оживаешь, нет, все-таки есть ради чего бороться.

Почему-то вспомнился Ежи Лец: “Инквизиция тоже не вечный двигатель”. Вашу поздравилку получил. В. Эфроимсон».

— Я стих сочинил! — тут же сообщает Федя. Видно, ждал, пока я закончу читать. — Давай я тебе скажу, а ты запишешь.

Я спешно достаю из сумки ручку и записную книжку. Где мы, какая это станция?

Вот ракета летит, вот пичуга.
И цветок стоит. И нет лучше друга,
Чем солнца луч, земля, небо.
Или просто кусок хлеба,
Или звезды, или луна,
Или муж, или жена,
Или все, что на земле
Хорошим кажется мне.

— Ну как, ерунда?

— По-моему, замечательно.

Пока я читала письмо о легком дыхании, Федя на одном дыхании сочинил гимн миру.

— Я тоже могу сочинить. Я сочиню, а ты меня похвалишь, как Федьку? — Маня морщит лобик, аж покраснела от думанья, да ничего не придумывается.

— Мы не проехали? — спохватывается Федя. Девочка с собакой вышла, вагон опустел. — Я посмотрю по схеме.

— Все в порядке, через одну. Ну как, Мань, придумала стих?

— А за анекдот похвалишь? — спрашивает Маня.

— За какой?

— За червячный.

— Нет уж, за червячный мы тебя сто раз хвалили.

— А за рассказ про Францию?

— Валяй, — говорит Федя.

— Во Франции много всякой воды льется из фонтанчика (пить бедняжка хочет). Там есть всякие баранки (проголодалась, а в даль-

нем углу вагона мальчик аппетитно хрустит баранкой) и очень много там добрых (смотрит на мальчика, может, угостит). Там еще растет клубника и есть зрелая (у хозяев на грядке поспевает клубника, и Маня норовит сорвать ягодку, но я запрещаю под предлогом ее, клубники, незрелости). Во Франции на клубнику льет фонтанчик (хозяйка поливает клубнику из вертикального шланга), клубника, представляешь, не земляника (землянику мы собираем в лесу, это доступно, а вот хозяйская клубника — запретный плод). Во Франции кнопок у нас вот

такая гора, представляешь себе вот такую гору (я не прикрепила к стене некоторые Манины «шедевры», сославшись на отсутствие кнопок). Я там с моим братиком хожу. Там много всяких розочек. Там никого нету, кто что-нибудь не разрешает (хозяйка всякий раз предупреждает Маню, что к розам нельзя прикасаться, а Маня не переносит запретов, сделанных в строгом тоне). Там все разрешают, даже розы срывать. Я там в доме живу. Он вроде тюрьмы, только с окошками (мне и в голову не приходило сравнение нашего летнего дома с тюрьмой. А на самом деле — серый прямоугольник «с окошками»). И у нас там есть миллион игрушек (Маня временами сердится на меня, что мы не взяли с собой все игрушки). Вот и все. Ну как, хвалишь?

Чудо сколько наплела и не забыла, для чего она все это плела — чтобы похвалили.

— Хвалю. Ты очень интересно рассказала про Францию.

— Больше хвалишь, чем Федьку?

— Одинаково.

Задумалась. Глаза хитрющие. Рот расплывается в довольной улыбке — видно, оценила ситуацию: у Феди как-никак складное стихотворение, а у нее — рассказ. Рассказ сочинить проще, чем стихотворение, а хвалят одинаково.

— Это годится, — кивает головой.

Маня «умильная», мы пасуем перед ней и допускаем массу педагогических промахов.

Тишупе

В Тишупе тихо. Русский Мартин, внук Гиты, везет по песку велосипед, нагруженный нашими сумками. Стройный высокий мальчик, выше Феди на голову, хотя они одногодки. Мартин — потомок викингов, плечистый, осанистый, а Федя — отпрыск хилых интеллигентов, тощий и узкоплечий.

Подружатся ли они? Маня с Лигой идут, взявшись за руки. Манина белая ладонь в смуглой пухлой Лигиной. Лига — стопроцентная девочка. Она одета в клетчатую юбочку и белые гольфы, плотно обтягивающие округлые икры. В тугие каштановые косы вплетены тонкие красные бечевки. Это такая мода, вместо бантов. На Мане Фекина полосатая футболка, она ей по колено, и стрижка короткая,

как у Феди. Никаких платьев в гости! Зимой я предложила ей пойти на елку в костюме Красной Шапочки. Она согласилась: «Только я буду Красной Шапочкой-мальчиком, по имени Красный Шап».

Дом Гиты утопает в розах. Он стоит в низине, а розовые кусты на пригорках. За домом яркая зеленая лужайка. По ней нельзя ходить.

Оказывается, это особый сорт травы, Гита высеяла ее весной. Изумрудный прямоугольник пересечен дорожкой по диагонали. Ни Лиге, ни Мартину не приходит в голову спросить, почему нельзя ее топтать. Ясно, на эту траву можно только любоваться.

Мы привезли с собой московский пластилин. В Латвии он слишком мягкий и «пачкучий», к тому же каких-то грязных цветов. По дороге я думала, что лучше, погулять, пока хозяев нет дома, или полепить? Все решила Маня. Увидев в саду стол, она тотчас вынула из сумки коробку с пластилином.

— Мам, покажи фокус, как из мухи сделать слона!

Леплю муху, из мухи — зайца, из зайца — собаку, из собаки — кошку, из кошки — мышку, из мышки — слона.

Мартин внимательно следит за «превращениями», а Федяглядит на Мартина. Если мне удастся завоевать доверие этого викинга, то и Феде будет легче с ним подружиться. К тому же Феде хочется, чтобы его мама нравилась всем. Свои чувства он тщательно маскирует, придавая лицу нарочито равнодушное, даже скептическое выражение. Под стать и поза: руки в карманы, плечи приподняты — бравый парень. А сам волнуется — на завтра намечен поход за грибами, вдруг ему не повезет, как с ловлей рыбы?

Маня отщипывает кусочек пластилина, вылепливает улитку.

— Улитку, это очень просто, — объясняет она Лиге, — катаешь, закругляешь и вытягиваешь рожки.

Лига не понимает. Мартин объясняет сестре по-латышски, и так с поразительной ловкостью вылепливает улитку. Маня обескуражена. Когда она объясняла, Лига хлопала глазами, а стоило брату произнести что-то непонятное, как Лига все поняла.

— А если эту колбаску, из которой получилась улитка, расплющить, нарвать по краю, свернуть и отогнуть лепестки, то получится роза, — говорит Федя. — Давайте попробуем вместе.

Урок по производству роз удался. Можно отправляться на прогулку. Не тут-то было. Мартин и Лига хотят лепить розы. И вообще всякие цветы, и вазы, и стол, и скатерть, и стулья... Все! И зверей тоже!

У спокойных, даже несколько флегматичных на вид детей вдруг проявился мощный темперамент. Они даже не заметили появления бабушки Гиты.

— Какая прекрасная выставка, пожалуйста, ничего не ломайте! — проговорила Гита с сильным латышским акцентом. Надо видеть, с каким интересом эта шестидесятилетняя женщина разглядывала каждую вещь.

— Отойду на минуточку, — сказала Гита. — Там пришли, за розами. У одного мальчика из нашего класса завтра именины.

Оказывается, Гита — учительница. Наша хозяйка Айна, старшая сестра Гиты, тоже была учительницей. После десяти лет лагерей она к своей профессии не вернулась. «Чему учить после этого?»

Гита срезает две высоченные розы, отдает девочкам.

«Мам, а зачем здесь столько цветов?» — спросил один московский мальчик свою маму. — «Для красоты». — «А какая от красоты польза?»

Пластилин весь вышел. Остался маленький кусочек черного. На правах младшей его получила Маня и слепила шляпу для Гитино-го человечка.

— Извините, я должен помочь бабушке, — сказал Мартин и ушел в дом. Вскоре нас позвали обедать.

На столе стоят коричневые керамические миски с творогом, политым сметаной и посыпанным клубникой и черникой. Около каждой миски — большая керамическая кружка, предусматри-

тельно наполненная молоком до середины. Я наполняю чашку до краев, и Маня вечно обливается.

Лига ест аккуратно, Маня вся увязюкалась. Тому, на что я смотрю сквозь пальцы, здесь придается огромное значение. Все должно быть красиво.

Я хвалю Гите ее внуков. Самостоятельные, быстро все схватывают. Но Гита одним взглядом меня останавливает. Хвалить детей в их присутствии!

Выйдя из-за стола, Мартин и Лига все за собой убирают. Мы тоже убираем со стола, но не сразу. Таких навыков у меня нет, и я не привила их своим детям.

Гита в саду. Увидев меня, она расправляется, втыкает лопату в землю.

— А знаете, — говорит она, — я за Мартина беспокоюсь. Ему все дается без труда, как бы он не вырос лентяем. — И снова склоняется над землей, руками прорывает «обводной канал» в подножье яблони, чтобы вода задерживалась, не растекалась по сторонам. У Гиты, как и у ее сестры Айны, четкие, отработанные движения. Они с детства трудятся на земле. Вряд ли Мартин вырастет лентяем при такой бабушке.

— Природа — мой Бог! — Гита обводит рукой сад. Он намного скромнее Айниного, зато каждое дерево на виду. — Деревья — это живые существа. Вот яблоня-старушка. Когда я срезаю с нее засохшие ветви, я чувствую, как она вздыхает с облегчением, как она мне благодарна.

Змеюшник

Темно-зеленые сосны машут гривастыми кронами, на светло-зеленый ковер мха ложатся таинственные тени. Федя идет по мху, как канатоходец в цирке, — руки в стороны, для поддержания баланса, ноги по струночке, а тело туда-сюда раскачивается — вот-вот упадет в пуховый батут.

В первом классе он требовал, чтобы мы отдали его в цирковое училище: «Единственное, что я умею, это всех смешить. Если понадобятся деньги (имеется в виду на обучение), возьмите мои три рубля, которые я в подъезде нашел».

Из темного леса мы попадаем на ослепительно яркую вырубку со светлыми дисками пней и морем земляники. Столько земляники! Мы наваливаемся на ягоды, но Мартин поторапливает, пошли,

пошли. Идти по вырубке нелегко, скачем по пням да кочкам. Пробковая подошва босоножки треснула пополам, и я едва поспеваю за детьми. Змея! Уютно свернувшись в клубок, она греется на солнышке. Вторая змея ползет мне навстречу.

— Скорее отсюда, здесь настоящий змеюшник! — кричу детям.

— Уж или гадюка? — спокойно спрашивает Мартин.

— Гадюка, точно гадюка, — уверяю я, еле догнав детей у кромки леса.

— Я думал, что вы не боитесь змей, — пожимает плечами Мартин. — Я немного удивился, что вы стали собирать землянику на вырубке. Змеи любят вырубку — здесь самое солнце, а особенно им нравится греться на солнышке днем, перед закатом.

Первый гриб находит Маня. Она приносит мне огромную шляпку от белого гриба. Откуда белые грибы в июне?

Мартин подтверждает, что это настоящий, не ложный белый.

— Где ты его нашла? — спрашивает Мартин у Мани. — Там могут быть еще.

К моему изумлению, Маня отводит Мартина на место, но, кроме толстой ножки от Маниного гриба, там больше ничего не оказывается. (Это событие Маня вспоминает по сей день. «Мам, ты помнишь, я нашла чудесный гриб, а Мартин спросил: “Где ты сорвала его?” Я показала, и там еще была ножка».)

На незатененных местах уже поспела черника. Интересно наблюдать, как собирают ее девочки и как мальчики.

Маня и Лига, увидев на кустике спелые черничины, срывают по ягоде и мчатся дальше. Они не осматривают куст — а вдруг там еще есть. Мальчики обирают куст до ягодки. Для них, восьмилетних, ягоды — не предмет охоты.

Лига ест аккуратно, а Маня размазывает чернику по всему лицу. Она в меня. Увы, детям передаются не только наши достоинства, но и пороки.

Десять лет муж борется с моей привычкой раскидывать обувь по всей квартире. Всякий раз он ставит мои туфли пятка к пятке, носок к носку — и они тотчас оказываются в разных углах комнаты. Верно говорят: вещи отражают характер своих владельцев.

— Напишу папе, чтобы он прислал тебе новые босоножки, — говорит Федя, видя, как я хромаю. — Взрослый человек, а не можешь купить себе нормальную обувь!

Мы возвращаемся из леса с грибами и ягодами. Широкая песчаная дорога выводит нас к дачному кооперативу. Он отделен от «материка» глубоким рвом, к каждому дому ведет свой мостик с насыпной дорожкой. По обеим сторонам мостика цветут высокие георгины, чернильные ирисы, душистые левкои и золотые шары.

Кроны вишневых деревьев нависают над низкими оградками дач. Они покрыты сетями и похожи на дам в вуалях. Вишни птицам не видать — сеть частая, не проклюнешь.

— Федь, сорви вишню, одну! — просит Маня.

— Дома, — откликается Мартин, — видела у нас в саду огромное дерево?

Дерево на самом деле небольшое. Но Мартину оно кажется огромным. Наверняка потому, что он лазал по нему, перебирался с ветки на ветку и изнутри ощущал его необъятность.

Родное, близкое, любимое в воображении детей всегда огромно, каким бы маленьким оно ни было на самом деле. Это видно в детских рисунках. Любимая мама — больше всех, свой дом — больше других. Величина — признак значимости, а не размера.

Вечером мы с Гитой отправляемся на соседнюю дачу. Там испроплена баня. Запах запаренных березовых веников, горячий пар, пробивающий поры, ныряние в бассейн с холодной водой — благодать, да и только.

Глубокие корни

«...Мы были за Саулкрастами, у Гиты, сестры Айны. Она нас пригласила. Там была русская банька, и мама очень изрядно купалась. Все обошлось хорошо, за исключением того, что мы с мамой, гуляя по лесу, зашли в настоящий змеюшник. Мама была в этих дурацких туфлях и встретила гадюку.

А еще мы ходили в лес с Мартином. Встретили неядовитую змею. Когда мы оттуда ехали, Маня ненароком прищемила ладошку, но все уже прошло.

Я еще хотел добавить о том, что кроме мальчика Мартина моего возраста была девочка Лига Маниного возраста. Мне с Мартином было интересно. С Мартином мы отделились от остальных

и пошли в другую сторону. За полчаса собрали большую корзину грибов. Ты поливаешь цветы? Хотя один подросток?»

Еще одна история случилась с нами по дороге на станцию Саулкрасты. Мы увидели деревья, остриженные под болонку, и засмотрелись на них. Вдруг слышим Манин голос из глубины дерева: «Ищите меня!»

Как она туда влезла?! Оказывается, это дерево полое. Ствол у него как вафельный стаканчик, разрезанный пополам. И такое вот дерево пышно цветет!

— У него глубокие корни, — объяснил мне Федя. — Живет же твой приятель без ног, потому что у него сильная выдержка. Так и эти деревья.

Мне почему-то стало грустно.

— Не беспокойся, им не плохо, они уже к этому привыкли, — утешает меня Федя. — Не переживай.

— Mam, кто тебя обидел? Я тебя обидела, мам? Mam, ну не смотри с таким видом!

Надувной и раздувной

Дети на пляже. Лида принесла с собой ведерко с пластилином. Она упорно пытается приобщить Эрика к лепке.

— Смотрите, дети, что у меня есть! — восклицает она, усаживаясь чуть поодаль, чтобы не мешать творческому процессу.

— Индея! Давайте слепим качели, — предлагает Маня.

— Качели как ты сделаешь? — спрашивает Миша. Область инженерии ему недоступна.

— Очень просто, — заявляет Эрик. — Ставим два пластилина, сверху кладем третий, а на него вешаем веревку с дощечкой.

— А веревку где возьмешь? — спрашивает Миша.

— Слеплю, — решительно заявляет Эрик.

Лида замирает — ее сын изъявил желание лепить.

— А я уже леплю, — говорит Маня. — У меня качели на двоих. Я буду катать зайку и мишку. — Она пытается вытянуть заячьи уши, но местный пластилин липнет к пальцам и уши «не вынимаются». Она морщит лоб, кожа на широкой переносице собирается в складку.

— А я — машинку. — Эрик достает машинку из кармана.

— Эринька, а ты ее слепи, пусть все будет пластилиновое.

— Нет. Пусть все пластилиновое, а машинка — настоящая.

Лида вздыхает, просит, чтобы я вмешалась. А я не хочу.

— Качели в воздухе, а машинка на земле, — замечает Миша. Сейчас он в непривычной для себя роли — роли наблюдателя. Он восхищается Маниным зайцем, хотя это скорее корова, чем заяц, и свысока поглядывает на Эрика: вот, мол, хвастал, что знает, как делать качели, а сам не делает — значит, не умеет.

— Тогда я буду в своей машине катать автомат, — выходит из положения Эрик. — Машина будет ехать по песку, а автомат в машине — по воздуху. Он как стрельнет, так ваши качели и развалятся.

«Ваши качели» — Эрик чувствует, что Маня с Мишей заодно, хотя Маня занята делом и помалкивает — лепит мишку, похожего на свинью.

— Он у тебя без патронов, — говорит Миша.

— Прекратите ссориться, — просит мальчиков Лида. — Маня вон лепит и помалкивает.

— Да, я леплю и молчу, — подтверждает она.

— Я сам себя буду катать. — С автоматом вышла осечка, он падает с покатога кузова. Эрик пытается оседлать крошечную машину.

— Провалишься, — говорит Миша, — в тебе тела много.

— И воздуха, — вдруг прибавляет Маня. Стало быть, следит за ходом беседы.

— И воды, — говорит Эрик. — В человеке воды много, правда, мам, ты мне говорила.

Лида кивком своей красивой головы (точеный римский профиль, большие карие глаза чуть навывкате, безупречная форма рта, модная стрижка, серьги-висюльки в ушах) подтверждает, мол, да, в человеке много воды.

— Как ты воду слепишь? — спрашивает Лида Эрика.

— Зачем ее лепить? — не понимает он, — тут ее целое море!

— Я и воду слеплю, и воздух слеплю, — приговаривает Маня.

— А дух? Слепи его.

— Дух невидим, — говорит Миша. — Его нельзя слепить. Чтобы его увидеть, надо раздвинуть небо.

— А я зайку катаю. У него ухо то туда, то сюда. — У Мани свои проблемы, житейские.

— А я катаю себя. Я не толстый, я резиновый. Сдуюсь и прокачусь.

— Ты круг? — спрашивает Маня.

— На тебе плавать можно? — язвительно хохочет Миша.

— Нет, — отвечает Эрик, — я обычный надувной человек.

— И я надувной. — Миша выпячивает живот, шлепает по нему ладонью.

— Ты надувной, а я раздувной. — Эрик втягивает в себя живот и щеки. — Да, да, я только раздуваться могу.

— А кто же тебя тогда надувает?

— Мама перед детским садом, да, мам?

— Да, Эринька.

Маня тем временем налепила каких-то кривых столбиков, поставила их на брикет.

— Это у меня качельный парк. В нем растут специальные деревья. Влез — и качайся.

— Таких деревьев не бывает, — говорит Миша. Сейчас они с Эриком заодно, значит, можно уколоть Маню.

— Деревьям больно, когда на них качаются. И сок у них пить нельзя. Они живые. Сок у них, как у человека кровь.

— И нервы у них есть, — вторит Эрик Мише. — Как же деревья без нервов?

Душеспасительные беседы

Лида огорчена. Эрик так ничего и не слепил.

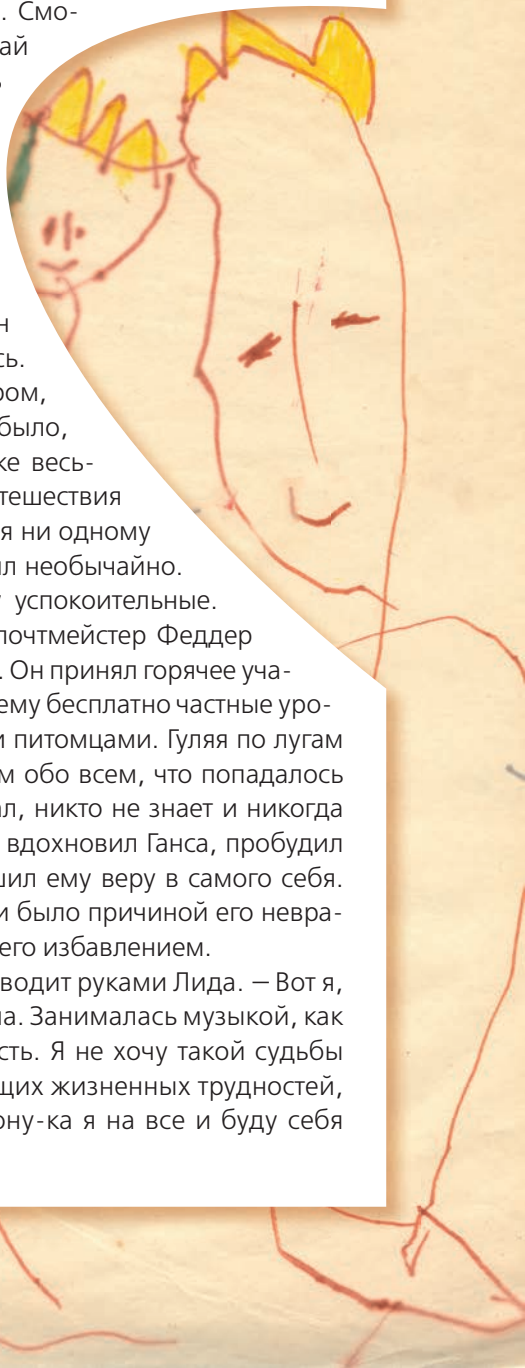
— Неужели ты не можешь его как-то подтолкнуть?

— Зачем? Ему это сейчас не нужно. Смотри, как он хорошо играет с детьми. Дай ты ему насладиться свободой. Знаешь биографию Андерсена?

— Нет.

— Андерсен был сыном полунищего сапожника и малограмотной матери. Неказистый провинциальный мальчик. Вспомни гадкого утенка — это автобиография. За что бы он ни брался, ничего у него не получалось. Он был бездарным танцором, актером, певцом и драматургом. Что у него было, так это великолепная память, но тоже весьма специфическая: несмотря на путешествия по границам, он не сумел выучиться ни одному иностранному языку. Нервозен он был необычайно. При этом никто не прописывал ему успокоительные. В провинциальном городке Оденсе почтмейстер Феддер Карстенс устроил школу для бедняков. Он принял горячее участие в судьбе «гадкого утенка», давал ему бесплатно частные уроки, брал Ганса на прогулки со своими питомцами. Гуляя по лугам и полям, почтмейстер рассказывал им обо всем, что попадалось на пути. Про что и как он рассказывал, никто не знает и никогда не узнает, но ясно одно: почтмейстер вдохновил Ганса, пробудил в нем незаурядную фантазию и внушил ему веру в самого себя. Отсутствие веры в себя, собственно, и было причиной его неврастения. Сочинение сказок стало для него избавлением.

— Куда уж нам до Андерсена, — разводит руками Лида. — Вот я, например, ничего в жизни не достигла. Занималась музыкой, как все, отлично училась, а вышла серость. Я не хочу такой судьбы Эрику. Может, ему не достает настоящих жизненных трудностей, как у Андерсена? А знаешь что, плюну-ка я на все и буду себя любить.

— Это как?

— Брошу заниматься с Эрькой музыкой (Лидя сняла дорогую квартиру с инструментом), буду делать маски, обливаться холодной водой. Мне и муж говорит: «Лидок, ты себя не любишь». А женщина должна себя любить.

Стыд превосходства

— Тебе нравятся цыганята? — спрашивает Федя.

Рядом с нами живут цыгане. Четыре многонаселенных дома. Чумазные дети в ярких и больших не по росту одежках с чужого плеча бегают по двору.

— Мне они очень нравятся. Знаешь чем? Они дружные. Если чужой обидит цыганенка, то они всем табором отомстят. Привет! — небрежно бросает Федя цыганенку.

Он еще с прошлого лета перезнакомился со всем табором. Цыгане живут под боком, выйдешь в заднюю калитку — и ты у них во дворе.

Маню привлекают только что народившиеся котята под лестницей цыганского дома, а Федю — независимые мальчишки. Он им завидует. Спрашивается, почему? Ведь он пользуется практически неограниченной свободой.

А дело в том, что они беспечны. Для них не существует слова «надо». Им не надо есть вовремя, не надо спать вовремя, у них, у мальчишек (девочки-то все время хлопочут по хозяйству, носят воду, поят и кормят свиней в хлеву), полная свобода. Они одни бегают на море, гоняют по двору петухов, кидаются камнями, а то усядутся в пыльный песок, сыплут его себе на голову, и никто им слова не скажет.

— Мам, у них одежда на одежду не похожа. Как-то по-другому все на них смотрится, — замечает Федя. — Например, один мальчишка у них ходит в оранжевом свитере, красных

брюках и фиолетовых сандалиях. Вообще красиво. Мне, например, кажется, что красиво. Но я бы не решился.

А тут нам счастье подвалило — цыганка Мария, главная гадалка Каугури, пригласила нас к себе в гости. К этой старухе с маленькими, глубоко сидящими глазами-углями выстраиваются очереди. Вернее, высаживаются. Как ни посмотришь, женщины и молоденькие девушки сидят на бревне, как птички, ждут приговора судьбы.

В комнате у Марии — горы цветастых перин на кроватях, пестрые занавески. В серванте — цветные муляжи.

— Подарила одна из Москвы, какую красоту там делают, прямо как живое. — Мария указывает на ядовито-зеленую пластмассовую гроздь винограда, оранжевый апельсин, красный помидор и фиолетовый баклажан. Этими дарами неживой природы заставлены все полки в серванте. — У моей золовки хрусталь. Сколько отдала, а красоты нету. Никакой красоты. Вот красота. И за копейки. Ну что, раскинем? — проводит она рукой по колоде карт.

— Мам, не гадай, — шепчет Федя мне на ухо, — а то нагадает что-нибудь страшное. Пошли отсюда.

— Почему-то чувствуешь себя как-то неловко, — говорит Федя, когда мы выходим, — ну что ты культурный, что ли, что не можешь найти общего языка с этими людьми. Как-то стыдно. Это, наверное, стыд превосходства...

— Мама, давай возьмем котенка! — Маня окопалась под лестницей цыганского дома, прижимает котят ладошкой, и те высовывают свои мордочки. — Ты не любишь котят, они такие хорошие, а ты их не любишь!

— Нравятся? — кивает Мария на котят. — Бери хоть всех.

— Цыгане добрые, — хнычет Маня, — они дают, а ты не берешь.

А Мария поет:

— Ах ты, мамка, мамка чернобровая...

Добытчики

Погода неустойчивая. Приходится тащить с собой полную сумку одежды. Еду решили не брать — в каждом рыбацком поселке есть магазин, а то и столовая.

— Я сам понесу, — Федя отбирает у меня сумку.

— А я корзинку. — Предусмотрительная Маня кладет в корзинку рогалик и яблоко.

Лес тянется вдоль всего побережья. Мы решили ехать в Плиньциемс, что в двадцати километрах от нас. По здешним меркам — даль несусветная. Курортники, живущие летом в центре переполненной Юрмалы, понятия не имеют о далеких прекрасных лесах, пустынных пляжах, озерах и реках.

Сойдя с автобуса, мы обнаруживаем, что магазин в Плиньциемсе закрыт. Оказывается, все магазины в рыбацких поселках по вторникам закрыты. А сегодня вторник.

— Ничего, я вас угощу, — успокоила нас Маня.

Лес начинается прямо от дороги. Мы входим в него и оказываемся среди высоченных тонкоствольных сосен. Они стоят свободно, на большом расстоянии друг от друга, и потому в нем светло и солнечно.

— У людей ничего не выйдет, если они дружно жить не будут, вот этого я никак не могу усвоить. — Федя в сердцах пинает поганку. Он переживает, что мы не взяли с собой Эрика и Мишу.

— Федя, мы с тобой дружим.

— Дружим, — вздыхает Федя. — А про других не думаем. Мам, как ты считаешь, от человека может пахнуть нечеловеком? — Федя сидит на пне, Маня рядом.

— Это как?

— Да так. Если он, например, лентяй, то от него пахнет ленью. Ведь человек должен немного трудиться. Я лично все обдумал: я лентяй и дурак, я не могу стараться.

— Федь, ты не дурак. Это Герка — балда, — говорит Маня.

Герка — наш новый сосед, житель веранды большого дома. Ему четырнадцать лет, и он вечно задирает Федю. За это Маня Герку не

любит. Да и я не испытываю особой симпатии к этому великовозрастному детине. В кошек он пуляет камнями, даже Лесси, миролюбивейшую из всех собак, он сумел довести. Однажды я видела, как Герка стягивал ошейник на Лессиной шее, а когда Лесси начинала скулить, резко отпуская поводок, и Лесси заливалась лаем. Я крикнула ему с крыши, чтобы он отстал от собаки. В ответ он изобразил на лице улыбку супермена с плаката на станции Каугури. «А я что? Я ничего. Мы же играем...» Может, Герка и станет приличным человеком, но нам, к сожалению, довелось познакомиться с ним в пору его возмужания.

— А ты-то понимаешь, что означает слово «балда»? — Вся хмарь из Феде вышла, и теперь они сидят с Маней в обнимку на пенечке, так уютно устроились, что и идти куда не хочется.

Я ТАК
СМЕЮСЬ,
ЧТО У
МЕНЯ УМ
В ГОЛОВЕ
ТРЕЩИТ

— Балда — это значит великий дурак. А ты, Федь, великий мудрец. — Маня заливается басовитым смехом. — Я так смеюсь, что у меня ум в голове трещит, — стучит она кулачком по своему выпуклому, с накатом, лбу.

Черника в лесу крупная.

— Смотри, как вишня, — показывает Маня Феде ягоду.

— А у меня, как слива. Давай уже собирать. А то мама сварит варенье, а тебе не даст.

— Даст. — Маня не любит собирать. Этим она пошла в отца.

— Не даст. Ты же не хочешь нам помогать.

— Ну, Федь...

— Вот и варенья не получишь.

— Мань, поищи-ка лучше грибы, — останавливаю я перебранку. А то Маня расплачется, придется ее утешать...

— Федь, я иду искать грибы. Ой, шишка! Можно я ее соберу? Я буду в корзинку все свои «любимости» класть.

— Если ты будешь со мной чернику собирать, тогда я буду играть с тобой в вопросы и ответы.

Маня тотчас усаживается рядом с Федей, срывает ягоду и кидает в банку.

— Кто ты такая?

— Маня.

— Что ты любишь есть?

— Мороженое.

— Что ты больше всего любишь пить?

— Лимонад.

— Какую ты больше всего любишь носить одежду?

— Бархатную рубашку, бархатные брюки и кеды.

— Какую ты игрушку больше всего любишь?

— Яшку-обезьянку.

— Кто у тебя любимый друг?

— Ты, Федя.

— Что ты больше всего любишь рисовать?

— Мышку.

— Что ты больше всего любишь делать, когда на улице дождь?

— Куличики.

— А когда солнце?

— Сыпать сухой песок.

— Молодец, Маня, быстро отвечаешь.

Дети носят сучки, еловые ветки, складывают все на песчаном холме — там безопасно — и разжигают костер. Пламя озаряет лица маленьких огнепоклонников. Насадив на прутьи половинки ро-галика, они жарят их над огнем. Подрумянили — несут мне.

— Попробуй, какая вкуснятина. А если яблоко спечь? Федь, это будет точно вкуснятина.

— И чего мы не взяли из дому «Определитель растений»! — в ка-кой раз сокрушается Федя. — Сколько растений, а мы не знаем, как они называются.

— Напиши папе, он привезет.

— Ну ты мыслечит! Я как раз и подумал это сделать!

Костер догорел, мы засыпали угли песком.

— Мам, все-таки мы у тебя добычки, — гордится Федя. Он на-брел на пригорок, полный маслят. — А как ты считаешь, человек мог бы не убивать зверей, питаться только тем, что растет в лесу?

— А я спать днем буду? — перебивает Маня Федю.

— Сегодня не будешь.

— Это хорошо, — кивает она, а глаза-то сонные. Можно уложить ее на берегу, в дюнах, вещей у нас полно, благо, пока не пригоди-лись — дождь прошел стороной.

— Мам, а почему ты на вопрос не отвечаешь?

— Про это, Федь, долго надо говорить, а мне лень. Только не оби-жайся!

К морю мы идем долго, перебираемся с холма на холм.

— Копченой рыбой пахнет, — тянет Федя носом.

Дети устали, проголодались, просят пить. Магазин закрыт, до остановки автобуса километра полтора, не меньше. Что если дой-ти до коптильни? До трубы рыбзавода метров триста по берегу.

Пока дошли до коптильни, Манька вся изнылась. Но наши муки были не напрасны — рыбаки напоили детей, вдобавок подарили нам копченую треску, да еще извинялись, что хлеба нет.

— Какие добрые! — в голос восхищаются дети. Мы сидим в лод-ке, около коптильни, едим рыбу. — А можно есть вместе с ко-жей? — спрашивает Маня.

— Мам, а ты помнишь, как в «Золотой лихорадке» Чарли Чаплин шнурки ел и каждый гвоздик обсасывал? Мы сейчас в точности на-поминаем эту картину.

— Нам рыбаки это дали прямо без денег, правда, Федь?
Федя кивает. Он уплетает рыбу и не может вымолвить ни слова.
Переводит дух, говорит:

— Я когда вырасту, стихи писать не буду. А пойду моряком во флот. Деньги-то надо зарабатывать.

— Федь, а давай ты с папой будешь работать, а я буду есть мороженое. Каждый день!

Главная мысль

Федя укладывает Маню спать. Я мою посуду.

— Всё. Спит.

— Ты тоже ложись.

— Сейчас. Мам, я сначала стал ее гладить, как ты меня, когда я был маленьким. Но потом понял, что так она не заснет — у нее нет привычки к глажке. Тогда я стал петь ей: «Рыбки уснули в пруду», как мне папа пел за шторкой. Я не пел, конечно, а говорил про себя, но что-то слышалось. Мне папа так пел, когда я хотел спать только у окна. Чтобы если проснусь ночью, то посмотрю в окно на звезды.

— Неужели ты это помнишь?

— Я все самое главное в детстве помню. Только не помню, как химический карандаш съел. Мне удалось с легкостью ее уложить, потому что я помнил папину песню за шторкой.

— Федь, тебе грустно, что ты вырос и никто тебе не поет песен на ночь?

— Да нет... зато у меня появилась одна главная мысль: с завтрашнего дня я сам буду мыть посуду.

Грустно существовать человеком

— Видела, как Миша нарисовал закат? — Федя нагоняет меня у волейбольной площадки. Я тоже решила полюбить себя: поиграть в волейбол, поразмяться. — Нет, ты только посмотри, — протягивает мне Федя рисунок. — Помнишь, мы это видели, когда возвращались с рыбалки!

Плохонькой акварелью Миша сумел передать тончайшие цветные переходы. От неумения правильно пользоваться кистью

рисунок потек, и потеки эти походили на бородатые дождевые тучи. Ночное закатное море, ощущение глубины, бездны. Горизонтальная полоса света отчеркивала оранжево-фиолетовое море от коричнево-буро-красного неба.

— А вот это! — Федя показывает следующий лист. Тот же закатный пейзаж, но цвета иные. Первый рисунок тревожный, напряженный, — только что село солнце. Второй — спокойный, умиротворенный.

— Скажи, здорово! — радуется Федя. — Я бы в жизни так не смог.

— Здорово. Но насчет того, смог бы ты так или нет, неизвестно. Один писатель сказал: «Чтобы написать, надо писать». А чтобы нарисовать, надо рисовать. Ты недавно нарисовал потрясающие рисунки...

— У Миши в сто раз лучше.

— У него другое.

— Ну и что?

— Федь, давай лучше играть в волейбол!

— Я не умею.

— Умеешь.

— Нет, я ничего не умею, — говорит Федя, удаляясь.

— Федь? — окликаю я его.

— Ну чего тебе?

— А какое ты стихотворение сочинил в электричке!

— Ну и что!

— Ничего. Просто очень хорошее.

Поди тут, утешь!

Играть в волейбол расхотелось. Федя пропал из виду. Скрылся за дюнами. Я иду за ним следом.

«Помнишь, как мы были далеко и пили лимонад на траве?» — спросил он меня недавно. «Нет, не помню». — «Вы с папой играли в волейбол на лесной поляне, а потом кто-то принес лимонад». Федя помнит даже свои сны из детства: «Мне снился сон. Снилось, что в лесу круг, на нем дети катаются, и я с ними катаюсь и пою».

Болезни погружают его в меланхолию: «Я не хочу жить, я не могу жить такой разбитый», «Так и хочется наплакать целое море, чтобы утонуть в нем», «Грустно существовать человеком»...

А ведь и впрямь, грустно!

Концерт

Мой друг детства играет на скрипке в латвийском камерном оркестре. Как-то оркестр приехал на гастроли в Москву, и Саша пригласил нас в Зал Чайковского. Я взяла с собой Федю.

Увидев наполненный людьми зал и оркестрантов, выходящих под аплодисменты на огромную сцену, Федя разволновался. Тем более что среди оркестрантов он сразу узнал Сашу, который спокойно занял свое место на сцене, освещенной юпитерами.

Обхватив руками острые коленки, Федя слушал музыку.

Когда прозвучали заключительные аккорды и все захлопали, у Феде на глаза навернулись слезы. Он стер их украдкой, чтобы я не заметила.

После концерта мы зашли за кулисы. Федя самолично вручил Саше цветы. Он смотрел на него, как на божество, — как он мог обращаться с ним так запросто, бегать наперегонки?

— Как тебе Вивальди? — спросил Саша у Феде.

— Нормально. Это тот, что рядом с нами сидел? Такой старик, с бородой...

Теперь Манина очередь. Первый в ее жизни концерт, на него нас пригласил тот же Саша.

Мы устраиваемся поближе к выходу, а Федя с Сашиной дочкой, одиннадцатилетней Асей, садятся в первом ряду.

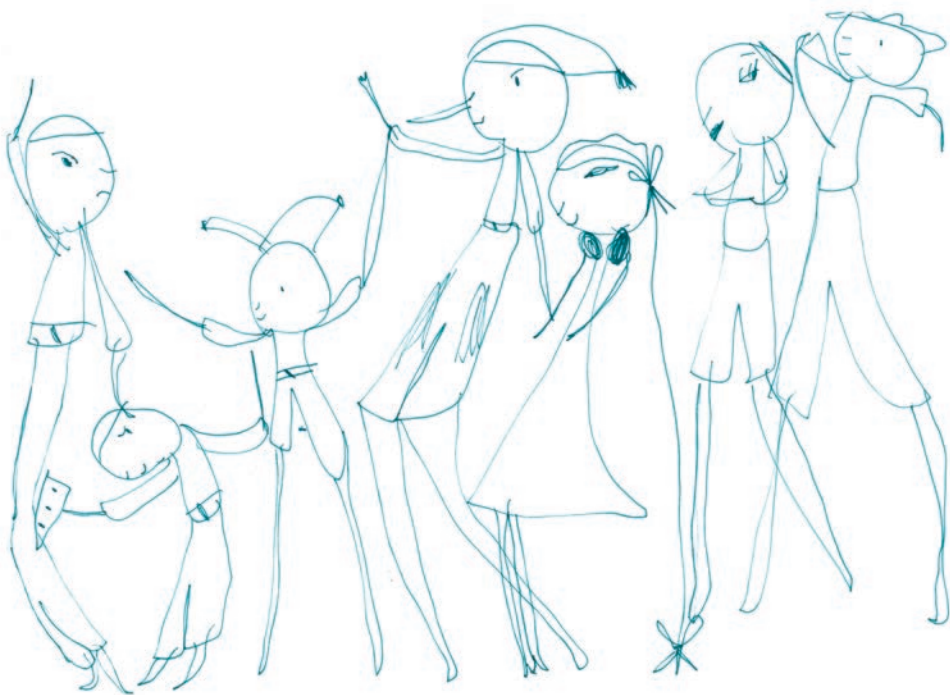
Зажигаются юпитеры, оркестранты занимают свои места, выплывает на сцену пианистка в роскошном голубом платье. За ней дирижер. Оркестр играет вступление.

— А этим воздухом можно дышать? — шепчет мне Маня на ухо.

Пианистка возносит руки над инструментом, и на ее лице изображается такая гримаса, что я еле сдерживаюсь от смеха. В конце концов на нее можно не смотреть. Музыка-то прекрасная. Федя с Асей хохочут, закрыв лица ладонями, я вижу, как вздрагивают их спины. А пианистка таращит глаза, кривит рот и набрасывается на инструмент, как пантера.

Маня, удобно расположившись в кресле, сидит спокойно, образцово-показательная девочка. А Федя с Асей съехали с сиденья на пол. Смеются они тихо, но где гарантия, что они не расхохочутся на весь зал?

Я еле дождалась конца первого отделения.

— Нравится, Манечка? — спрашиваю ее.

— Да, — отвечает серьезно. — Особенно когда хлопают.

Второе отделение мы с Маней провели в кафе. А Федя с Асей остались. Я купила Мане пирожное «корзиночку».

— Я это есть не буду, — заявляет она.

Я трогаю ее лоб. Не заболела ли? Чтобы Маня да отказалась от пирожного?

— Она очень красивая. Слишком уж красивая.

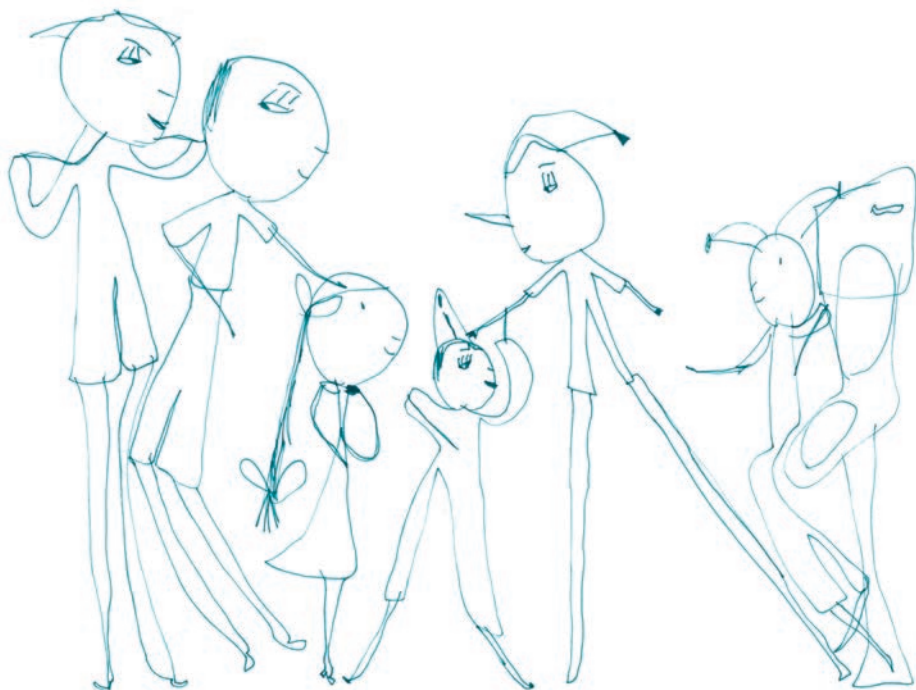
— Тогда я съем. — Я заносу ложку над пирожным.

— Нет, не трогай его, не ломай красоту!

Может, на нее музыка так подействовала? Дала Мане ватрушку. Вмиг умяла. С пакетом ватрушек мы поджидаем детей у концертного зала.

— Зря вы ушли! Там был такой флейтист! — Федя раскрасневшийся, возбужденный. — Я хочу учиться музыке. Иногда у меня в ушах столько разных музык, и они все улечиваются.

— И я хочу, — не отстает Маня от брата, — мама, купи пианино!

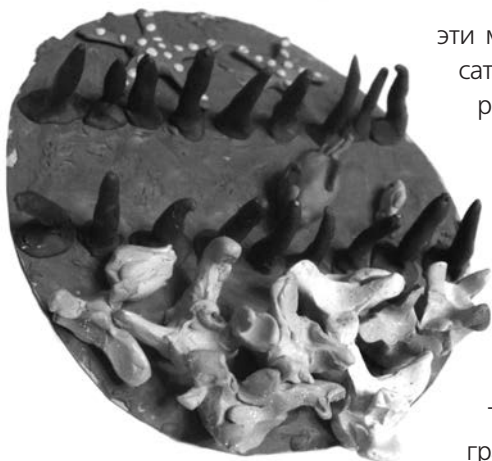
Под сурдинку

Дети по очереди несут Сашину скрипку. Мой друг детства облысел. Лысина обнажила его высокий лоб. Я храню в семейном альбоме фотографию с подписью: «Дорогой невесте Леночке от жениха Сашеньки». Сашенька — пятилетний херувим с кольцами золотистых локонов, и рядом я, в пальто с капюшоном. Мне три года, я похожа на мальчика, а он на девочку.

Мы не спеша бредем по берегу.

— Ася занимается музыкой?

— Большой вопрос. Сам я учить не могу, а педагог, который ее учил композиции, недавно умер. Это был уникал, ни к кому другому Ася не пойдет, во всяком случае, в ближайшее время. Хочешь, расскажу, как он занимался с детьми? Тебе будет интересно. Как педагогу. Начиналось это так. Дети что-то тренькали на пианино, а он их слушал, останавливал на удачных моментах и просил повторить еще раз. Разумеется, они не могли. Тогда он объяснил им, что если

эти музыкальные фразы записать, то можно будет повторять их, сколько душе угодно. А как записать? Очень просто. Существуют значки для изображения звуков. Взглянешь на лист с этими значками и сыграешь по ним то, что придумалось. Раз записано, никуда не денется. Так дети обучились нотной грамоте. Но как сыграть то, что написано? Для этого нуж-

но упражняться, разрабатывать пальцы, совершенствовать слух. И можно пользоваться разными сочинениями, не только своими. Он был магом, который подводил ребенка к закрытой двери и давал ему в руки ключ: «Ты там погуляй, рассмотри все хорошенько, а я тебя подожду». Ребенок возвращается довольный и говорит магу: «Я там еще одну дверь увидел, как ее открыть?»

— Пап, больше не осталось никаких припасов? Мы все остатки ватрушечные им скормили, — указывает Ася на чаек, — они еще просят!

Саша достал из сумки сверток.

— Бутерброд! Самой съесть или им отдать? — Ася худющая, длинноногая, длиннорукая, с широко распахнутыми глазами и большим ртом. — Вообще-то они и так жирные... Ладно, разберемся, — решает она и, схватив бутерброд, бежит к Феде с Маней.

— Этот учитель... остались от него какие-нибудь тексты?

— Не знаю. По-моему, он ничего не писал. Кстати, я хотел показать тебе Асины рисунки. Посмотри, пока не стемнело.

Ася рисует цветными карандашами.

— У нее есть фломастеры?

— Есть. А ты считаешь, фломастеры лучше?

— Нет. Просто когда у ребенка есть и то, и другое, то он, как правило, выбирает эффектные фломастеры. — Это под музыку? — спрашиваю, всматриваясь в тихие, под сурдинку нарисованные линии. Их переплетения создают причудливые фигуры.

— Если считать музыкой мое пиликанье, то это фон постоянный. Я вижу, что она рисует необычно. Скажи, стоит этим серьезно заниматься?

— Серьезно вообще ничем заниматься не надо, — говорю я просто так, под настроение. — Рисует человек, и пусть рисует.

Солнце быстро опускается в темно-синюю глубь моря.

— Солнце утонуло! — кричит Маня. Она впервые видит закат при ясном безоблачном небе. — А завтра как оно из этой глубины вынырнет?

— Вынырнет, — успокаивает ее Федя. — За солнце не бойся. Оно вечное.

Волшебная гора

— Мама, расскажи про детство...

Традиция семейных альбомов и дневников ушла в прошлое, но память все еще хранит семейные предания. Для детей детство родителей — это «предания старины глубокой». Когда родители были маленькими, их, детей, еще не было на свете. Раздвигаются горизонты времени. Оказывается, когда-то их не было, а все было. Без них.

Семейные легенды — это первые уроки истории. Вместе с конкретными событиями они несут с собой признаки незнакомой эпохи: тогда еще носили длинные юбки, тогда у базарных ворот стояли верблюды, навьюченные поклажей, тогда еще...

Дети хранят в памяти эти легенды так же бережно, как и взрослые, но вносят в них коррективы. Чаще всего они их «осмешняют». Больше всего им нравятся истории, в которых взрослые чудачат. Меньше им нравятся дидактические рассказы, призывающие быть, как бабушка, или слушать папу, «как я в детстве».

«А Вы сегодня расскажете про своего знакомого?» — спрашивают на занятиях дети. Кто же это такой, мой знакомый? Это — Орфей или Аполлон, Человек-Туча или Смешной Дядя, которому не хватило места на пляже, и ему пришлось примоститься в шезлонге на облаке. «Знакомый» сближает с детьми мифологических героев и сказочных персонажей. Со знакомым можно быть накоротке. К любимым «знакомым» они обращаются на «ты». Не от невоспитанности, а от доверчивости.

Светлые июньские ночи. Тьма медлит, но и дети не сдаются — набегались, накупались, наигрались, глаза сонные, да сна нет.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ГАЗЕТА ЦК КПСС

Москва К-55, Новослободская, д. 73.
Телефон: 285-78-02.

№ _____ 197 г.

— А Расскажи про Баку, — просит Федя.

Он уже бывал в Баку, жил в доме, где мы с мамой выросли, пускал пузыри с того самого балкона, на котором мы с моей тетей Марой разводили цыплят и играли в куклы. Баку Федю пленил: стеклянные галереи, увитые виноградом, набережная с катерами, ночные огни города, ярусами поднимающегося с моря, воздух с едва уловимым привкусом нефти.

— В первом классе у меня была любимая подружка, Лиза Вартаньян.

— Та самая Лиза, которую мы искали и не нашли? — уточняет Федя. — Помнишь, как мы солнечным утром заглянули в какой-то двор, спустились по лестнице в подвал и оказались в галерее, освещенной электрическим светом. Навстречу вышла женщина, ты спросила ее про Лизу Вартаньян. Но она о такой и не слышала. А я тебя спросил: «Может быть, ты перепутала?»

— Нет, я не перепутала. Это был тот самый двор, та самая галерея, где мы с Лизой вырезали кукол из бумаги, раскрашивали их остро заточенными карандашами и выступали с ними перед Лизиним папой. Мамы у нее не было. По дому шастали какие-то старушки в черных одеждах. Я их побаивалась. Главным в доме был Лизин папа — часовщик. Его ранило на фронте, он был без ног и сидел в коляске.

— В коляске! — смеется Маня. — Разве взрослые сидят в колясках?

— Это инвалидная коляска, помнишь, мы видели в парке Кемери людей в креслах на колесах.

— В доме было множество часов. Лизин папа их чинил. Посмотри на них в специальное зеркальце — оно у него было на лбу...

— Приклеено?

— Нет, у него был специальный обруч на голове, и с него на лоб спускалось зеркальце.

— Он что ли лбом смотрел?

— Мань, когда ты рассказываешь, тебя никто не перебивает. Сразу обижаешься.

Маня натягивает одеяло на подбородок и умолкает.

— Дом был полон часовых звуков — все тикало, куковало, трещало, било. Каких только часов не было — с маятниками и кукушками, огромные и совсем крошечные. Сперва Лизин папа определял, почему часы остановились или неправильно показывают

время, потом развинчивал их маленькой отверткой. Иногда из них с треском вылетала пружина. Тогда он подбирал к ним новую, ставил ее на место старой и закрывал крышку циферблата — все, готово.

Еще у него было несчетное количество пузырьков с разноцветными маслами и жидкостями.

— И ты делала духи для кукол!

— Нет, это ты делаешь духи для кукол! А мы с Маркой собирали флаконы из-под духов. У каждой была своя коллекция. Мы менялись: три пузыречка из-под пробных духов за флакон из-под «Красной Москвы» с притирающейся пробкой. Без пробки цена флакона резко падала... Так вот, черные старухи вносили в мастерскую чай. В огромном подстаканнике, похожем на Девичью башню в старом Баку. Одна несла чай, а другая — блюдце с сахарной головой и щипчиками, чтобы откусывать сахар. Эта сахарная голова и навела Лизу на мысль про Ледяную Гору. Лиза казалась мне самой красивой девочкой на свете. И я подумала, что она и есть принцесса Ледяной Горы. Хотя принцессе Ледяной Горы надлежало бы быть русой, светлоглазой, строгой, наверное. Лиза скорее походила на Шахерезаду. Огромные карие глаза с длинными ресницами, губки бантиком, в ушах золотые сережки.

Мне было поручено придумать сказку. Дома я ее придумала, мама напечатала на машинке, и я побежала к Лизе. Она слушала меня молча, навивая локон на палец. По ее лицу никогда не догадаешься — нравится ей или нет. А вдруг не понравится?

— Ей, конечно, понравилась, — говорит Федя.

— Я бы сказала, что она отнеслась благосклонно. Гору я предложила сделать из ватмана. Свернуть бумагу кулком, а сверху облить канцелярским клеем. Так мы и сделали. Получилась не гора, а клоунский колпак. «В конце концов она волшебная и может быть любой», — рассуждала я вслух. Мое рассуждение Лизе не понравилось. «Тогда возьми табуретку и напиши на ней “Ледяная Гора”!» Запахло ссорой. Ссориться я не хотела. Ссориться — значит, идти домой, а мне так нравилось у Лизы. Я вертела гору и так, и сак, и наконец сообразила — нужно подраспустить кулек. И верно — гора сделалась покатою и обширной. Мы облили ее клеем, и она сверкала, как сахарная голова. Пока не высо-

хла. Застывший клей стал матово-желтым. Ну и что? А если это гора в тумане?

Мы водрузили изделие на кафельную печь. На ее выступе красовался курчавый фарфоровый мальчик: глаза смотрят вбок, указательный палец приник к губам, мол, тихо, пожалуйста, без ссор!

Пока мы рисовали и вырезали принца, принцессу и дракона...

— Какого еще дракона? — шепчет Маня. — Не хочу дракона!

— Его победит принц, вмиг расправится со всеми головами... Так вот, за окном темно... (за нашим так настоящая ночь!) и сейчас за мной придет Мара, и мы не успеем показать спектакль. Пришлось нести в мастерскую к Лизиному папе принца с принцессой, раскрашенных на скорую руку, а дракона, за неимением времени, окатить зеленой гуашью. Самым добротным изделием оказалась гора.

Лизин папа развернулся на коляске, приготовился смотреть спектакль. Я должна была рассказывать, а Лиза — показывать.

«Жила-была принцесса. Хозяйка Ледяной Горы. (Лиза показывает принцессу.) Покой ее нарушал вредный дракон (из-за горы появлялся дракон). Принцесса была круглой сиротой, и заступиться за нее было некому. Дракон извергал огонь из всех своих пастей и растапливал гору. Вот уже превратились в воду кровать и подушка с одеялом (как это показать, мы с Лизой не догадались), вот уже растаяли конфеты и пирожные... В ту пору мимо проезжал принц (наш спаситель идет пешком, коня мы вырезать не успели), вынул он острый меч из ножен и зарубил злодея».

— А потом женился на принцессе и увез ее из этой лужи, да? — радуется Маня.

— Да. И в этот момент, под звук аплодисментов — Лизин папа умел громко хлопать — входит сердитая Мара. «Ты знаешь, который час! Ну-ка марш домой!»

Лиза подарила мне гору. Мара обозвала ее барахлом. Всю дорогу она ругала нашу гору последними словами, но я ни за что не соглашалась ее выкидывать. Довольно долго гора жила у нас в доме, но потом затерялась при переездах. Ну вот и все, спокойной ночи.

— Федь, а давай мы маме гору сделаем, — доносится Манин шепот из-за фанерной перегородки. — Есть клей... бумага...

Дом любителей Гоголя

Огромная оранжевая луна висит над старым корявым вязом. Светятся белые розы. На неубранном столе — свечи в подсвечнике. Мы слепили его из глины; вокруг подсвечника серые восковые катышки — дети соскребали мягкий теплый воск с клеенки, катали шарики. Сегодня у нас неожиданные гости: моя подруга Света с семилетним сыномлевой и четырехлетней дочкой Алей.

— Слушай, ничего, что мы так нагрязнули, — спрашивает Света, — это все Левка, он меня занудил: «Федя — мой единственный душевный друг, я без него не могу».

Федя с Левой занимаются французским. Феде нравится французский, нравится самостоятельно ездить к учительнице на «Динамо», а для Левы самое главное — это встреча с Федей. Он до-

статочно деликатный ребенок, чтобы спросить Федю напрямую, любишь ли ты меня, но в его глазах вечная мольба: «Скажи ты мне, скажи ты мне, что любишь ты меня».

У меня занималась одна девочка. Садясь за стол, она спрашивала своего соседа: «А ты будешь со мной дружить?» Если ответ был утвердительным, она, счастливая, принималась за лепку. Если нет, она не притрагивалась к пластилину. «Почему ты не хочешь со мной дружить, почему?» — допытывалась она весь урок.

Лева мечтает быть Федей. Тем Федей, которого он для себя сочинил. В его представлении — это независимый, небрежный парень, который не льет слезы над тем, что Пушкина убили на дуэли.

Как-то, по предложению Левы, мы лепили «дом любителей Гоголя».

С моей помощью Лева вылепил портрет Гоголя. «А теперь надо

слепить Пушкина». — «Зачем? Ведь у нас дом любителей Гоголя, а не Пушкина?» — «Но ведь Пушкин подсказал Гоголю сюжет “Ревизора”! А чтобы было ясно, что это дом любителей Гоголя, пусть Пушкин будет меньше Гоголя».

Ваша кошка все время меняет позу

— А я бы хотел слепить настоящую кошку, — говорит Лева. — Я видел тут у вас черную кошку, давайте ее слепим.

— И курицу, — прибавляет Маня.

— С ведром, — ухмыляется Федя, — и будет кошкин дом. — При Лева он такими глупостями заниматься не станет.

— Пожар из пластилина не получится, — говорит Аля. — Ничего, нарисуем и вставим в окно.

— Дом это ерунда, дом я умею, — говорит Маня.

— А я слеплю репку. Не простую, а золотую.

— Аля, это другая сказка, — замечает Лева, — в той сказке еще бабка, дедка, внучка, Жучка. Лучше кошкин дом. Дом тоже можно сделать из бумаги, а то пластилина на все не хватит.

— А я пока твоего «Спартака» почитаю.

— Федь, мы же решили вместе, — огорчается Лева.

«Мам, Лева на меня все время обижается, — сказал мне как-то Федя. — Например, мы играли, а я забылся и начал читать книгу. На меня многие обижаются. Беспальцева никогда больше не приглашает меня на день рождения. Я весь день рождения читал. А она-то пригласила меня не для чтения, а для танцев и игр».

— Мы начнем, а Федя присоединится, — утешаю я Леву.

Ставлю зажженную свечу на стол.

— Это у нас будет пожар. Когда кошкин дом будет готов, мы зальем пожар. Вернее, курица зальет.

Федя откладывает книгу и, загипнотизированный пламенем, приближается к столу. Я знаю, как его завлечь.

— Никак у меня кошка не получается, — говорит Лева Феде. Надо же его удержать!

— Ты, наверное, забыл, как она выглядит. Сейчас тебе Лизу при-тащу.

Он быстро возвращается с Лизой под мышкой.

— Мам, а киски не умирают никогда? — спрашивает Маня. — А собаки никогда не умирают?

Лиза выскальзывает из Фединых рук и забивается под кровать.

— Мам, наверное, киске стало грустно. Скажи нормально, стало киске грустно или нет.

— Кискам не бывает грустно, — отвечает за меня Аля. — Кошки умирают, и люди умирают, когда состарятся. Все умирает, когда состарится.

В отличие от Левы, Аля твердо стоит на земле.

— Мам, ты ее не выгоняй никогда, она будет наша. Это наша стала кошка, раз она к нам так ласково обращается.

— У кошки есть хозяйка, — заявляет Аля. — Она ее любит и кормит.

Лиза выползает из-под укрытия, трется о Левину ногу, тем самым мешая ему ее изучать.

— Мам, киска только об людей так вытирается? Водой своей, да?

— Не водой, а шерстью, — поправляет Аля.

— Мам, откуда у киски мокрое достается? Наверное, от дождя. Я посмотрю, идет дождь или нет. Идет, — сообщает Маня, — значит, правильно, что от дождя.

Лиза нюхает игрушки.

— Мам, а киски пластмассов не едят? Только машинками играют киски, да, мам? Они их так лапкой толкают, да? — Маня тычет ребром ладони в свой нос, показывая, как «киски лапкой толкают». — Наверное, киска замерзла. (Лиза трясет головой, стряхивает капли дождя.) Скоро зима будет...

— Не скоро, — корректирует Аля, — после лета будет осень, а потом зима.

— Она погреться хочет, она полежать хочет, мам, а положи ее в мою кровать.

— Ваша кошка все время меняет позу, — жалуется Лева, — я не могу так лепить.

- А ты сделай ее стоя, — советует сестра.
— Как, на двух лапах? — не понимает Лева.
— На четырех, — объясняет Аля, — у тебя же не цирковая кошка.

Маня вылепила крошечную курицу, Аля — огромное ведро. В него можно поместить десять Маниных куриц. Федя вспомнил про лошадку с фонарем — вылепил. Один Лева ни с места. Он хочет сделать настоящую кошку, а настоящую, не стилизованную, ребенку вылепить не под силу.

- Давай посмотрим, — говорю я Лева, — у Лизы большая голова?
— Не очень.
— Ну сколько примерно раз укладывается в туловище?
— Где-то четыре, — прикидывает Лева.
— Что из этого следует?

— Что туловище у нее должно быть длиннее. (Лева «вытягивает» туловище.)

— Голова у нее на что похожа — на грушу или помидор?

— На патиссон.

— А у твоей морда вытянутая, как у лошади. Сплющь. (Сплющил.) Уши вытяни и заостри. (Вытянул и заострил.) Теперь хвост. (Лева смотрит на Лизу, а она, хитрюга, поджала хвост под себя. Подошел к ней, погладил по шерстке, она выгнула спину и показала ему хвост.) Ну, какой там хвост? Не особо уж пышный, правда? А у тебя он больше самой кошки.

Лева перелепил хвост.

— Вышло! Не совсем, конечно, похоже на Лизу, но на кошку вообще-то похоже. Я понял: надо все время сравнивать одно с другим.

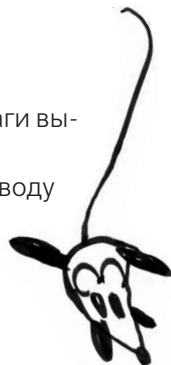
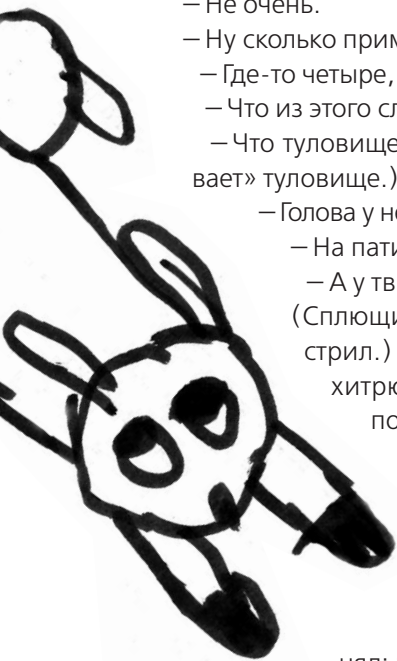
— Ну, лошадь, свети фонарем, курица, беги, да ведро не забудь, а ты, кошка, смотри, как мы отважно тушим пожар.

— Дома нет! — восклицает Аля.

— Дом забыли! — смеется Маня.

Я вырезаю из бумаги развертку. Домишко из тонкой бумаги вышел хлипким.

— Скорее, дом вот-вот рухнет, — говорит Аля и выливает воду из ведерка на горящую свечу. — Раз, раз, и пожар погас!

Почему я такой!

Все ушли на море, Федя остался дома. Он устал от общения. Почитал «Спартак», успокоился, взялся вырезать фигурки из рисунка, который он нарисовал еще до приезда гостей. Мальчик с собакой на поводке, за ним еще одна собака – хотел изобразить Лесси, она вышла слишком толстой, но все же узнаваемой. На заднем плане – маленький голубой человечек с мячом, за ним совсем уж крошечный.

«Дорогой папа! Исследование провалилось. (Головастики подошли.) Что и как, объяснять не буду, и куда мы их вылили. Мама меня перехваливает. (Я писала, что Федя мне помогает.) Про Маньку-встаньку очень точно, потому что она как раз встала и ушла на море слевой и Алей. Про день я расскажу хитро (Сергея просил Федю описать какой-нибудь день), так как я пишу утром и знать, что будет днем, не могу. На небе солнце. Небо было в тучах, но сейчас прояснилось. Когда смотришь из оконца маминной комнаты и глядишь в упор, видно только беспросветную зелень. Я устал. Привет от мамы. Пока».

- Ну почему я такой? — Федя подымает глаза от бумаги.
- А какой ты?
- Недобрый.
- Почему?
- Потому что не пошел со всеми на море. А Лева просил...
- Хочешь исправиться?

Кивает.

- Принеси воды — буду суп варить.
 - А может, пожар заливать? Тогда цыганскую курицу попроси.
- Федя спускается во двор, наливает ведро до краев, еле тащит,

приговаривая:

- Что-то я слабая курица... А в магазин надо сходить?
- Да.

Даю ему деньги и перечисляю все, что нужно купить в магазине. Федя придумал, как ему вернуться к народу. Так просто он не может, а теперь у него есть объяснение: он остался мне помогать, воду принести, в магазин сбегать.

Он быстро возвращается с полной сумкой.

— Кстати, их там не оказалось, — говорит небрежно, как бы между прочим. Но видно, что огорчен. План провалился. — Мам, а человек может стать лучше только от одного желания?

— Может.

— А как?

— Если он не будет делать другому того, чего не желает себе.

— Невозможно! — восклицает Федя. — Мы убиваем животных, чтобы есть. А нам-то не хочется, чтобы нас убивали и съедали.

— Но мы-то с тобой никого не убиваем.

— Во-первых, убиваем. Головастики убили. А во-вторых, едим то, что убито другими. Все равно плохо.

Я смотрю в кастрюлю. Настроение паршивое. Я сама не знаю, как надо жить, как стать хорошей.

— Мама, ну мама... — Федя трется лбом о мое плечо. — Давай не думать. Правда, думать не надо, а надо всех любить? Да, мам?

ЖИЗНЬ —
ЭТО ЖИЗНЬ,
И НАДО
ЖИТЬ КАК
НАДО, А НЕ
КОЕ-КАК

Птицы в валенках

Вечером Федя слевой берутся за французский. Они его изрядно подзабыли и вот теперь экзаменуют друг друга по словарю. Чтобы им не мешать, мы отзываем девочек на крышу, выносим туда ящик с игрушками.

Общение Мани и Али основано на принципе взаимодополняемости. Маня спрашивает, Аля отвечает.

— Почему птицы голые?

— Они не голые. У них перья. В Москве я посадила в горшок перо голубя. Когда мы вернемся, из него уже вырастет птица. Да-да, точно вырастет.

Маня и не думает спорить. Ее волнует другое:

— Но ноги-то у них голые!

— У них не ноги, а лапы.

— Ну лапы-то у них голые!

— Это ничего, Манечка. — Аля гладит Маню по голове, она старшая. Быть старшей ей очень нравится. — Твоя мама сошьет им валенки, и им будет тепло. Твоя мама сумеет, ты ее попроси.

— Мам, ты сошьешь всем птицам валенки? Всем-всем, и воробьям сошьешь, да, мам?

— Зимой и сошью, — соглашаюсь я в надежде, что к тому времени летние планы забудутся.

— Ты очень тяжелая. — Аля силится приподнять Маню.

— Тяжелая, зато веселая, — парирует Маня. Она сидит на корточках перед горой песка (дети устроили на крыше дюны), зачерпывает миской, высыпает. Опять зачерпывает.

— Постройте домик, — советует Света. Она не терпит бессмысленного пересыпания из пустого в порожнее. — Вот, думала, приедем, потреплемся... Разве они дадут?

— Мы вам сейчас кое-что изобразим, — объявляет Лева. — Теодор, — обращается он к Феде, — комон са ва?

— Сам ты сова, — отвечает Федя.

— Ты сам сова! — подхватывает Маня.

На репетицию ушло куда больше времени, чем на представление. Ни с того ни с сего на нас нападает смех. Героев Шолом-Алейхема одолевал чих, а нас смех. Смеяться веселее, чем чихать.

Дурное настроение

Мы провожаем гостей на станцию. Дети грустят. Мы провели вместе прекрасные дни — ездили в «далекий» лес, плавали в «далеком» море, где кроме нас не было ни души, излепили весь пластилин, расписали стену в детской комнате и даже успели вдоволь наговориться со Светой.

Мы познакомились с ней в одиннадцать лет, в больнице. У меня в то время был друг, хромой мальчик. Он жил в другом корпусе. Ему сделали операцию, и, чтобы нога разрабатывалась, нужно было много ходить. Так что я ходила с ним «ходить». Однажды, когда я в очередной раз собралась «ходить», я не обнаружила своих брюк. Света их нарочно выстирала, чтобы мне не в чем было выйти из палаты. «Где твоя девичья гордость? — сказала она мне. — Если ему надо, он сам к тебе придет». Но я нашла какие-то бесхозные брюки и все равно ушла. Оказывается, Света ревновала меня к этому мальчику, и «девичья гордость» тут была ни при чем.

— Помнишь, как перед выпиской ты предложила встретиться в 16 лет? А я сказала: как же мы узнаем друг друга? Как ты думаешь, мы изменились?

— Изменились, конечно.

— Да, мы изменились... — Света поправляет выбившуюся прядь. Она рано поседела, наверное, потому, что переживает за весь мир. За стариков и детей. За бездомных кошек и собак. В этом она ничуть не изменилась.

Мы стоим на платформе. Аля вцепилась в оконное стекло kno-
почным носиком, Лева сначала стоял у окна, потом отошел вглубь,
чтобы мы не видели его слез.

— А теперь давай поедem к ним, — говорит Фе-
дя, как только электричка уходит. — А вообще-
то нет, скоро папа придет.

— А папа без нас не состарился? — спра-
шивает Маня. — А вы не состаритесь и не
умрете? Мне вас жалко...

Маня затосковала. Разговоры о смер-
ти — реакция на расставание. Расставание — это
навсегда. Она не понимает, что пройдет лето,
мы вернемся в Москву и снова встретимся. Она
живет моментом.

Зашли в кафе, Маня увидела мороженое — и хан-
дры как не бывало. Уплетает за обе щеки пломбир, воз-
ит ложкой по металлической вазочке.

— Как ты думаешь, кому лучше: тому, кто уезжает, или тому, кто
остается? — спрашивает Федя. — Мороженое тоску не охладило.

— Хочу к Мише!

Пока у нас гостила Света с детьми, Маня о Мише не вспоминала.
А я пойду «Спартака» читать, — решил Федя.

Теперь «Спартак» в его памяти будет связан с Рижским взмо-
рьем, с дружбой и расставанием.

Я отвела Маню в гости и вернулась домой.

— Ценная книга «Спартак», правда? Я попросил почитать, а Лева
отдал насовсем. И запросто так: «Бери, дарю». Мам, а как ты под-
ружилась со Светой?

Я рассказываю Феде историю нашего знакомства, про больни-
цу, про то, как мы боялись не узнать друг друга в 16 лет, про то,
как Света выстирала мои брюки, чтобы я не могла никуда уйти.

— Конечно, это не очень хорошо, что вы лежали в больнице,
но если бы вы не лежали там, мы бы никогда не встретились.

— Ладно, Федь, читай.

Федя пытается углубиться в чтение.

— Мама, а зачем люди разводятся? — Не читается ему.

Я долго и нудно объясняю Феде, почему люди разводятся, снабжая рассказ примерами из жизни своей разветвленной семьи.

— Да, — вздыхает Федя задумчиво. — Чего ждать от взрослых, если я сам в первом классе хотел жениться на Маринке, а во втором переметнулся к Алле. За два года две измены. Я, например, хотел бы писать всякие заметки, как великие писатели.

— Что же тебе мешает?

— В таком возрасте не пишут. Я за Маней сбегая, ладно?

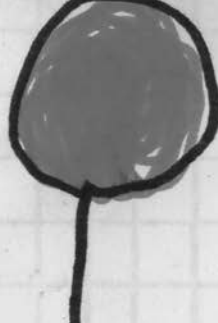
Неймется ребенку.

Внезапно подымается ветер. Сдувает со стола бумагу. Ветер треплет лепестки роз, гонит с моря тяжелые облака, пригибает к земле стрельчатые листья лилий. На душе тревожно. Я включаю в комнате рефлектор, соскребаю в комок остатки пластилина. Леплю и думаю, что возникновение внезапных, ничем вроде не мотивированных тревог — нормальное явление. Если покопаться, можно обнаружить массу причин, но от тревоги это не избавляет. Одним помогает вязание, другим чтение, третьим долгие беседы по телефону. Мне помогает лепка. Я мну пластилин до тех пор, пока что-то не появится. Вижу какую-то старую даму. Леплю ее и уже знаю, что в ногах у нее будет сидеть кошка в расслабленной умиротворенной позе, тогда как дама, угловатая, нескладная, будет напряженно прямо сидеть на стуле, четком, геометричном, но с округлой покатою спиной. Я леплю быстро — резко похолодало и надо отнести детям куртки, — мне нравится то, что выходит (разонравится, как только сделаю). Думаю, взрослым проще справляться с собой. Немотивированные страхи, раздражение, злоба — все это накатывает на детей ни с того ни с сего, и им кажется, что это навсегда. Нас спасает опыт — сколько раз с нами это было — и прошло. И что тут делать, отвлекать, утешать или дать детям возможность самим справляться с дурным настроением?

Идиллия

Я иду по дороге, усыпанной мелким гравием, и уже издали вижу детей. Они сидят на корточках у обочины.

— Мы моем камни, — сообщает Маня, — смотри, как блестят!

Январь Февраль Март Апрель

Пн. 4 11 18 25 1 8 15 22 29 7 14 21 28 4 11 18 25
 Вт. 5 12 19 26 2 9 16 23 1 8 15 22 29 5 12 19 26
 Ср. 6 13 20 27 3 10 17 24 2 9 16 23 30 6 13 20 27
 Чт. 7 14 21 28 4 11 18 25 3 10 17 24 31 7 14 21 28
 Пт. 1 8 15 22 29 5 12 19 26 4 11 18 25 1 8 15 22 29
 Сб. 2 9 16 23 30 6 13 20 27 5 12 19 26 2 9 16 23 30
 Вс. 3 10 17 24 31 7 14 21 28 6 13 20 27 3 10 17 24

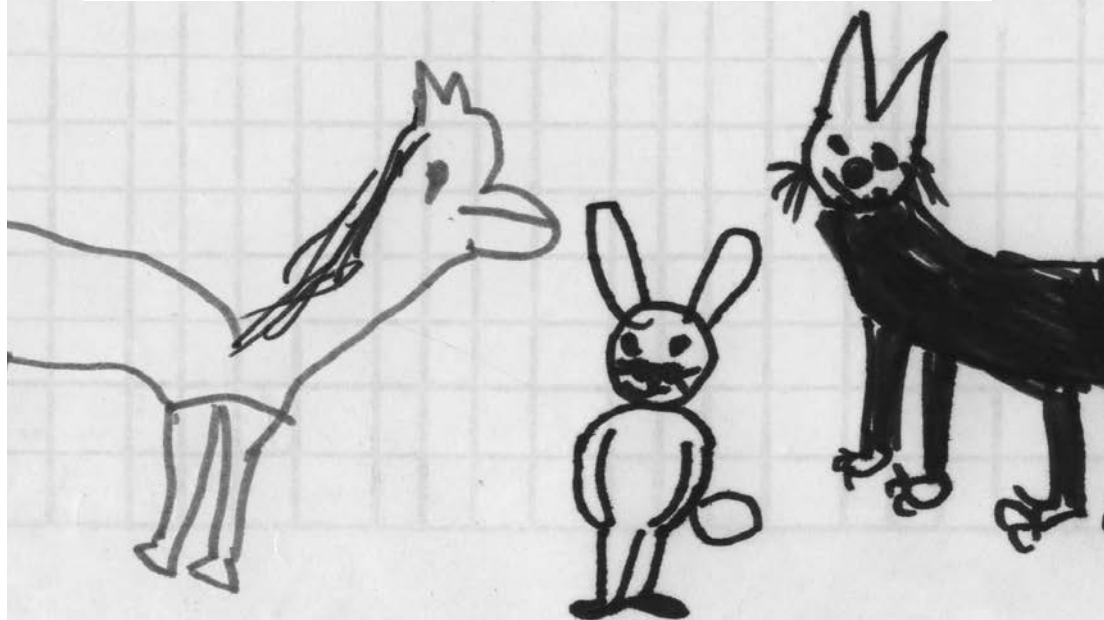
Май Июнь Июль Август

Пн. 2 9 16 23 30 6 13 20 27 4 11 18 25 1 8 15 22 29
 Вт. 3 10 17 24 31 7 14 21 28 5 12 19 26 2 9 16 23 30
 Ср. 4 11 18 25 1 8 15 22 29 6 13 20 27 3 10 17 24 31
 Чт. 5 12 19 26 2 9 16 23 30 7 14 21 28 4 11 18 25
 Пт. 6 13 20 27 3 10 17 24 1 8 15 22 29 5 12 19 26
 Сб. 7 14 21 28 4 11 18 25 2 9 16 23 30 6 13 20 27
 Вс. 1 8 15 22 29 5 12 19 26 3 10 17 24 31 7 14 21 28

Сентябрь Октябрь Ноябрь Декабрь

Пн. 5 12 19 26 3 10 17 24 31 7 14 21 28 5 12 19 26
 Вт. 6 13 20 27 4 11 18 25 1 8 15 22 29 6 13 20 27
 Ср. 7 14 21 28 5 12 19 26 2 9 16 23 30 7 14 21 28
 Чт. 1 8 15 22 29 6 13 20 27 3 10 17 24 1 8 15 22 29
 Пт. 2 9 16 23 30 7 14 21 28 4 11 18 25 2 9 16 23 30
 Сб. 3 10 17 24 1 8 15 22 29 5 12 19 26 3 10 17 24 31
 Вс. 4 11 18 25 2 9 16 23 30 6 13 20 27 4 11 18 25

1988

— А я нашел два драгоценных, — сообщает Эрик.

— А где Федя? — спрашиваю.

— Читает.

Маня в Мишином свитере. Дотрагиваюсь до ее носа — теплый.

— Ты не устала?

— Устают-то старые, а я молодая, — заявляет она, выковыривая очередной «драгоценный» камень.

— И я молодой, и я! — подхватывают Эрик с Мишей.

Миша, занятый рисованием, успокоился, и Эрик, освобожденный от занятий музыкой и триоксазина, тоже пришел в себя. Между ними установился нормальный контакт. Значит, дело было не в конфликте характеров, а в столкновении состояний. Когда они встретились, они были не в ладах с самими собой.

И Наташа подружилась с Лидой. Теперь им не нужно ежедневно быть настороже. Федя читает, свернувшись клубком на кровати. Над ним — Мишин рисунок. Парусная лодка. Несколько точных штрихов образуют лодку, парус не прикреплен к ней, он на отлете, и это создает впечатление движения. Море тоже не нарисовано, но три цветных дуги под дном парусной лодки создают ощущение качания на волнах. Сверху нарисован оранжевый круг: то ли луна, то ли солнце.

— Кто же это такую избушку нарисовал? — спрашиваю я.

— А как ты узнала, что это не Мишин рисунок? — удивляется Наташа.

— Так рисуют отличницы в школьных альбомах. Контур, внутри раскраска.

— Это ему девочка соседская подарила. Хорошая, кстати, девочка.

— Девочка-то может быть очень хорошей, просто она делает то, чему учат в школе. А Миша художник. Посмотри-ка, он обратил внимание на необычность цыганского дома. Он ведь и впрямь распух с торца. Дом с флюсом.

Дети мирно сидят у калитки, делят «драгоценности» поровну.

— Идиллия! — восхищается Лида. — Кто бы мог подумать: за целый день ни одной ссоры. Ты права — нужно было сразу отстать от ребенка. А мне-то как хорошо стало!

Я затаила дыхание и жду, когда она произнесет свое «но». Нет, обошлось. Значит, ей и впрямь полегчало.

Мама, зачем мы тебе?

Мы возвращаемся домой. С моря веет водорослями, ветер бьет в лицо.

— Ты читала Золя?

— Читала.

— Я лично ничего там не понял.

— Так зачем же ты читал? Шел бы домой.

— Я же тебе мешаю!

Федя шепотом повторяет фразу «я же тебе мешаю», словно пробует ее на слух, фальшиво звучит или нет.

— Я заметил одну вещь, — говорит он, — когда я кричу, у меня лицо в одной позиции — грозной, а потом я отвернусь и повторяю выражение лица и слова.

— Зачем ты это делаешь?

— Привычка. Это плохая привычка, как по-твоему?

— Нормальная. Привычка как привычка.

Ветер разогнал всех по домам, даже цыгане скрылись, входная дверь, которая всегда открыта, теперь закрыта. За окном ненастье, а у нас уютно, тепло.

— Давайте потушим свет и посмотрим в окно! — говорит Федя.

Пузырится вода в бассейне, шуршат листья плюща на стволе клена, ветки сливового дерева бьются в стекло, словно просят приюта.

— Пить, есть! — требует Маня.

— Чур я сам делаю глазунью! — У нас капризный баллон с газом, и я боюсь подпускать к нему Федю. — Ты включи газ и иди. — Он уже принес яйца из холодильника, поставил сковородку на конфорку. — Правда, заниматься домашним хозяйством важнее, чем учиться в школе? В школе этому не учат, — говорит Федя, довольный тем, как ловко он расколол яйцо о ребро сковороды — желтки уцелели. — Здорово же ты слепила эту тетку с кошкой! Мам, зачем мы тебе?

— Как это зачем?

— Если бы нас не было, ты бы стала знаменитым скульптором. А из-за нас у тебя нет времени. Ты перелей все свои работы в бронзу, они же пропадут!

— Хорошо, что вы мне дверь открыли. — Маня прослышала о нашей беседе и уже тут как тут.

— Какую дверь? — не понимает Федя.

— Нашу. Если бы вы мне дверь не открыли, я бы к вам не попала.
— Мань, ты к нам не пришла, тебя мама родила.
— Нет. Я сама пришла, — утверждает Маня.
— Ну ладно, сама, — кивает Федя. Глазунья готова — некогда спорить! — Мам, а почему мужчины не женятся на мужчинах, а женщины на женщинах?

Я пожимаю плечами. Стоит промедлить, как у Феди уже готов ответ:

— Потому что у мужчин с мужчинами детей не будет, а у женщин с женщинами их будет слишком много. Ну что, находчивый ответ?

— Вполне. Неси хлеб.

Мы чинно восседаем за столом. Нахваливаем Федину глазунью.

— Федь, у меня индея: давай мы каждый день будем есть пирожные!

— Индея-то хорошая, но неправильная. От пирожных ты растолстеешь, и никто на тебе не женится.

— А ты?

— Так уж и быть, женюсь, — смеется Федя и переходит на шепот.

Что уж он там нашептывает? Так хочется выйти из дому, прогуляться по морю, но стоит сделать шаг к двери и сразу: «Мама, ты куда?»

Так и я вечерами не отпускала от себя маму, а теперь мы так далеко друг от друга. Вот бы сейчас оказалась здесь мама! Мы бы с ней все обсудили...

— Лена, к телефону!

Я лечу по ступенькам, вбегаю в хозяйский дом и плюхаюсь в кресло.

— Как хорошо, что я тебя дозвонилась, — говорит мама, — вдруг такая на меня тоска нашла. Смешно, но иногда мне кажется, что не я тебя родила, а ты меня. Когда ты рядом, я чувствую себя защищенной.

— Тебя кто-нибудь обидел? — спрашиваю я, как вправдашняя мать.

— Все прекрасно, — выдыхает мама в трубку, — рассказывай!

Я рассказываю маме, как замечательно мы живем, и все такое, и вижу, как она улыбается, довольная моим описанием моря, леса и путешествий.

ЗЕМЛЯ

Воспойм нашу старую землю,
Потреска она и богатств её много,

Вот это она надеждает нас ^{Согревает нас у себя}
И сигран вкуснейшим нас поит ^{теплоты}

Потреска она и богатств её много,
Прославим же землю!

Воспойм ещё нашу старую землю

Мать наша, ^{родится наша душа} ты с нами и душой ^{созда}
И заботы свои у нас ^{и заботы нас забот}
(На ветвях ты кажи ты о нас ^{силь})

Прославим же землю!

Воспойм ещё нашу старую зем

Цветы у нас ^{и птицы} ^{и птицы} ^{и птицы} ^{и птицы}
Которые грустное песней ^{и птицы} ^{и птицы} ^{и птицы} ^{и птицы}

Земля всё живое для нас сотворила,

Прославим же землю!!!

Мама уже не говорит мне, чтобы я не ходила в мокрой обуви и не жарилась на солнце. Ее интересует другое: успеваю ли я писать прозу, что читаю. Ее интересует, чем я занята, кроме детей. А действительно, чем?

Лучший друг

«...Я в доме один. Все ушли в лес, а я решил остаться, потому что хочу написать несколько писем. С Геркой я в этот раз прижился. Он меня больше не колотит. Недавно я с ним собрался в Пумпури на его велосипеде. Не успели проехать и километра, как милиционер отнял велосипед. За то, что мы не зарегистрировали номер. Капает дождик... Да, извините, как вы поживаете? Как погода? У нас вся живность: мама, папа, Маня и я — жива и невредима. Уже конец августа, так что скоро приедем. Простите, что пишу по-русски, надеюсь, что после первого урока буду снова писать по-французски. Теодор Макарофф».

Лето подходит к концу. Знакомые, понаехавшие на взморье в разгар сезона, наносят нам визиты. Крыша — идеальное место для дачных посиделок. Знакомые приходят и приезжают с детьми, у всех проблемы и у всех разные.

— Давай на будущее лето снимем дачу в Плиньциемсе, — предлагаю я Сереже. — Там будет полная тишина.

— Тишина там, где тебя нет. Отправь тебя на необитаемый остров, через неделю там будет вавилонское столпотворение.

Он говорит это, стараясь сдержать раздражение, как бы в шутку. Действительно, во что я превратила наше житье! Оно обещало быть спокойным, комфортным — чудное место, море, лес, розы, отдельный дом с крышей. А что вышло? В доме беспорядок: вещи раскиданы, бродят всевозможные дети, чужие и наши, гости оккупировали крышу, жарят шашлыки и играют в «эрудит».

Я бреду по берегу моря. Накапывает дождь, низко над землей парят ласточки.

— Мам, чего ты? — Федя догнал меня.

— Ничего. Гуляю.

— Можно с тобой?

Мы идем молча. Федя все хочет что-то сказать, раскроет рот, взглянет на меня и умолкнет.

— Не расстраивайся, — наконец говорит он и берет меня за руку, — это мы все разбрасываем. Ты же не виновата, что все к нам ходят. Помнишь, ты говорила, что случайных людей не бывает. Или они посылаются нам, или мы посылаемся им... Помнишь?

— Так оно и есть. Но есть люди, которым тяжело жить в беспорядке и многолюдье, и об этом забывать не стоит. Ведь и они тебе посланы.

— Ты про папу?

— Да нет...

— Про папу. Я все понял.

Дождь припускает вовсю. Мы поворачиваем к дому.

— А знаешь, что мне Маня сегодня сказала? Она сидела на горшке и трогала свои ноги. А потом и говорит: «Федь, а почему у меня ноги такие ржавые и неласковые?» Смешно, правда?

— Смешно.

— Если смешно, почему ты не смеешься? Мам, знаешь, что я решил? Что надо всех любить и ни на кого не обижаться.

— Ты это уже решил два месяца назад.

— Ну и что? — передергивает плечами Федя.

Я накрываю его полой куртки, он прижимается к моему боку, маленький, щуплый мальчик с русой головой, полной совсем не детских мыслей.

— Мам, знаешь, что я еще решил?

— Что?

— Что жизнь — это жизнь, и надо жить как надо, а не кое-как.

— А это как?

— А так. Идешь, видишь качели. Подходишь (мы приближаемся к качелям), ты садишься (я сажусь), и я начинаю тебя раскачивать. Не бойся, ну что ты сжалась, как пичуга! ...И нет лучше друга, чем солнца луч, земля, небо, или просто кусок хлеба, или звезды, или луна, или муж, или жена...

— Федь, останови, хватит!

Качели тормозят.

— Приехали! — Федя свел брови, пытаюсь вспомнить, чем же кончался стих. — А, вот! ...Или все, что на земле, хорошим кажется мне! Кажется! Все только кажется...

Послесловие

Ничто и все

Мы вчетвером — сын Федя, его четырехлетняя дочь Лиза и ее двоюродная сестра Даша, приехавшая в гости из Москвы, решили прокатиться по воздуху.

Хайфская подвесная дорога с берега моря на гору Кармель и, соответственно, обратно. В стеклянной капсуле решетка, оттуда проникает воздух. Нас закрыли, но мы пока не едем. Даша (ей восемь) говорит восторженно:

Это самая красивая тюрьма на свете! Все видно, можно дышать! Но если бы не было пола...

Мы выходим из «самой красивой тюрьмы», поднимаемся к монастырю. Лиза никогда не была в монастыре.

Заходим. В верхнем нефе фреска Марии с Христом и ангелами, над ними та же композиция, только скульптурная.

Лиза, замороженно: — Царство фей! Потом опускает голову — вдоль стены горят свечи вровень с ее глазами. — Духи фей!

Постояв в волшебном пространстве, набрав полные руки застывшего белого воска, девочки выходят из монастыря. Рвут охапками заячью капусту, запихивают во рты.

Возвращаемся к канатке.

Даша говорит: если бы мы были НИЧТО, мы бы полетели на самолете в Париж без денег, мы бы то, мы бы это, — длинный перечень. Мы Лизе переводим. Она не говорит по-русски.

Она добавляет свои пожелания, на иврите. Мы переводим их Даше. Дипломатическая миссия!

Даша задумывается. А Бог — если Он НИЧТО... Федя, ты говорил мне, что не веришь в Бога, да, ты тогда был в этом же пальто... Если он НИЧТО, и мы невидимые, мы спокойно можем полететь в Париж без билета, мы сможем то, это, — опять тот же перечень. И пауза.

А если Он ЧТО?!

На обратном пути Лиза с Дашей бросают в щелки решетки заячью капусту — это в море, это на дорогу...

Выходим, покачиваясь, из капсулы, садимся в машину.

Лиза достает игрушечный телефон, звонит мне.

Я спрашиваю, как дела, она рассказывает: только что были в Царстве Фей, там был воск, и все русские. Ели заячью капусту

и т.д. Я ее спрашиваю, какие русские слова она выучила в царстве Фей.

Она отвечает: луна, красивый, большой, еще какие-то слова, потом задумывается, и восклицает: Я – НИЧТО!!!!!!!!!!!!

Даша, обрадованная тем, что слышит русские слова, подхватывает: я НИЧТО, я НИЧТО...

Так вот, чтобы проникнуть в суть дела без билета, нужно стать НИЧТО. НИЧТО может ВСЁ.

Кем стала Маня

Мария Макарова – художник, дизайнер международных выставок, израильская чемпионка по снукеру среди женщин.

В тель-авивском Музее русского искусства была представлена ее яркая выставка под названием «Флорентинский период». В приветственном слове художница выразила благодарность своим учителям, в первую очередь – маме, Елене Макаровой. После открытия мы побеседовали с Марией о детстве, о том влиянии, которое оказала на нее семья.

Каково быть героиней маминой книги?

Стараюсь держать марку, смущаюсь, горжусь и думаю, вышло ли из меня что-то хорошее. 85% времени думаю, что да, в остальные 15% меня атакует неуверенность. Конечно же, думаю, вышло ли что-то хорошее из Феди. Например, сдохла ли у нас фантазия, становимся ли мы скучными взрослыми или нет. По-моему, нет.

Похоже ли то, что описано в книге, на твои детские воспоминания?

Я не так часто читаю эту книгу – она затмевает мои собственные воспоминания. Мне мешают фотографии, например собаки Лесси, из-за этого я могу вспомнить что-то, чего не было. Я помню вспышки. Вспышки удовольствия и фантазии. Например, как писала сказки, как клеила пластилин на обои, какой я от этого ловила кайф, как рюмка превратилась в даму, как мне нравилось все украшать, как меня привлекали разные материалы, как я строила дома, где куклы были второстепенными актерами на фоне интерьерера.

Твоя мама до сих пор кого-то чему-то учит, это тебя не раздражает?

Нет. Но я иногда думаю, если бы мама меня всему этому не учила, в кого бы я превратилась? В крутую бизнесменшу? В космонавта?

А чему тебя мама учила?

Что все можно, и все можно сделать из всего. Что свобода может быть даже в самом маленьком кусочке бумаги, и он может превратиться в целый мир.

Ты помнишь, что мама рассказывала тебе про свое детство?

Про интернаты, про пластилин, про дедушку, как он к ней приезжал в больницу. У нее было трудное детство, но в нем были счастливые моменты.

Какое у тебя было детство?

Самое счастливое на свете. За всю жизнь меня всего один раз наказали, притом, что я была хулиганистая. Это когда я пропала, и папа вечером нашел меня на катке. Мне хотелось быть крутым мальчишкой. Но не таким как Федя. Он был слишком порядочным, чтобы служить мне примером.

А ты могла представить, что Федя станет клоуном?

Нет! Я думала, он будет писателем.

Почему?

Потому что он всегда очень много думал. Сейчас, правда, тоже. Оказывается, ему не подходит столько думать, и когда он играет на сцене и не думает, ему хорошо.

Как складываются ваши отношения?

В подростковом возрасте мы какое-то время тусовались вместе, я ходила за ним хвостом. Сейчас мы, к сожалению, мало встречаемся, больше говорим по телефону. Когда у нас серьезные дилеммы, мы звоним друг другу, советуемся.

Тебе нравится, что он делает?

На сцене? Очень! Хотя был момент, когда мне было стыдно ходить куда-нибудь с ним и с папой. Я хотела быть как все, вписаться в общий натюрморт, а они устраивали всякие трюки и привлекали к себе всеобщее внимание. Но теперь мы с Федей устраиваем увеселительные программы на домашних сборищах, и еще я помогаю ему иногда с декорациями. Федя часто мне звонит, и хаотически излагает свои из ряда вон выходящие идеи, на что я ему говорю: дай мне подумать. Пока я пытаюсь найти какое-то визуальное решение, у него возникает другая идея. Мы с ним неумные творческие натуры.

Как ты думаешь, почему вы такие?

Мы росли в такой атмосфере, что все, что в нас было заложено, проявилось. Благодаря, а не вопреки.

Что же это за атмосфера, в которой вы росли?

Я помню тепло, свободу, много людей, которые говорили про искусство, и даже то, что я не понимала, звучало магически. У нас был проходной двор. Приходили взрослые, дети, у нас постоянно жили разные люди. Все было допоздна, пахло кофе и сигаретами. И постоянный звук печатной машинки.

Это мешало?

Нет. Я просто ничего другого не знала. Мне было хорошо. Я живу в том же ритме. Все время кто-то приходит, кому-то пытаюсь помочь. У людей очень многому можно научиться.

Наблюдательность твоя – откуда она?

Это часть характера. С детства. Мне так нравилось наблюдать за людьми и за предметами, когда их двигаешь, каждый раз получается новая история.

В этом вы с Федей похожи?

Не совсем. Мне кажется, что Феде достаточно наблюдать одну минуту, а потом целый час это переваривать. Он очень впечатлительный.

А ты не очень впечатлительная?

Впечатлительная, но у меня все складывается в какой-то узор, я могу одновременно наблюдать и переваривать. Когда я перевариваю, мои мысли близко к наблюдаемому, а Федя уходит далеко от предмета, и этот предмет начинает ему мешать его же наблюдать.

Когда ты assistiруешь маме на семинарах, ты не волнуешься, что она сделает что-то не то?

Я выросла во всем этом, все это было дома, мне бы и в голову не пришло за нее волноваться. Она так естественно себя ведет, что даже если сделает ошибку, это тоже будет часть урока. Ее ученики тащатся от того же, от чего я ловила кайф в детстве. То, что происходило со мной, происходит и с ними. Они чувствуют себя, как взрослые, которым можно делать все, что угодно, и если они в чем-то ошибутся, это тоже будет как часть урока.

Вопросы задавал Грег Кукукин

http://www.chaskor.ru/article/kogda_rastsvetayut_musornye_baki__20572

Кем стал Федя

Сорокинский «День опричника» обрел новое звучание на иврите благодаря тщательной работе, которую провел Федор Макаров – переводчик и... клоун. Да, не удивляйтесь: половину времени Макаров проводит за письменным столом, а вторую половину – на сцене. Сам ли, или с труппой звездного Вячеслава Полунина.

С чего началось, пышно выражаясь, ваше увлечение печатным словом?

С моей семьи. Вся семья занимается литературой. Бабушка — поэт Инна Лиснянская. Мама — писатель Елена Макарова. Отец Сергей Макаров — тоже писатель. Дедушка Григорий Корин, который умер в этом году, был поэтом. Дома постоянно собирались знакомые, которые читали стихи.

Все вокруг занимались исключительно словами, так что я с детства тоже очень увлекался русским языком, чтением. Когда мне было лет семь, сочинял письма в стиле Ломоносова. Потом, в возрасте 14 лет, я приехал в Израиль.

И каким показался Ближний Восток интеллигентному московскому мальчику?

Израиль меня поначалу шокировал. Яркое, режущее глаза солнце, интернат «Хават а-ноар а-циони» в Иерусалиме, куда я пришел в солнечных очках. Мое первое знакомство с израильтянином состоялось, когда ко мне подошел здоровенный пацан и сказал: «Дай мне это». Я спросил: «Что?» Он снял с меня солнечные очки, надел на себя и ушел.

Кстати, в Израиль мы приехали сюда не как иммигранты, а как туристы, потому что маме предложили работу в музее «Яд ва-шем». Я начал знакомиться со сверстниками — детьми маминых коллег. После неудачного опыта в «Хават а-ноар» меня перевели в школу «Бойер», которая считалась очень хорошей.

У меня появилась приятельница-израильтянка, которая была гораздо старше, и мы с ней вели очень серьезные интеллектуальные беседы. Оказалось, что она не знает Хармса. И тогда я решил его перевести. Иврит я тогда еще не знал, но за полгода интенсивного ульпана (школа иврита) и разговоров с подружкой выучил.

Вам легко даются языки?

Французский я учил в советской спецшколе, английский осваивал в Израиле параллельно с ивритом. Испанский хватал со слуха, когда был на гастролях в Мексике, поэтому разговариваю с мексиканским произношением. Никакой особой техники нет, просто у меня хорошая память на звучание. Я визуализи-

рую слова. Видимо, это семейное — моя бабушка-поэт говорит, что ей сложно выносить мат, потому что всё сказанное она моментально представляет себе в максимальных подробностях.

Короче говоря, через какое-то время мои переводы Хармса оказались в литературном журнале «Итон-77». Когда мне было лет восемнадцать, я перевел «Наводнение» Замятина, и это напечатало издательство «Бавель». Это был уже заказ. Потом я переводил с иврита на русский для журнала «Зеркало». Перевел Йоэля Хоффмана, такого замечательного израильского писателя. Отрывки были изданы в «Митином журнале». Затем увлекся клоунадой.

Несколько неожиданный переход.

У меня всегда были два основных увлечения — слова и... всё смешное. Мой папа — переводчик и писатель, инженер по образованию, а по душе — клоун. Я думаю, что всё клоунское я взял от него. В детстве я хотел быть клоуном, лет в семь или восемь, но меня не взяли в цирковое училище. Сказали, что слишком мал ростом. Через лет двадцать я вдруг оказался в Школе визуального искусства в Иерусалиме, где среди всяких непонятных перформансов я внезапно вспомнил, что мне нравится всё смешное. Тогда я записался на курсы клоунады. Через пару лет я понял, что нужно найти себе наставника, мастера, чтобы учиться дальше.

Таким мастером оказался Вячеслав Полунин?

Я случайно услышал, что Полунин устраивает в Москве театральную олимпиаду. Моя сестра, которая живет в Москве, брала интервью у Натальи Табачниковой, которая отвечала за организационные

вопросы. Сестра сказала ей: «У меня в Израиле есть брат-клоун, и он очень хочет приехать на ваш фестиваль». Наташа дала согласие. Таким образом, я не только сам приехал на олимпиаду, но и привез с собой целую кучу израильтян.

Я познакомился со Славой. Это было в кафе. Я сказал, что у меня есть персонаж. Полуниин предложил: давай, показывай. Я побегал, надел на себя костюм, довольно сложный, с горбами.

Прямо в кафе? Интересно, что подумали окружающие.

Я ничего не замечал, полностью погрузившись в этого персонажа. Это был такой нелепый профессор. Я соединил свою умную физиономию с гротеском. Слава персонажа оценил. Он сказал, что это очень хороший человек. Он проверил, могу ли я быть страшным. Оказалось, нет, не могу. Затем Слава определил меня на определенные дни в этом фестивале, когда выступают веселые клоуны, но не страшные.

Впоследствии я отправил Славе письмо о том, что хочу быть его учеником, послал свои видеоматериалы. Как-то все замолкло, и я подумал, что ничего из этой затеи не выйдет.

Через полгода мне внезапно сообщили, что меня ищет Полунин. Он мне позвонил и сказал, что он уже не занимается преподаванием, но если я хочу с ним поработать, он может предоставить такую возможность.

Я приехал к нему во Францию и обнаружил, что у него в комнате на телевизоре лежит мой DVD-диск. Я радостно ему говорю: «О, Слава, так ты это посмотрел?» А он отвечает: «Нет, тут недавно было наводнение, вся техника промокла, ничего не работает».

Облом!

Так он мои видеоматериалы и не посмотрел. Но с того времени — это был 2001 год — я начал ездить по миру со «Снежным шоу» и проездил практически десять лет. Когда мы в Питере работали, я в виде зеленого клоуна залез на колени к какой-то тете и очень долго с ней возился, дурачился по-всякому. Потом мне сообщили, что это была Валентина Матвиенко.

Что интереснее, переводить или валять дурака?

Переводчик — менее ответственная должность. Я, конечно, сижу над текстами и кропотливо их перевожу, правлю, переписываю. Но это не может сравниться с теми моментами упоения, которые есть на сцене.

Но я продолжаю заниматься переводами. Перевел роман Андрея Куркова «Смерть постороннего», «День опричника» Владимира Сорокина. Не столько из-за любви к Сорокину, сколько из-за сложности поставленных задач. Люблю переводить писателей, у которых заковыристый язык. В случае с Сорокиным приходилось создавать эдакий ивритский футуризм. Курков — добротный писатель, но его переводить было менее интересно, язык довольно простой.

У Сорокина опричники постоянно говорят: «Гойда!» Я перевел это словом «хайдэ», оно существует в современных славянских языках и обозначает что-то типа «Давай! Вперед!» Еще одно выражение — «мобила», мобильный телефон. С одной стороны, понятие ультрасовременное, с другой, от него веет чем-то старорусским. Как от слова «коромысло». Поэтому я перевел это как «наяда», от ивритского слова «наяд», «переносной».

Как обычно работает переводчик Федор Макаров?

Я делаю первый, черновой проход. Довольно быстро иду по тексту, оставляя пометки рядом со сложными выражениями. Потом я хожу-брожу вокруг компьютера (вариант — мою посуду) и придумываю аналоги.

Весь переведенный текст я проговариваю про себя. Если есть прямая речь персонажа, я пытаюсь вжиться, стать им, почувствовать, что он может произнести, а что — нет. Это такой театр. По моему мнению, переводчик — это актер, который рассказывает публике то, что он услышал от писателя.

Вспомнился курьез. В «Дне опричника», в этой мифической Москве 2027 года, при дворе модно говорить по-китайски. Я подготовил транслитерацию слов в соответствии с тем, как это происходит на иврите. Например, «цигун» по-русски превращается в «чиконг» на иврите, «и-цзин» — в «и-чин»...

Позвонила редактор и нервно спросила, перепроверил ли я транслитерацию, а то, по ее словам, может быть крупный скандал. Не знаю, какой такой скандал может возникнуть с позиции ивритоязычного читателя, который видит китайскую терминологию в книге, переведенной с русского, но реакция редактора позабавила.

Ваши планы на будущее? Переводческие ли, клоунские.

Два года назад мы с друзьями создали театральный коллектив «Иш» («Человек»). Наш режиссер — Маша Немировская. Мы поставили спектакль «Хаотическая одиссея», герои которого общаются на выдуманном псевдоитальянском языке, гастролировали в двенадцати странах. Теперь работаем над новым спектаклем. Возможно, мне удастся поработать над сольными клоунскими проектами.

А сейчас я живу себе в деревне в Галилее. Пользуюсь солнечным электричеством и развожу кур.

Простите?

Развожу кур. Мои теща и тесть тридцать лет назад вместе с несколькими семьями основали в Галилее деревню Клиль, которая до сих пор является экологически чистой. В том смысле, что там нет электричества, кроме солнечного, практически нет дорог — только

гравий. Моя ось — это Клиль, аэропорт имени Бен-Гуриона, ну, и весь остальной мир.

Наверное, весело живетсЯ детям с папой-клоуном?

С дочерьми я пытаюсь постоянно играть и получаю от этого большое удовольствие. Папа-клоун — это взаимовыгодно, дети учат клоуна, а потом клоун учит этому же взрослых. Самым главным для творческого человека является его ответственность. Я не могу жить как дерево или как цветок. В литературе ли, в клоунаде ли, я должен ощущать, что за свою жизнь успел сделать что-то важное. Это самый главный императив, унаследованный от родителей.

Вопросы задавал Шауль Резник

<http://booknik.ru/context/?id=35912>

Литературно-художественное издание

Серия «Самокат для родителей»

Трилогия «Как вылепить отфыркивание»

Макарова Елена Григорьевна

Освободите слона

том 1

Оформление Дениса Драгилёва

Редактор серии Анна Хегай

Корректор Надежда Власенко

Директор издательства Ирина Балахонова

Арт-директор издательства Татьяна Кормер

Регистрационное свидетельство

№ 002.72.021 от 21.12.2001

ООО «Издательский дом «Самокат»

101000 Москва, а/я 487

Тел. +7 495 506 17 38

info@samokatbook.ru

www.samokatbook.ru

Подписано в печать 15.06.2011

Формат издания 60х90/16

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12. Тираж 5000 экз.

Заказ №

В серии
«Самокат для родителей»
читайте:

«Как роман»
Даниэль Пеннак

«Грамматика фантазии»
Джанни Родари

«Ваш непонятный ребёнок»
Екатерина Мурашова

Скоро в серии
«Самокат для родителей»:

«Лечить или любить?»
Екатерина Мурашова

«Бамс! Пособие для начинающих сказочников»
Анатолий Цирульников

«Тесты для родителей»
Екатерина Мурашова

Мы обсуждаем наши книги
в блоге для родителей:
samokat_parents.livejournal.com

В серии «Самокат для родителей»
выходит знаменитая трилогия
лауреата медали Дома Януша Корчака в Иерусалиме
«За вклад в дело защиты детства»
Елены Макаровой «Как вылепить отфыркивание»

Занятия искусством не призваны сделать всех художниками. Их задача — пробудить фантазию, усилить способности к наблюдению и оценке действительности.

«В начале было детство» — второй том трилогии «Как вылепить отфыркивание» — об уникальности пути каждого ребенка к творчеству и о том, что задача родителя — уметь вдохновить, направить и... вовремя отойти в сторону.

«В начале было детство, и только из него растет творчество».

Елена Макарова более двадцати лет организует по всему миру выставки, семинары и конференции, посвященные уникальной арт-терапевтической методике Фридл Дикер-Брандейс.

«И когда уже невозможно найти смысл в этой жизни, остается одно — любовь». Фридл Дикер-Брандейс, австрийская художница еврейского происхождения, до последнего дня учила детей выражать свои чувства через искусство, отказалась покидать Австрию, преподавала в Терезинском гетто в Чехии и погибла в Освенциме в 1944 году.